КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ФЕВРАЛЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXVIII. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ. (Изъ разсказовъ моей матери). Над. М. Кибальчичъ. (175—184).

II. Очеркъ коліевщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ гг. І. Я. П. Шульгина. (185—220).

III. Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. I—IV. О. П. Роговой. (221—254).

IV. Александръ Андреевичъ Беклешовъ. (1743—1808), малороссійскій военный генералъ-губернаторъ, кіевскій военный губернаторъ, генералъ-прокуроръ. Проф. В. С. Иконникова. (255—304).

V. Беата и Гальшка. Историческій разсказъ изъ польско-русской жизни XVI в. Як. Карѳ. (Переводъ съ нѣмецкаго). Н. М. (305—319).

VI. Культурныя переживанія. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. (320—321).

VII. Документы, извѣстія и замѣтки. Къ біографіи Т. Г. Шевченка. И—й. Письмо 1781 г., глуховскаго адвоката изъ Петербурга, о тамошней жизни. Убійство упыря въ Кіевщинѣ во время чумы 1770 г. Я. Ш. Запорожскій старшина Антонъ Головатый въ Кіевѣ. Сообщ. А. Андр. Отрывокъ изъ записокъ русскаго паломника первой половины XVII вѣка, о Кіевѣ. Архимандрита Леонида. Память объ Антонѣ Головатомъ въ с. Слободзеѣ, тираспольскаго уѣзда. Сообщ. Н. Кирица. Замѣтка объ археологической выставкѣ VIII съѣзда въ Москвѣ. Х. Всеподданнѣйшій рапортъ о состояніи университета св. Владиміра въ 1835 г. В. П. Науменка. (322—355).

VIII. Къ рисункамъ Шевченка (356—358.)

IX. Библіографія. Гиляревскій А., свящ. Русскій путешественникъ по св. мѣстамъ Василій Григоровичъ Барскій. Ив. Новицкаго. Кубанское козачье войско. 1696—1888 г. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ. Н. М. Д. И. Эварницкій. Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ и новороссійскаго края. И. Ж. Волынскій народный календарь на 1890 годъ. Годъ второй. Арк. Л—нка. Памятная книжка волынской губерніи на 1890 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическ. комитета. Составлена подъ редакціей члена секретаря комитета И. Ф. Мацкевича Арк. Л—нка. Харьковскій Сборникъ. Литер.-научн. приложеніе къ „Харьковскому календарю“ на 1890 годъ. П. Г. Обозрѣніе журналовъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1889 и въ началѣ 1890 г., касающіяся ю. Россіи. (359—380).

X. Объявленія. (1—6).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в.
2) 4 рисунка Т. Г. Шевченка.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Въ вышедшихъ 1—12 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго.**—Судъ и казнь Григорія Самойловича. **А. А. Востокова.**—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета** —Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску.**—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка.**—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. Чалаго, **Н Зарянки.**—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго.**—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка** —На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева.** Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго.** Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго.** Іоаннъ Вишенскій. **Мирона.** Нечистая сила, повѣсть **Остои,** пер. съ пол. **П. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго.** Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго.** Чума, разск. **Мирона.** Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана.** М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова.** Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго.** Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ.** Два намѣстника. **А. Е.** Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф очеркъ). **М. К. Васильева.** Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева.** На «Вовчомъ хуторѣ». **Дмитрія Марневича.** Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи **Акад. К. А. Трутовскаго.** Лирники. **Валеріана Боржковскаго.** Ѳома Падурра (Критическій очеркъ) **Равиты.** Нѣсколько новыхъ замѣчаній въ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга»,—по поводу статьи И. И. Малышевскаго: «О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» **Архимандрита Леонида.** Полтавскій полковникъ Иванъ Черняк. **А. А. Востокова.** Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. **Ѳ. Д. Николайчика.** Живая могила. (Малорусская легенда). **Л. М. Старицкой.** Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни **Генриха Іоссе** (Переводъ съ польскаго). Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. **Б. С. Познанскаго.** Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. **В. Н. Сторожева.** О статьяхъ Богдана Хмельницкаго. **П. А. Шафранова.** Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А. Темризовъ). Очеркъ. **Е. С. Некрасовой.** Александръ Степановичъ Лашкевикъ. (Некрологъ). Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники. **Николая Сарнецкаго.** (Переводъ съ польскаго). **Н. М** Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.**

Въ отдѣлѣ «Документовъ. извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. П. А. Лашкарева. Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., П. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М., М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н., Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Ляскоронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVIII, 1889 г. Январь, Февраль и Мартъ.

		стр.
I.	О борьбѣ духовныхъ властей въ бывшей епархіи бѣлогородской съ суевѣріями. Проф. **Амф. С. Лебедева.**	1—21
II.	Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. **Е. Ѳ. Юнге.** . .	22—34
III.	Судьба Выговскихъ и Ивана Нечая. **А. А. Востокова.**	35—46
IV.	Старинная южно-русская гравюра. **Г.**	47—59
V.	Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова** 60—90,	320—333
VI.	Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Проф. **А. А. Потебни**.	91—94
VII.	Беата и Гальшка. Историческій разсказъ изъ польско-русской жизни XVI в. **Як. Каро.** (Переводъ съ нѣмецкаго). **Н. М.** . . . . . 95—116, 305—319,	485—525
VIII.	Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ. (Изъ разсказовъ моей матери). **Над. М. Кибальчичъ**.	175—184
IX.	Очеркъ коліевщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ годовъ. **Я. Н. Шульгина** . . . . . 185—210,	381—418
X.	Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Богдана Хмельницкаго. I—VII. **О. И. Роговой**. . . . . 221—254,	419—443
XI.	Александръ Андреевичъ Беклешовъ. (1743—1808), малороссійскій военный генералъ-губернаторъ, кіев-	

стр.

скій военный губернаторъ, генералъ-прокуроръ. Проф. **В. С. Иконникова** . . . . . 255—304

XII. Илья Ивановичъ Квитка, неизвѣстный писатель конца прошлаго и начала текущаго столѣтія. **Н. В. Шугурова.** . . . . . 444—453

XIII. Голосъ «Малороссіи» конца XVIII в. (Стихи по поводу назначенія Кречетникова малорос. ген.-губерн.) 454—457

XIV. «Вояжъ по Малой Россіи г. генерала отъ инфантеріи Беклешова». . . . . 458—463

XV. VIII-й археологическій съѣздъ въ Москвѣ. Проф. **Д. И. Багалѣя.** . . . . . 458—484

XVI. Документы извѣстія и замѣтки. Въ какой обстановкѣ гетманъ Разумовскій объѣзжалъ Малороссію въ 1752 году **А. Л.** Гетманскіе проповѣдники. Мысль императора Александра объ учрежденіи въ Малороссіи козачьихъ полковъ. **А. Л.** Изъ бумагъ М. П. Миклашевскаго. Къ статьямъ проф. Н. Ѳ. Сумцова «Культурныя переживанія». **Ив. М—ры** и **Н. Левитскаго.** Нѣсколько данныхъ о состояніи кіевскаго учебнаго округа въ 1835 году. **В. П. Науменка.** Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи **Хр. П. Ящуржинскаго.** Въ какомъ году впервые появились на Руси пушки? **И. А. Линниченко.** Къ біографіи Т. Г. Шевченка. **И—й.** Письмо 1781 г. глуховскаго адвоката изъ Петербурга, о тамошней жизни. Убійство упыря въ Кіевщинѣ во время чумы 1770 г. **Я. Ш.** Запорожскій старшина Антонъ Головатый въ Кіевѣ. Сообщ. **А. Андр.** Отрывокъ изъ записокъ русскаго паломника первой половины XVII вѣка о Кіевѣ. **Архимандрита Леонида.** Память объ Антонѣ Головатомъ въ с. Слободзеѣ, тираспольскаго уѣзда. Сообщ. **Н. Кирица.** Замѣтка объ археологической выставкѣ VIII съѣзда въ Москвѣ. **Х.** Всеподданнѣйшій рапортъ о состояніи университета св. Владиміра въ 1835 г. **В. П. Науменка.** Изъ бумагъ сенатора М. П. Миклашевскаго. **Л.** Будто бы домъ

стр.

Богдана Хмельницкаго. **А. Л.** Неудачная археологическая экскурсія Н. Д. Иваницева. **L.** Письмо и стихи Варлаама Ясинскаго. Сообщилъ **О. Л.** Письмо 1801 г., изъ Чернигова, о тамошнихъ новостяхъ. Къ исторіи овцеводства въ Малороссіи. **Н. В. Стороженка.** Сатира на пановъ въ началѣ 60-хъ годовъ. **В. П. Науменка** . . . . . 117—134, 322—355, 526—546

XVII. Генеральный писарь Андрей Безбородко. **А. Л.** . . . 135—140

XVIII. Къ рисункамъ Шевченка . . . . . 356—858

XIX. Мих. Бороховичъ, гадяцкій полковникъ (1687—1704). Къ портрету. **А. Л.** . . . . . 547—551

XX. Библіографія. Кіевъ теперь и прежде. Составилъ инспекторъ кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ М. М. Захарченко. **Н. М.** В. К. Гульдманъ. Подольская губернія. Опытъ географическо-статистическаго описанія **Ц. Г. Неймана.** В. В. Докучаевъ. Методы изслѣдованія вопроса: Были ли лѣса въ южной степной Россіи. М. Едлинскій. Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій, и его литературные труды. **Н. М.** Гиляревскій А., свящ. Русскій путешественникъ по св. мѣстамъ Василій Григоровичъ Барскій. **Ив. Новицкаго.** Кубанское казачье войско. 1696—1888 г. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ **Н. М.** Д. И. Эварницкій. Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ и Новороссійскаго края. **И. Ж.** Волынскій народный календарь на 1890 г. Годъ второй. **Арк. Л—нка.** Памятная книжка волынской губерніи на 1890 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическ. комитета. Составлена подъ редакціей члена секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. **Арк Л—нка.** Харьковскій Сборникъ. Литер.-науч. приложеніе къ «Харьковскому календарю» на 1890 годъ. **П. Г.** Обозрѣніе журналовъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1889 и въ началѣ 1890 г., касающіяся ю. Россіи. Русскія древности въ памятн. искусства. Проф. **Ѳ. Г. Мищенка.** Священникъ Арсеній Рождественскій. Южнорусскій штун-

СТР

дизмъ. Изслѣдованіе. **Н. М.** Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси. **Ив. Новицкаго.** П. Голубовскій. Половцы въ Венгріи. Историческій очеркъ. **Н. М.** Бѣлорусскія древности. **Арк. Лященка** . . . . . 141—174, 359—380, 552—576

XXI. Объявленія. . . . . 1—6

Приложенія: 1) Портретъ генеральнаго писаря Андрея Безбородко.
2) Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в.
3) 4 рисунка Т. Г. Шевченка.
4) Лѣтописныя замѣтки о событіяхъ въ Новороссіи.
5) Портретъ Михайла Бороховича.

ВОСПОМИНАНІЯ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ.

(ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ МОЕЙ МАТЕРИ).

I. Первая встрѣча.

Въ первый разъ мать встрѣтила Шевченка на свадьбѣ своей меньшой сестры (у которой онъ былъ тогда шафером) 24 января 1847 г. въ ихъ родовомъ имѣніи М., Ч—й губерніи, куда мать, бывшая уже болѣе году замужемъ, пріѣхала на семейный праздникъ погостить къ своимъ роднымъ. Помнитъ она, что у него (какъ и всегда) надѣтъ былъ на шеѣ красный шерстяной шарфъ,—что придавало ему весьма оригинальный видъ среди бальныхъ франтовъ.

Шевченко находился въ возбужденномъ состояніи и то и дѣло отрывалъ мою мать и невѣсту отъ танцевъ, отводилъ ихъ въ дальній уголокъ и училъ пѣснѣ „Ой зійды, зійды ты зиронько та вечирняя". Мать смущалась и отказывалась пѣть, но сестра ея училась у него и потомъ пѣла хорошо. (Нѣсколько пѣсенъ въ „Запискахъ о Южной Руси" переложены Маркевичемъ съ ея голоса.)

Хотя поэтъ явно нарушалъ своимъ поведеніемъ условныя, свѣтскія приличія, тѣмъ не менѣе онъ очень нравился молодымъ женщинамъ своею оригинальностью и онѣ безъ сожалѣнія оставляли бальныхъ кавалеровъ и слѣдовали за нимъ.

Когда Шевченко уѣзжалъ со свадьбы, то обратился къ невѣстѣ:

— А що вы мени дасте на памьять сего дня?

Молодая дѣвушка быстро вырвала цвѣтокъ изъ своего миртоваго вѣнка и подала ему.

Всѣ старушки такъ и ахнули: „быть несчастью“!...

Дѣйствительно, въ скоромъ времени арестовали ея мужа, брата, Шевченка и др.

II. Невѣста Шевченка.

Послѣ ссылки Шевченко возвратился въ Петербургъ и часто бывалъ у моихъ родныхъ,—и у нихъ то онъ и встрѣтилъ свою „Ликеру“...

Это было такъ.

Весною 1860 года, г-жа К—ая, уѣзжая за границу и боясь оставить на произволъ судьбы въ большомъ городѣ завезенную ею изъ Малороссіи молодую крѣпостную дѣвушку, по имени Лукерью, просила мою мать, черезъ посредство своего брата г. М—ва, который былъ друженъ съ нашимъ семействомъ, принять ее къ себѣ на свое попеченіе.

Мать долго отказывалась, стѣсняясь чужою прислугою и опасаясь брать на себя большую отвѣтственность, но наконецъ уступила настоятельнымъ просьбамъ и взяла дѣвушку къ себѣ.

Лукерья оказалась особой лѣнивой, неряшливой и необыкновенно вѣтренной.

Вставала она утромъ позже матери, ничего въ домѣ не дѣлала—и только вышивала какія-то прошивки, будто-бы заказанныя ей ея барынею... Ходила она всегда нечесанная и неумытая,—что, однако, не мѣшало ей заниматься собою, носить тайно шнуровку подъ вышитой сорочкой и заводить интриги съ сосѣдними лакеями, таскавшими ей въ карманахъ жареную дичь...

Ей было тогда лѣтъ двадцать и собой она, въ строгомъ смыслѣ, не была хороша, но весьма привлекательна: круглолицая—въ легкихъ веснушкахъ, кароокая, губы полныя, румяныя, черты грубоватые, коса темная, густая...

Росту она была средняго, фигура у нея стройная, прекрасная... Словомъ, симпатичный но довольно обыденный типъ малороссійской дивчины.

Одѣвалась она всегда по малорусски и хорошо знала бѣлошвейное мастерство.

Мать добавляетъ, что для простой дивчины она была чрезвычайно умна, хитра и ловка.

Первое время Лукерья у насъ не получала жалованья, но потомъ, когда обиженная ея ничего не дѣланіемъ, наша служанка просила заставить и Лукерью работать,—и ей отказали, прислугу пришлось разсчитать, и мать предложила тогда Лукерьѣ мѣсячную плату, съ тѣмъ уговоромъ, что она будетъ помогать ей по дому.

Лукерья, хотя и согласилась на это условіе, работала весьма неохотно, особенно когда сдѣлалась невѣстой Шевченка. Да и самой матери было какъ-то неловко заставлять ее услуживать при немъ...

Родные мои лѣтомъ жили на дачѣ въ Стрѣльнѣ и Шевченко по прежнему часто бывалъ у насъ. Тутъ онъ и познакомился съ Лукерьей.

Ничего особеннаго мои родные не замѣтили въ его отношеніяхъ къ этой дѣвушкѣ—онъ съ нею бесѣдовалъ какъ и со всякой другой,—но вотъ однажды, явившись въ обычное время къ намъ, онъ вдругъ объявляетъ матери, что любитъ Лукерью и хочетъ жениться на ней.

Пораженная этой неожиданностью, мать въ ужасѣ, сразу высказываетъ ему свое мнѣніе объ этой дѣвушкѣ, все что ей извѣстно о ней худого, и начинаетъ его горячо убѣждать отказаться отъ своего намѣренія.

Шевченко, понятно, оскорбился за любимую женщину, которой онъ слѣпо вѣрилъ, вспылилъ и рѣзко возразилъ матери:

— Хочь бы и батько мій ридный уставъ изъ домовыны, то и его-бъ я не послухавъ!...

Съ этимъ онъ и уѣхалъ, сильно раздраженный противъ матери.

Тѣмъ не менѣе она, считая своимъ нравственнымъ долгомъ, заговорила съ нимъ объ этомъ и въ другой разъ,—и говорила всегда, когда онъ бывалъ у насъ, стараясь всѣми силами удержать увлекающагося и наивно-довѣрчиваго поэта отъ гибельнаго для него шага...

Однако это не приводило ни къ чему: Шевченко вѣрилъ только своей „Ликери“ и раздражался противъ матери, за ея, какъ онъ предполагалъ, *панскія* предразсудки... Въ результатѣ, между ними, изъ простыхъ и дружественныхъ, установились холодно-вѣжливыя отношенія.

Однажды онъ написалъ матери, прося ее отпустить съ нимъ Лукерью въ городъ за покупками. (Этого письма нѣтъ).

Мать отказала, естественно опасаясь отвѣтственности, взятой на себя относительно молодой дѣвушки.

Тогда Шевченко пріѣхалъ самъ и лично сталъ просить мать объ этомъ.

Она и тутъ ему категорически отказала.

Онъ разсердился и иронически спросилъ:

— А якъ бы мы повинчаны булы, то пустылы-бъ?

— Конечно,—возразила мать,—какое бы я тогда имѣла право удерживать ее...

Страшно раздраженный Шевченко присѣлъ тутъ-же къ столу и сразу, сгоряча, экспромтомъ набросалъ извѣстное стихотвореніе:

Моя ты любо, мій ты друже!
Не ймуть наимъ виры безъ хреста...,

направленное прямо противъ моей матери. Между тѣмъ Лукерья, на всѣ вопросы матери, съ наивнымъ цинизмомъ признавалась, что она не любитъ своего жениха, такъ какъ онъ, по ея словамъ, „старый та поганый“, а выходитъ за него потому только, что „кажуть, що винъ багатый“...

Но *этого* передать Шевченку у матери не хватило духу...

Какъ то Лукерья простудилась и слегка захворала. Встревоженный Шевченко, желая выразить какъ нибудь свою заботливость, прислалъ ей шерстяные чулки, теплый платокъ и какой то очень старинный, металлическій, большихъ размѣровъ шейный крестъ.

(Съ этими подарками онъ прислалъ письмо, помѣщаемое ниже подъ № 1).

Первымъ движеніемъ Лукерьи, получивъ эти вещи, было схватить крестъ и начать торопливо скоблить его ножемъ... Но увидѣвъ,

что онъ не золотой, она съ досадой отбросила его отъ себя, сердито проговоривъ:

— Богъ знае що!... я думала золотый!...

Мы переѣхали въ городъ. У Лукерьи была здѣсь отдѣльная комната и Шевченко сталъ уже посѣщать не насъ, а только свою невѣсту. (У насъ же собственно онъ въ это время бывалъ рѣдко—забѣгалъ днемъ). Приходилъ онъ, случалось, часовъ въ 11—12 ночи, когда мы уже были въ постеляхъ, посылалъ за пивомъ и въ сладкихъ бесѣдахъ со своею „любою дивчиною“ просиживалъ далеко за полночь.

Такъ повторялось почти каждый день... Въ тоже время онъ просилъ мать ѣздить съ нимъ въ магазины покупать и заказывать Лукерьѣ приданое. Такъ было ей заказано тогда два пальто (фасонъ въ родѣ малороссійской „юпки“): одно черное—плюшевое, съ отдѣлкой изъ неразрѣзнаго бархата, другое—бѣлое, суконное, на голубой, шелковой подкладкѣ съ отдѣлкой изъ бѣлаго бархата и золотого шнурка, съ золотыми филигранными пуговицами. Также была куплена черная, круглая шляпка съ перьями. Сдѣлано нѣсколько малорусскихъ костюмовъ, въ томъ числѣ шелковый голубой корсетъ. Куплено нѣсколько штукъ голландскаго полотна и т. п.

Всѣ эти вещи были привезены къ намъ Шевченкомъ, и онъ самъ составлялъ рисунки для вышивокъ своей „Ликери“.

Однажды Шевченко сказалъ матери, что графиня Т—ая приглашаетъ его невѣсту жить къ себѣ до ея выхода замужъ. Такъ какъ г. М—ва не было въ то время въ Петербургѣ, мать посовѣтывалась съ его двоюроднымъ братомъ г. М—чемъ и они рѣшили, что Лукерью можно отпустить, но г. М—чъ долженъ лично, съ рукъ на руки передать дѣвушку графинѣ.

Въ назначенный день Шевченко взялъ карету и пріѣхалъ за Лукерьей. Съ ними вмѣстѣ отправился и г. М—чъ.

Одѣта Лукерья была просто, но хорошо, въ малорусскомъ костюмѣ.

„Невѣсту“ Шевченка графиня приняла очень любезно (это передавалъ матери потомъ г. М—чъ), пригласила ее сѣсть на

диванъ, угостила шоколадомъ, и заговорила съ нею о литературѣ.

Лукерья такъ ловко лавировала, что трудно было бы догадаться о ея полномъ невѣжествѣ. (Она едва умѣла читать).

Г. М—чъ скоро уѣхалъ оттуда и потому не могъ ничего болѣе сообщить. Но Лукерья пришла сама на другой день къ намъ и разсказала о своемъ пребываніи у графини Т—ой, при чемъ оказалось, что она только переночевала у нея, а потомъ Шевченко нанялъ ей отдѣльную комнату и переселилъ ее туда... (Къ этому времени относится его письмо отъ 6 сентября, печатаемое подъ № 2). Въ заключеніе она пожаловалась на своего жениха:

— И такый винъ протывный, що хозяйка давала комнату зъ прислугою, а винъ не схотивъ, сказавъ, щобъ я сама прибирала... „що—каже— побачу, яка та у мене чепурненька“...

Дѣйствительно Шевченко и при матери повторялъ ей нѣсколько разъ:

— Гляды, Ликеро, щобъ чепурненька була... Я ничого не хочу, абы чепурненька була... Важкого ты ничого у мене не будешь робыты, хиба зварышь борщу, та пошыешь мени сорочку... та одно знай—щобъ було чепурненько, бо неохайныхъ я не терплю“...

Прошло нѣсколько дней. Лукерья опять приходитъ къ намъ и разсказываетъ матери, что Шевченко подарилъ ей дорогіе коралы и 200 р. серебряною монетою, а сама, между прочимъ, по немногу забираетъ отъ насъ къ себѣ вещи.

Пришедши однажды, она стала жаловаться на Шевченка:

— Сердытый такый, побачивъ у графыни воду, що забулась днивъ зо два переминыть, та такъ крычавъ на мене, такъ крычавъ!... Щей ногамы тупавъ...

— Не пиду за его!...—рѣшительнымъ тономъ заключила она.

— А якъ же буде?—спросила мать.

— А такъ и буде, що заберу усе що винъ мени давъ, а а за его таки не пиду!... Такый старый, поганый, щей сердытый!...

Мать ничего на это не возразила, въ душѣ весьма довольная такимъ оборотомъ дѣла.

Скоро послѣ этого онять пришла Лукерья и когда мать открыла ей двери, бросилась къ ней, и схвативъ ея руку, порывисто поцѣловала.

Мать удивленная (прежде она этого никогда не дѣлала) замѣтила ей, что это неприлично невѣстѣ Шевченка.

— Та вже, слава Богу, я не его невѣста! возразила Лукерья, и при этомъ разсказала слѣдующее:

Шевченко пришедши по обыкновенію къ ней, засталъ у нея въ комнатѣ страшный безпорядокъ: на столѣ вода разлита, лежитъ гребень съ вычесанными волосами, тутъ же валяются грязные чулки, постель неубрана...

— ... Винъ такъ якъ кынувся на мене зъ кулакамы,—продолжала Лукерья свой разсказъ,—якъ закричавъ на мене:—„Я такои не хочу!... не треба мени такои жинки"!.. А я и соби ему кажу: „—И *менi* такого чоловика не треба!—старый та сердытый!"—тай вышла зъ хаты"...

Это такъ разсказывала Лукерья, а было ли оно *такъ* въ самомъ дѣлѣ—неизвѣстно... Шевченко ничего объ этомъ не говорилъ, кромѣ того, что „это мерзость", „гадость", онъ только и просилъ ее быть опрятной, и что онъ *не выдержалъ*...

Лукерья осталась у насъ, но вещей не перевезла, и мать предполагала, что онѣ были у нея на квартирѣ и Шевченко ихъ забралъ къ себѣ. Но вдругъ получаетъ она отъ него письмо, гдѣ онъ спрашиваетъ не у нея ли вещи? Лукерья сказала, будто у нея, но онъ сомнѣвается... (Письмо отъ 18-го сентября подъ № 3).

Мать отвѣчаетъ ему, что никакихъ вещей Лукерьи у нея нѣтъ, кромѣ непошитой еще шелковой корсетки и перочиннаго ножа,—остальное Лукерья забрала... Но она (мать) обѣщаетъ ему написать объ этомъ г. М—чу.

Оказалось при разслѣдованіи, что Лукерья всѣ вещи, полученныя ею отъ Шевченка, перевезла на квартиру своихъ господъ и отдала тамъ кому-то на сохраненіе.

Она даже говорила своей квартирной хозяйкѣ, что вотъ, молъ, перевезу вещи и тогда брошу его (Шевченка).

Вещи были отобраны у Лукерьи (корсетку шелковую и коралы Шевченко отослалъ своей племянницѣ Присѣ) и Шевченко

написалъ матери полное раскаянія письмо, въ которомъ онъ проситъ ее простить ему его недовѣріе къ ней, называетъ ее „ридною матирью“, желавшей ему только добра и пр. Къ сожалѣнію это письмо не сохранилось.

Между тѣмъ мать, желая узнать истину относительно разрыва Шевченка съ его невѣстою, написала ему, приглашая его къ себѣ объясниться лично.

Шевченко назначилъ 2 часа по полудни и выразилъ желаніе, чтобы Лукерья присутствовала при этомъ объясненіи. Приглашенъ былъ также и г. М—чъ.

Ровно въ 2 часа пріѣхалъ Шевченко. Молча поздоровался онъ со всѣми и молча сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Наконецъ остановился и коротко сказалъ:

— Нехай увійде!

Мать поняла и пошла позвать Лукерью.

Та перемѣнилась въ лицѣ и робко пошла за матерью, но остановилась у порога, не рѣшаясь переступить.

— Ходы сюды, Лыкеро!—позвалъ ее Шевченко.

Она вся блѣдная, трепещущая, съ опущенными глазами подошла къ нему.

Онъ тяжело положилъ ей руку на плечо и глухимъ, сдавленнымъ голосомъ спросилъ:

— Лыкеро, скажи правду, чи я колы вольно обиходывся зъ тобою?

— Ни.. тихо, понуривши, отвѣтила она.

— А може я сказавъ тоби колы яке незвычайне слово.

— Ни...

Тогда онъ вдругъ поднялъ кверху обѣ руки, затопалъ ногами, и не своимъ голосомъ, въ изступленіи закричалъ:—Такъ убирайся-жь ты одъ мене!... бо я тебе задавлю!... (Лукерья стрѣлою вылетѣла изъ комнаты). Усе оддай мени!... усе оддай!...— до нытки оддай!... И старыхъ, подранныхъ черевыкивъ я тоби не подарую!...

Глубоко потрясенные этой сценой, всѣ сидѣли въ безмолвіи, не будучи въ силахъ произнести ни слова...

Шевченко прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, молча пожалъ всѣмъ руки и также молча уѣхалъ.

Послѣ этого онъ бывалъ у насъ чуть не каждый день, но всегда мрачный, молчаливый, неразговорчивый... Ходилъ все по комнатѣ и тихо самъ себѣ напѣвалъ „яворъ зелененькій“...

Но дѣтей онъ по прежнему любилъ... Только дѣти проясняли его хмурое чело. Лишь бывало увидитъ которую изъ насъ, меня или сестру мою Маню — тогда еще малютокъ, схватитъ на руки, подниметъ высоко, высоко надъ головою: „Охъ, ты-жъ мое маленьке“! „Охъ, ты-жъ мое велыке“! приговариваетъ со своей обычной, ласковой шутливостью.—И мы, дѣти, его обожали...

Такъ продолжалось до самой его смерти... А потомъ... потомъ мы не видали уже больше нашего „дядька кобзаря“...

Не выдержало, видно, горячее сердце!...

Лукерью скоро взяли отъ насъ, дали ей вольную и она поступила въ бѣлошвейный магазинъ. Больше матери о ней ничего неизвѣстно.

Над. М. Кибальчичъ.

№ 1. (Писано на полулистѣ синей почтовой бумаги краснымъ карандашемъ. Безъ даты).

Любая Надежда Михайловна. Передайте оце добро Ликери. Я вчора тилько почувъ що вона занедужала. Дурна десь тёпала по калюжахъ тай простудилася. Пришлить зъ Ѳедоромъ мѣрку зъ ii ноги. За(ка)жу тепли черевики, а може найду готови то въ недилю привезу. Щирій вашъ Т. Шевченко.

Покажить зъ Ѳедоромъ чи лучше ій чи ни?

№ 2. (На полулистѣ синей почтовой бумаги, сложенномъ вдвое).

Многоуважаемая Надежда Михайловна! Вручите Ѳедорови мизерію и паспортъ моеи любои Ликери, и приймите мою искреннюю благодарность за ваши материнскіи попеченія о сиротѣ Ликери, и за вниманіе ко мнѣ нехитростному вашему другу, Т. Шевченку. 1860. 6 сентября.

№ 3. (Писано на листѣ синей почтовой бумаги).

18 сентября.

Вельмичтимая мною Надежда Михайловна! Посилаю вамъ *лишти* начатые Ликерою, и рисунокъ. Отдайте ихъ кому знаете кончить. Ликеря вчора здаецця збрехала при лици В. Н. шо вона оставила у васъ въ домѣ мои слѣдующіи вещи.

2 простини
1 полотенце
6 паръ чулокъ
корсетъ
тепли башмаки
коленкоръ для юпокъ
и рисунокъ для мережки

Коли цёму правда? и буде можна то вручите Ѳедорови рекомые вещи, а коли ни, то сообщите о семъ В. Н. *яко власть имѣющему*. Души моеи не шкода було для Ликери, а теперъ шкода нитки. Чудне щось робиця зо мною? Шануючій васъ Т. Шевченко.

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.

Люблинская унія 1569 года была серьезнымъ шагомъ польскаго королевства на пути стремленій его къ ассимилированію съ своимъ народомъ населенія всего великаго княжества литовскаго, въ составъ котораго входила и южная Русь. Выгоды, которыя давалъ польскій государственный строй, предпочтительно передъ строемъ великаго княжества литовскаго, шляхетскому сословію, неминуемо должны были оторвать отъ всей массы литовскаго и южнорусскаго народовъ не только земянъ, но и важныхъ магнатовъ, членовъ недавней рады литовской,—и они пошли на встрѣчу польскому королю и шляхтичамъ, задумавшимъ подъ видомъ уніи двухъ равноправныхъ государствъ дать повсюду преобладаніе полонизму; изъ нихъ особенно охотно пошли на встрѣчу полякамъ въ данномъ случаѣ паны южной Руси, которая въ значительной своей части была королемъ безцеремонно отдѣлена отъ Литвы и присоединена къ польскому королевству. Послѣ такого разъединенія въ народныхъ массахъ великаго княжества литовскаго, послѣ утраты ими высшаго сословія, и Литва, и особенно литовская Русь не могли уже больше имѣть защитниковъ своей народности, законовъ, обычаевъ и вѣры въ сеймѣ вновь возникшей Рѣчи Посполитой, ибо только шляхтичи и имѣли право быть тамъ послами. Положимъ, личные инстинкты могли иногда побуждать нѣкоторыхъ изъ бывшихъ земянъ и пановъ рады литовской отстаивать ихъ народность, но все же такое отстаиваніе, еслибъ оно было поведено основательно, не могло не идти въ разрѣзъ съ собствен-

ными ихъ интересами, ибо имъ въ такомъ случаѣ пришлось бы защищать и кинутый строй великаго княжества литовскаго, благопріятный крестьянству и усиленію верховной власти. Оттого то на первыхъ порахъ послѣ люблинской уніи находились еще между магнатами старой рады литовской люди, готовые защищать и поддерживать свою народность и вѣру, но все же при условіи оставленія въ сторонѣ сущности политическихъ порядковъ. Таковъ былъ, напримѣръ, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, извѣстный ревнитель православія и русскаго просвѣщенія. Но чѣмъ дальше, такихъ дѣятелей среди южнорусскаго панства мы встрѣчаемъ все меньше и меньше; въ качествѣ же защитниковъ православія на сеймахъ стали выступать люди вродѣ сперва брацлавскаго, а потомъ кіевскаго воеводы Киселя, о которомъ имѣли полное основаніе говорить въ народѣ, что „у него русскія кости, но только обросшія польскимъ мясомъ". Съ конца же XVII вѣка и Киселей не стало.

Не диво, поэтому, что поспольство бывшей литовской Руси, не имѣя средствъ къ защитѣ своихъ утраченныхъ правъ и изнемогая подъ гнетомъ грубо крѣпостническихъ порядковъ польскаго королевства, въ составъ котораго ввели большую ея часть тотчасъ послѣ уніи, отдѣливъ отъ Литвы,—не диво, говоримъ, что поспольство это при такихъ условіяхъ долго только тѣмъ и могло выражать свой протестъ, что оставляло цѣлыми толпами своихъ помѣщиковъ-шляхтичей. Но, конечно, такой пассивной защитой своихъ правъ цѣлый народъ не могъ ограничиваться сколько-нибудь продолжительное время. Изъ бѣглыхъ хлоповъ скоро южно-русскій людъ превратился въ козаковъ, проживши извѣстное время вдали отъ мѣстъ своей родины на границѣ южныхъ степей, находившихся подъ вѣчной грозой татарскихъ набѣговъ. Отбиваясь тамъ отъ враговъ и продолжая заниматься земледѣльческимъ трудомъ, они именно стали земледѣльцами-воинами, или, какъ тогда говорилось, козаками. Возникло, такимъ образомъ, мало по малу цѣлое новое сословіе, члены котораго нерѣдко съ неблагопріятнаго для шляхтичей опаснаго юга шли жить и въ предѣлы остальной Рѣчи Посполитой, гдѣ козачество сперва не было извѣстно. Чѣмъ дальше, контингентъ этого на-

родившагося въ странѣ сословія все больше и больше разростался, ибо козаками оказывались и мѣщане, занимавшіеся рыбной и иной торговлей по Днѣпру и въ другихъ неогражденныхъ отъ нападеній хищниковъ мѣстахъ; оказывались ими и всякіе ранѣе незакрѣпощенные люди, не внесенные заблаговременно въ сословные кадры Рѣчи Посполитой. Само собою разумѣется, члены такого вновь возникшаго класса людей не могли отказываться отъ привычной для нихъ свободы даже въ случаяхъ поселенія въ городахъ Рѣчи Посполитой, далекихъ отъ степей, а потому всякія попытки старостъ и дѣдичей втиснуть ихъ въ среду поспольства, лишеннаго при польскомъ строѣ даже человѣческихъ правъ, они должны были встрѣчать отпоромъ. Когда же случаевъ давать такой отпоръ стало становиться слишкомъ много, тогда протесты отдѣльныхъ лицъ начали превращаться въ протесты коллективные—и отсюда-то ведутъ свое начало козацкія возстанія. Собственныя желанія козаковъ увеличить численность своего сословія путемъ привлеченія къ себѣ хлоповъ и стремленіе этихъ послѣднихъ путемъ перехода въ козаки избавиться отъ крѣпостническихъ условій существованія—все это естественно должно было установить ту солидарность между этими двумя народными группами, результатомъ которой явилась всегдашняя готовность ихъ къ взаимной поддержкѣ и защитѣ. Козацкое знамя стало, такимъ образомъ, знаменемъ всего южно-русскаго народа, и борьба, которая велась козаками съ Рѣчью Посполитой, мало по малу стала борьбой не за интересы одного козацкаго сословія, но за всю Русь, за ея вѣру и народность. Богданъ Хмельницкій выступаетъ удачнымъ образомъ именно за интересы всего южно-русскаго народа, и если подчасъ ему доводилось, прибѣгая даже къ смертной казни, проповѣдывать несчастнымъ хлопамъ истину „нехай кожный зъ свого тишыться, нехай кожный свого глядыть“ и вслѣдъ затѣмъ загонять ихъ къ панамъ, то это были моменты временные, слѣдовавшіе за случайными неудачами козаковъ на войнѣ и за побѣдами Польши [1]), но никакъ нельзя думать, что и стремленія великаго козацкаго вождя были въ духѣ приведенной истины. Послѣ него отчетли-

[1]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій т. III, стр. 37.

вость цѣлей козацкой борьбы съ Польшей спуталась; среди сложныхъ политическихъ условій существованія въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. козачество много металось изъ стороны въ сторону, по крайней мѣрѣ на правомъ берегу Днѣпра, отошедшемъ по Андрусовскому договору (1667 г.) снова къ Польшѣ. Ни Дорошенко, ни Палій съ Самусемъ и другими не были въ состояніи вернуть козачеству силы и значенія, какія имъ были пріобрѣтены при Хмельницкомъ, и въ концѣ концевъ козачество на правомъ берегу Днѣпра исчезло, не докончивъ своей задачи вызволенія себя и поспольства южной Руси изъ-подъ гнета полонизма и церковной уніи. Результатомъ борьбы была въ концѣ концевъ „руина“ Украины и брацлавскаго воеводства.

Но жизнь южно-русскаго народа, въ предѣлахъ даже истерзанныхъ войною областей, не прекратилась окончательно во время руины. Мало-по-малу области эти, хозяевами которыхъ, въ силу Прутскаго договора Петра I съ Турціей, считали себя поляки, стали заселяться русскимъ крестьянствомъ, стекавшимся сюда и съ запада—изъ Волыни, Подоліи и Червоной Руси, и съ востока—изъ гетманщины. Тяжелыя экономическія и общественныя условія въ той и другой сторонѣ заставляли ихъ идти въ опустѣлый край съ благодатною землей. Но здѣсь ихъ вновь должны были сдавить рамки польскаго общественнаго строя. Земли, ими заселенныя, въ большинствѣ случаевъ были во владѣніи шляхтичей. Шляхтичи же эти, какъ только стихъ шумъ войны, тотчасъ явились въ свои помѣстья и немедленно предъявили поселившимся тамъ крестьянамъ условія, при соблюденіи которыхъ они могли пользоваться панскими землями. Условія эти на первыхъ порахъ были довольно выгодны для крестьянства, но въ концѣ концевъ, послѣ льготныхъ лѣтъ, все же они должны были дать въ результатѣ прочный крѣпостническій строй. Вмѣстѣ съ тѣмъ не могло не начаться вновь и гоненіе на православіе въ пользу уніи. Давній порядокъ шляхетско-католической Рѣчи Посполитой, такимъ образомъ, вновь получалъ господство въ южной Руси,—а поэтому крестьянству послѣдней вновь должны были понадобиться защитники, которые могли бы хоть

отчасти замѣнить козачество, исчезнувшее на правомъ берегу Днѣпра. Такіе защитники и явились.

Съ легкой руки польскихъ мемуаристовъ обыкновенно этихъ новыхъ защитниковъ русской народности и православія величаютъ *гайдамаками*, а все движеніе, ими вызванное и тянувшееся хронически въ теченіе всего XVIII вѣка, — *гайдамачествомъ*. Основаніе для этого существуетъ, но все же въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ кличкой не вполнѣ точной, перенесенной съ понятія болѣе узкаго на гораздо болѣе широкое и даже не однородное. На самомъ дѣлѣ гайдамаками называли издавна своего рода отщепенцевъ грубо сбитаго общественнаго польскаго строя, людей, для которыхъ и пребываніе въ козачествѣ могло быть стѣснительнымъ—и въ силу разнузданности ихъ инстинктовъ, и въ силу несочувствія ихъ идеаламъ козачества; иначе, конечно, къ нему они могли бы пристать. Самое названіе „гайдамака", въ основѣ котораго лежитъ турецкій глагольный корень „гада", должно было издавна означать, соотвѣтственно смыслу корня, людей, приводившихъ общество въ смущеніе, безпокойство, движеніе [1]). Особенно много шло въ гайдамаки забужанъ и поднѣстрянъ, отличавшихся по свидѣтельству Костомарова приверженностью къ буйству и неповиновенію. Шайки ихъ въ томъ краѣ назывались еще въ XVII столѣтіи ватагами левенцевъ и вполнѣ были аналогичны *опришкамъ* Червоной Руси, въ составъ которыхъ тоже входили непокорные хлопы, а часто и свободные карпатскіе горцы. Силами этихъ, подчасъ вполнѣ разбойничьихъ, шаекъ во времена Хмельницкаго воспользовался народный герой Нечай [2]). Но въ теченіе долгаго времени они не фигурировали на историческомъ поприщѣ того времени: массы хлоповъ и козаковъ затирали ихъ своею численностью. Тѣмъ не менѣе ихъ не убывало; съ конца же XVII вѣка ряды ихъ даже стали значительно пополняться. Такъ, послѣ крестьянскаго возстанія 1702 года многіе изъ крестьянъ Подоліи и Брацлавщины, гдѣ былъ центръ этого движенія, уходили въ *левенцы* или гай-

[1]) Антоновичъ. Изслѣдованіе о гайдамачествѣ стр. 10.

[2]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Т. II, стр. 216—217.

дамаки, зная, что поляки, усмирившіе возстаніе, готовятъ имъ лютыя казни. Къ тѣмъ же гайдамакамъ уходили и впослѣдствіи въ теченіе XVIII вѣка, всѣ тѣ, которые такъ или иначе бывали виноваты передъ своими панами, т. е. участники мелкихъ и крупныхъ крестьянскихъ движеній. Весьма естественно, конечно, при такомъ составѣ гайдамачества, что имъ съ одной стороны были близки къ сердцу бѣды своей братіи, оставшейся въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, и они всегда готовы были имъ оказать помощь въ борьбѣ съ поляками, съ другой—не менѣе естественно и то, что главнымъ источникомъ ихъ пропитанія могъ быть только разбой и грабежъ. Непринимаемые въ Запорожье, гдѣ повидимому свободные запорожцы въ XVIII вѣкѣ вовсе не вольны были увеличивать своихъ рядовъ бѣглыми хлопами, какъ это было раньше, они влачили вполнѣ нелегальное существованіе, ютясь на границахъ татарскихъ степей въ предѣлахъ Бугогардовской паланки и находясь подъ вѣчнымъ опасеніемъ быть оттуда изгнанными.

При такихъ же условіяхъ существованія и при полномъ отсутствіи организаціи, гайдамаки никоимъ образомъ не могли бы быть преемниками козачества сами по себѣ. Новыми борцами за православіе и русскую народность собственно стали непосредственно сами крестьяне Украины и Брацлавщины. Сами себя при этомъ они никогда не называли гайдамаками, а козаками. Настоящіе же гайдамаки, левенцы, были только ихъ ревностными пособниками, какъ бывали таковыми въ теченіе всего XVIII вѣка и запорожцы, съ которыми иные польскіе мемуаристы также смѣшивали гайдамакъ и возставшихъ крестьянъ южной Руси.

Было нѣсколько моментовъ въ теченіе всего XVIII вѣка, когда народный протестъ со стороны самого крестьянства значительно обострялся. Проф. Антоновичъ указываетъ на 1734, 1750 и 1768 года, какъ на такіе моменты [1]).

Имѣя въ виду въ настоящей статьѣ заняться послѣднею изъ трехъ названныхъ вспышекъ крестьянскаго движенія на

[1]) Антоновичъ. Изслѣд. о гайдамачествѣ стр. 100.

Украинѣ въ XVIII вѣкѣ, не можемъ не отмѣтить, что до сихъ поръ возстаніе именно 1768 года считалось наиболѣе уясненнымъ, благодаря нѣсколькимъ польскимъ мемуарамъ, относящимся къ нему. Между тѣмъ такое заключеніе не совсѣмъ справедливо. Мемуаристы, пишущіе не всегда только о томъ, что ими лично видѣно и слышано, но и томъ, что видѣно и слышано другими, не всегда достовѣрными свидѣтелями, легко впадаютъ въ ошибки, или искажая самые факты, или давая имъ невѣрное освѣщеніе. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ движенію 1768 года, сохранившему за собой названіе коліивщины, все это, какъ увидимъ, именно имѣло мѣсто. Въ такихъ случаяхъ, конечно, лучшимъ ремедіумомъ для возстановленія истины должны являться документальныя данныя объ изслѣдуемой порѣ. Къ такого рода даннымъ въ работѣ нашей мы и постараемся прибѣгнуть и при помощи ихъ, гдѣ это необходимо, исправить и пополнить и свѣдѣнія мемуаристовъ, и заключенія нѣкоторыхъ изслѣдователей интересующаго насъ вопроса, построенныя на односторонне подобранныхъ документальныхъ данныхъ, сдѣлавшихся извѣстными сравнительно раньше.

Ходячія мнѣнія о коліивщинѣ — будто центральнымъ ея пунктомъ, затмевавшимъ все остальное, была уманская рѣзня, будто все движеніе сводилось на одну партизанскую войну при отсутствіи въ рядахъ возставшихъ всякой организаціи, будто кровавыхъ дѣлъ въ это движеніе было больше, чѣмъ во всѣ предъидущія народныя движенія, при чемъ звѣрство природы малорусскаго крестьянина вполнѣ дѣлами такими доказано, и, наконецъ, будто движеніе это было очень значительно,—все это именно заключенія на основаніи польскихъ мемуаровъ. Съ другой стороны, утвержденіе нѣкоторыхъ изслѣдователей, будто коліивщина была только возстаніемъ для защиты вѣры, а другихъ — будто русское правительство не только сочувствовало этому возстанію, но даже само его и вызвало—все это есть результатъ заключеній, на основаніи односторонне подобранныхъ документальныхъ данныхъ. Не трудно замѣтить, наконецъ, что недостатокъ и неточность матеріаловъ не могли повлечь за собой вполнѣ невѣрныхъ рѣшеній и вопроса о томъ, какъ себя

держали по отношенію къ коліивщинѣ запорожцы, и вопроса о томъ, кто такіе были такъ называемые гайдамаки.

Въ настоящее время есть значительная возможность избѣгнуть ложныхъ заключеній на основаніи мемуаровъ и поспѣшныхъ выводовъ изслѣдователей, пользовавшихся слишкомъ однородными документами. Какъ ни мало пока издано матеріаловъ, относящихся къ интересующей насъ порѣ, но все же кой-что издано. Сверхъ того, отъ времени до времени всплываютъ на верхъ и документы, еще ждущіе своего изданія.

Къ числу послѣднихъ принадлежитъ, напримѣръ, книга, заключающая въ себѣ рядъ показаній гайдамакъ и крестьянъ, судившихся за возстаніе 1768 года передъ польской военно-судной коммиссіей, засѣдавшей въ Коднѣ. Книгой этой, обрѣтенной покойнымъ М. А. Максимовичемъ и принадлежащей въ настоящее время профессору Антоновичу, мы между прочимъ имѣли возможность пользоваться при нашихъ занятіяхъ движеніемъ 1768 г. и извлечь изъ нея много мелкихъ культурныхъ и даже политическихъ свѣдѣній, придающихъ, какъ намъ кажется, событіямъ коліевщины болѣе опредѣленный характеръ, чѣмъ они могли имѣть на основаніи данныхъ, извѣстныхъ польскимъ мемуаристамъ.

Въ виду сказаннаго списокъ источниковъ даннаго движенія теперь нѣсколько шире, чѣмъ былъ прежде.

Вотъ этотъ списокъ.

1) Bunt hajdamaków na Ukrainie r. 1768 opisany przez Lippomana i dwoch bezimennych wydany z rękopisma przez Eduarda Raczynskiego. Poznań 1854. Одинъ изъ помянутыхъ безъименныхъ авторовъ, именно послѣдній —есть *Тучапскій*.

2) Уманская рѣзня. Записки Вероники Кребсъ. Перев. съ предисл. И. М. Ревы.

3) Уманская рѣзня. Записка піара *Павла Млодановскаго*.

4) Pamętnik do historyi polskiej przez Adama Moszczynskiego. Poznan. 1863.

5) Описаніе бѣдствія, постигшаго Умань и всю Украину въ 1768 г. Переводъ съ польской рукописи, хранящейся въ институтѣ Оссолинскихъ въ Львовѣ подъ № 163. Кіев. Ст. 1882. кн. 3.

6) Записки о Южной Руси. П. Кулиша Т. I и II.

7) Сказаніе о Бондаренкѣ по народнымъ преданіямъ. Кіев. Ст. 1882, кн. 3.

8) Манифестъ импер. Екатерины II 9 іюля 1768 г. Кіев. Ст. 1882 г., кн. 5.

9) Матеріалы для исторіи коліивщины или рѣзни 1768 г. Н. И. Костомарова. Кіев. Ст. 1882, кн. 8.

10) Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи на Украинѣ 1768 г. Кіев. Стар. 1882 г. 9 и 10 кн. и 1883 тоже 9 и 10.

11) Нѣсколько документовъ къ исторіи гайдамачины А. Скальковскаго. Кіев. Стар. 1885 г. кн. 10.

12) Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. 1, тт. II и III. При нихъ изслѣдованіе объ архимандритѣ Мельхиседекѣ Значко-Яворскомъ Ѳ. Г. Лебединцева.

13) Тоже, ч. 3-я, т. III. При немъ изслѣдованіе о гайдамачествѣ (1700—1768) профессора Антоновича.

14) Тоже, ч. 4-я, т. II. При немъ изслѣдованіе о крестьянахъ Ю.-З. Россіи (1700—1798) профессора Антоновича.

15) Наѣзды гайдамакъ на Западную Украину въ XVIII столѣтіи (1733—1768). Соч. А. Скальковскій. Одесса. 1845 г.

16) Исторія Новой Сѣчи его же, тт. I—III, изд. 1885 г.

17) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. I. Статьи: Извѣстія о гайдамакахъ; Сказаніе о коліивщинѣ; Объясненіе нѣкоторыхъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ.

18) Исторія Россіи Соловьева, тт. XXVI и XXVII.

19) Нѣкоторые неизданные матеріалы изъ Архива кіевскаго губерн. правленія.

20) Книга военно-судной Кодненской коммиссіи.

ГЛАВА I-я.

Ватажки и военная организація гайдамакъ.

Къ числу вопросовъ, нуждающихся въ разрѣшеніи для характеристики коліивщины, принадлежитъ между прочимъ вопросъ—была ли у коліевъ какая-либо организація, или же они

составляли только разбойничьи шайки, дѣйствовавшія безъ плана, руководившіяся однимъ стремленіемъ къ наживѣ.

Изъ цѣлаго ряда характеристикъ дѣятельности отдѣльныхъ ватажковъ возстанія, приводимыхъ нами въ настоящей главѣ, думаемъ, нетрудно усмотрѣть, что общій планъ дѣятельности у коліевъ былъ, что планъ этотъ состоялъ въ намѣреніи завладѣть кіевскимъ воеводствомъ или по крайней мѣрѣ значительною частью его путемъ дѣйствія болѣе или менѣе значительными силами въ четырехъ углахъ этого района: 1) близъ Умани, 2) близъ Чигирина и вообще въ Приднѣпровьи, 3) близъ Бѣлой Церкви и 4) въ виду Радомысля на границѣ кіевскаго Полѣсія, причемъ ватажки Желѣзнякъ, Неживый, Швачка и Бондаренко были завѣдующими тѣми силами, которыя были направлены къ завладѣнію означенными пунктами. Планъ этотъ выполнялся съ достаточнымъ упорствомъ, хотя, конечно, крайняя непривычка къ строевой дисциплинѣ крестьянскаго люда, наполнявшаго ватаги названныхъ ватажковъ, не могла не быть подчасъ помѣхой для точнаго стремленія къ намѣченной цѣли. Далѣе довольно очевидно, что изъ всѣхъ названныхъ четырехъ ватажковъ Желѣзнякъ считался главой возставшихъ. Онъ называлъ себя полковникомъ войска запорожскаго, тогда какъ Швачка, Неживый и Бондаренко постоянно титулуются только куренными атаманами этого войска. Сверхъ того, тотъ же матеріалъ заставляетъ думать, что отмѣченный выше планъ былъ составленъ не при самомъ возникновеніи движенія въ апрѣлѣ 1768 г., и что до размѣщенія главныхъ силъ въ указанныхъ четырехъ углахъ кіевскаго воеводства сперва коліи соединенными силами подъ предводительствомъ Желѣзняка прошли по нѣкоторой части Кіевщины.

Наконецъ при характеристикахъ менѣе важныхъ ватажковъ довольно отчетливо намѣчается то обстоятельство, что именно эти ватажки, параллельно съ дѣйствіемъ главныхъ силъ и участіемъ ихъ въ правильныхъ сраженіяхъ и осадахъ, вели партизанскую войну. Небольшіе отряды ихъ были аналогичны татарскимъ загонамъ, дѣйствовавшимъ большею частью въ виду главныхъ силъ; они наносили разореніе врагу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще не была организована оборона.

Все только что сказанное, конечно, требуетъ подробныхъ подтвержденій. Послѣднія и заключаются, какъ думаемъ, въ предлагаемыхъ ниже характеристикахъ отдѣльныхъ ватажковъ, крупныхъ и мелкихъ, причемъ однако при составленіи этихъ характеристикъ мы не задавались цѣлью выяснить только военную сторону дѣла, а стремились очертить дѣятелей движенія 1768 года всесторонне, насколько то дозволяли имѣющіяся данныя.

Максимъ Желѣзнякъ.

Максимъ Желѣзнякъ, этотъ „główny watażka“ и „princypał haidamacki“ [1]) въ Кодненской книгѣ выступаетъ не часто. Ни самъ онъ не подпалъ суду военно-судной коммиссіи, засѣдавшей въ Коднѣ, ни цѣлая масса крестьянъ и гайдамакъ, бывшихъ съ нимъ,—поэтому и въ судебныхъ бумагахъ, которыми мы пользуемся, не можетъ онъ занимать виднаго мѣста. Изъ тѣхъ же немногихъ гайдамакъ его ватаги, которые подпали кодненскому суду, въ нашихъ документахъ попадается только четыре лица [2]),—но они всѣ не изъ видныхъ и притомъ только одинъ изъ нихъ побывалъ съ своимъ ватажкомъ въ Умани и другихъ мѣстахъ, гдѣ Желѣзнякъ былъ наиболѣе развернувшись. Тѣмъ не менѣе и въ тѣхъ немногихъ документахъ, гдѣ у насъ идетъ рѣчь о Желѣзнякѣ, все же есть рядъ свѣдѣній, пригодныхъ для уясненія личности „głównego watażki“, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и для обрисовки характера движенія 1768 года.

Извѣстенъ путь, пройденный Желѣзнякомъ въ самомъ началѣ возстанія съ соединенными силами возставшихъ. Вышелъ онъ съ своей ватагой въ концѣ апрѣля 1768 г. изъ Мотронинскаго лѣса (въ нынѣшнемъ чигир. у.) и послѣдовательно побывалъ въ Медвѣдовкѣ (мѣстечко чигир. у. при рр. Тясминѣ и Медвѣдовкѣ къ ЗСЗ отъ у. города), Жаботинѣ (мѣстечко черк. у. при р. Жабянкѣ или Вязлѣ на ЮЮЗ отъ у. гор.), Смѣлой, Черкассахъ, Корсунѣ, Каневѣ, Богуславѣ, Каменномъ Бродѣ (с. звенигород. у. при р. Гниломъ Тикичѣ къ З. отъ Лисянки),

[1]) Кодненская книга. Стр. 34, 80.

[2]) Ibidem 34, 54, 80, 536.

Лисянкѣ (м. звениг. у. при впаденіи р. Лисянки въ Гнилой Тикичъ, къ СЗ отъ у. города) и наконецъ Умани. Кровавыя расправы съ панами и жидами, производившіяся Желѣзнякомъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ, польскими мемуаристами описаны не съ равномѣрною полнотою, такъ какъ не изо всѣхъ мѣстъ мемуаристы могли имѣть свѣдѣнія отъ очевидцевъ, а тѣмъ болѣе не во всѣхъ мѣстахъ могли быть люди грамотные настолько, чтобы лично могли записать видѣнное. Наиболѣе грамотныхъ очевидцевъ рѣзни, произведенной Желѣзнякомъ, было въ Умани, въ этомъ центрѣ польскаго просвѣщенія и культуры тогдашней Украины, не успѣвшей еще вполнѣ оправиться послѣ руины,—поэтому то уманскія дѣянія Желѣзняка намъ наиболѣе и извѣстны. Что же до дѣлъ его въ другихъ мѣстахъ, то при описаніи его похода много вниманія удѣлено еще развѣ его пребыванію въ Лисянкѣ, гдѣ въ то время тоже укрывалось много поляковъ. Поэтому свѣдѣнія о походѣ Желѣзняка издавна надо было наполнять хотя бы по народнымъ преданіямъ. Обращаясь затѣмъ къ нашимъ матеріаламъ въ Кодненской книгѣ, мы находимъ въ нихъ свѣдѣнія именно о нѣсколькихъ такихъ пунктахъ Желѣзняковскаго маршрута, которымъ не посчастливилось у мемуаристовъ: мы узнаемъ изъ немногихъ имѣющихся у насъ дѣлъ кой-что о пребываніи Желѣзняка и его ватаги въ Корсунѣ, Богуславѣ, Каменномъ Бродѣ и Бояркѣ.

О пребываніи и дѣяніяхъ Желѣзняка въ Корсунѣ мы извлекаемъ данныя изъ заключающагося въ Кодненской книгѣ дѣла объ убійствѣ уніатскаго попа с. Завадовки (с. черкасскаго у., при рч. Грузькой къ СЗ отъ Городища), Николая Фалинковскаго. Къ дѣлу этому былъ привлеченъ сыномъ покойнаго, Семеномъ Фалинковскимъ, „благочестивый“ попъ того же села Иванъ Старшевскій. Показаніями на судѣ и попа Старшевскаго, и его обвинителя, Семена Фалинковскаго, воспроизводится цѣлая бытовая картина той смутной поры, такъ что едва ли было бы основательно ограничиться извлеченіемъ изъ нея только того, что непосредственно касается Желѣзняка. Но разъ желательно не разрывать картины событій въ нашемъ документѣ, намъ необходимо хотя бы въ немногихъ чертахъ указать, въ какомъ положеніи

была Украина относительно религіозныхъ дѣлъ предъ появленіемъ Желѣзняка и вообще предъ началомъ коліивщины; иначе въ дѣлѣ о Фалинковскомъ и Старшевскомъ не все будетъ ясно.

Начало шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка было временемъ полнаго расцвѣта той политики по отношенію къ православію и уніи на Украинѣ, основаніе которой еще въ концѣ XVII столѣтія такъ удачно для сторонниковъ искорененія православія было положено львовскимъ епископомъ Іосафомъ Шумлянскимъ. Борьба велась въ это время уніатами, такъ сказать, безъ объявленія войны врагу. Отъ тѣснимыхъ православныхъ не требуютъ въ это время общаго согласія на унію, но противъ нихъ ведутся безконечныя мелкія преслѣдованія, и всякое неповиновеніе уніатскому ли священнику или такому же епископу перетолковываютъ какъ нежеланіе повиноваться подлежащей власти, вполнѣ игнорируя вѣроисповѣдную рознь между пастырями уніатами и пасомыми—православными. Даже слова *унія*, *дизунія*, *схизма* совершенно почти исчезаютъ изъ административнаго лексикона первой половины XVIII вѣка. Въ документахъ той поры часто трудно распознать—когда дѣло идетъ о православномъ и когда объ уніатскомъ духовенствѣ [1]). И успѣхъ такой политики былъ очень замѣтный: числившихся въ уніи было теперь гораздо больше, чѣмъ при прежней открытой борьбѣ съ православіемъ. Положеніе духовенства было при этомъ очень тягостно, если оно открыто заявляло себя православнымъ. Прежде всего для священниковъ православныхъ самое назначеніе ихъ въ тотъ или другой приходъ было крайне затруднено. Нужно было согласіе владѣльца или его повѣреннаго, что носило названіе *презента* и что только и давало право священнику пользованія извѣстнымъ количествомъ пахатной земли за опредѣленный впрочемъ взносъ владѣльцу земли. Затѣмъ по полученіи презента необходимо было еще получить отъ уніатскаго декана или протопопа *абсолюцію*, или дозволеніе держаться православія. Наконецъ, послѣ абсолюціи отъ уніатскаго декана, или протопопа,

[1]) Проф. Антоновичъ. Монографіи по исторіи Зап. и Ю.-Зап. Россіи. Очеркъ состоянія правосл. церкви въ Ю.-З. Россіи съ половины XVII до конца XVIII в. стр. 295.

ставленикъ долженъ былъ еще быть рукоположенъ переяславскимъ епископомъ, между тѣмъ всякія сношенія съ Переяславомъ и духовенства, и мірянъ, состоявшихъ въ переяславской епархіи, были затруднены отчасти произволомъ пограничныхъ властей, отчасти сеймовыми постановленіями. „Не всякій, конечно, изъ искателей прихода или священства (которое помимо чести и дохода манило свободою отъ панщины лицъ несвободнаго сословія),—читаемъ въ предисловіи Ѳ. Г. Лебединцева къ II и III томамъ 1-й части Архива Ю.-З. Россіи—не всякій, конечно, могъ устоять предъ такими чрезвычайными затрудненіями и рѣшительными препятствіями, и потому многіе изъ ставленниковъ, или аколѣтовъ, рѣшались на принятіе священства изъ рукъ уніатскаго архіерея, готовые жъ священники давали присягу и согласіе на унію, причемъ большая часть, какъ кажется, разсчитывала на то, что, живя въ православномъ приходѣ, можно служить по православному, въ бытность же поляковъ и уніатовъ можно по нуждѣ и уніатомъ прикинуться, если не удастся какъ-нибудь обмануть своихъ надсмотрщиковъ [1]). Изъ актовъ III тома 1 ч. Арх, Ю.-З. Россіи видно, какого рода обманы первобытной наивности приходилось пускать въ ходъ пастырямъ. Иной изъ нихъ „точію за крайнюю нужду именовался унѣятомъ, служенія жъ божественныя въ церквѣ хотя съ опасностью, однакъ отправлялъ было по прежнему своему порядку по чину святія восточнія церкви; если жъ было случатся поляки или унѣяти, при коихъ слѣдовало ему служить по унѣятскому, то онъ было въ то время нарочно упьется и тѣмъ откажется, что не готовъ на служеніе [2]). Иной же при пріѣздѣ опасныхъ ревизоровъ скажетъ дьячку тянуть подолѣе херувимскую пѣснь, чтобы незамѣтно было, какъ при перенесеніи святыхъ даровъ онъ пропускаетъ имя папы [3]). А за иного мнимаго уніата наконецъ свидѣтельствуютъ прихожане—будто онъ служитъ по-уніатски [4]).

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р. ч. 1. т. II. Предисловіе стр. LXI.

[2]) Ibidem т. III актъ № LXXVII, стр. 498.

[3]) Ibidem. Предисл. стр. LXII.

[4]) Ibidem. Т. III актъ № XXXVIII, стр. 283.

Все это практиковалось нерѣдко еще и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Но если пора эта была порой полнаго угнетенія православія на Украинѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ она была порой зародившагося упорнаго противодѣйствія православныхъ крестьянъ и духовенства полякамъ и уніатамъ. Годы 1761—1765 были годами, когда игуменъ Мотронинскаго монастыря, расположеннаго близъ Жаботина въ Мотронинскомъ лѣсу, Мелхиседекъ Значко Яворскій, состоявшій, по назначенію переяславскаго архіерея Гервасія Линцевскаго, правителемъ украинскихъ церквей, принадлежащихъ къ переяславской епархіи, самымъ ревностнымъ образомъ помогалъ украинскимъ крестьянамъ и сохранять православіе, и отдѣлываться отъ насильно навязанной и навязываемой имъ уніи. Скрытая борьба прежнихъ десятилѣтій, благодаря энергичному игумену, должна была замѣниться открытой—и всѣ вѣроисповѣдныя отличія унитовъ и дизунитовъ выступили теперь наружу. Число возвращавшихся изъ уніи въ „благочестіе“, какъ тогда говорилось, было очень значительно, и длилось такое возстановленіе православія до тѣхъ поръ, пока вновь не начались всякаго рода преслѣдованія со стороны уніатовъ. За дѣло преслѣдованія усердно принялись три лица: уніатскій митрополитъ Володкевичъ, имѣвшій резиденцію въ Радомыслѣ, его оффиціалъ Мокрицкій и бывшій послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ Вороничъ, тогдашній регементарь украинской партіи, т. е. начальникъ тѣхъ польскихъ войскъ, которыя отдѣлялись обыкновенно на защиту Украины и Подолія. Только страхъ довести до полнаго ожесточенія нужныхъ для зарождавшейся вновь панщины хлоповъ заставилъ по крайней мѣрѣ наиболѣе крупныхъ польскихъ пановъ на Украинѣ, какъ напримѣръ князя Сангушко, остановить хоть отчасти поднятое на „шизму“ гоненіе [1]). Да наконецъ и утвержденная на сеймѣ 1767 года вѣротерпимость должна была вести за собой, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, ослабленіе уніатскихъ неистовствъ. Но и безъ этого ослабленія гоненій народныя массы Кіевщины и особенно Смѣлянщины рѣшились сами вернуть права своей вѣрѣ во что бы то ни стало. Уже въ 1767 г., до открытія сейма,

[1]) Арх. Ю.-З. Р. Ч. I т. II акты №№ XXI и XXII.

крестьянскія громады названной выше мѣстности вновь стали подавать донесенія архіерею Гервасію съ просьбою о принятіи ихъ по прежнему въ вѣдомство переяславской епархіи. Въ это время началось, такимъ образомъ, новое присоединеніе, продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока и епископъ Гервасій, и игуменъ Мельхиседекъ не были навсегда разлучены съ Украиною [1]). Возбужденіе крестьянъ въ эту пору было такъ велико, что, по заявленію Гервасія малороссійскому генералъ-губернатору графу Румянцеву, „обратившіеся въ унію священники не имѣли другого средства къ своему спасенію, особенно въ началѣ 1768 г., какъ только искать себѣ защищенія въ Переяславѣ“ [2]), гдѣ, конечно, обращались въ православіе. Въ Кодненской книгѣ мы находимъ яркую иллюстрацію такого положенія священниковъ. Такъ, священникъ слободы Яновки въ старостве бѣлоцерковскомъ Матвій Сухачъ, судившійся въ Коднѣ по подозрѣнію въ содѣйствіи гайдамакамъ въ 1768г. и за православіе, пересказалъ на судѣ, какъ онъ тотчасъ послѣ начала рѣзни 1768 г., будучи уніатскимъ дьякомъ въ родномъ селѣ Насташкѣ и состоя уніатомъ съ дѣда и прадѣда, *для спасенія отъ гайдамакъ*, съѣздилъ въ Переяславъ и получилъ тамъ посвященіе быть православнымъ пастыремъ. Послѣ этого, по словамъ Сухача, „powracilismy do Nastaszki y tak przyiętą Blahoczestyą bylismy wolnemi od haydamakow“ [3]). Но въ назначенный ему приходъ Сухачъ не поѣхалъ, видя, что никто изъ поповъ не знаетъ, чего держаться—уніи или дизуніи, и ожидалъ общаго поворота въ ту или другую сторону. Если же въ концѣ концовъ онъ остался православнымъ, то, судя по его показаніямъ, случилось это больше какъ-то независимо отъ него. Въ дѣло его вмѣшался протопопъ села Гусачевки, Василій Зражевскій, ревностный православный. Протопопъ этотъ при содѣйствіи какихъ-то „moskal'ей“ и по настоянію жителей Яновки водворилъ его въ Яновской церкви, освятивъ ее по православному чину—и Сухачъ остался православнымъ среди православной паствы. Это не помѣшало ему потомъ на судѣ въ Коднѣ

[1]) Ibidem. Предисловіе стр. XCII.

[2]) Переписка гр. П. А. Румянцева. Кіев. Ст. 1882 кн. 9 стр. 114.

[3]) Коднен. кн. стр. 112.

признаться, что по его мнѣнію, унія выше дизуніи! [1]). Но кромѣ поповъ, по необходимости мѣнявшихъ унію на православіе, были конечно—замѣтимъ мимоходомъ—и попы, по силѣ убѣжденія въ правотѣ православія стоявшіе такъ же высоко, какъ и многіе селяне. Названный только что Василій Зражевскій, протопопъ села Гусачевки, былъ именно одинъ изъ такихъ столповъ православія. Благодаря его разъѣздамъ по селамъ вмѣстѣ съ другими православными священниками въ 1767 и 1768 годахъ было возвращено православнымъ много церквей въ Бѣлоцерковщинѣ [2]). Очевидно, Василій Зражевскій присталъ именно къ тому движенію въ пользу православія, которое было особенно сильно въ смѣлянскомъ ключѣ чуть не въ самый моментъ появленія Желѣзняка.

Обращаясь за симъ къ указанному выше дѣлу объ убійствѣ уніатскаго попа Фалинковскаго [3]), въ которомъ выступаетъ и Желѣзнякъ, перескажемъ прежде всего коротенькую біографію антагониста Фалинковскаго, священника Ивана Старшевскаго. Мы при этомъ увидимъ, какъ отмѣченное на предъидущихъ страницахъ положеніе православія и уніи въ Украинѣ отражалось на судьбѣ отдѣльныхъ лицъ и особенно на судьбѣ тогдашняго духовенства.

Родился Иванъ Старшевскій въ селѣ Вакулинцахъ богуславскаго ключа. И отецъ его, и дѣдъ, и прадѣдъ—всѣ были попами. Въ годъ суда, въ 1771 г., ему было 33 года. До 15 лѣтъ учился онъ въ мѣстной школѣ, должно полагать въ с. Вакулинцахъ; потомъ же отецъ его, при безразличномъ отношеніи къ уніи и дизуніи, тогда обычномъ, отвезъ его въ Переяславъ въ тамошнюю семинарію. Въ семинаріи Старшевскій пробылъ пять лѣтъ, поучившись одинъ годъ даже въ поэтикѣ. По возвращеніи изъ Переяслава, молодой Старшевскій сперва жилъ при родителяхъ, не имѣя опредѣленныхъ занятій. Когда же прошелъ такимъ образомъ годъ, отецъ отдалъ Ивана къ священнику Любинскому, инструктору „русской консисторіи“, для

[1]) Ibidem стр. 113.

[2]) Ibidem стр. 111.

[3]) Ibidem стр. 98—107 и стр. 122—135.

приготовленія въ священники (na kapłanstwo). Съ годъ опять длилось это приготовленіе, а потомъ Иванъ Старшевскій женился на дочери деренковскаго попа (Деренковецъ с. черк. у. при р. Роси къ В. отъ Корсуня), Евдокіи, и, получивши посвященіе изъ Радомысля, былъ назначенъ въ приходъ отца своего въ Вакулинцахъ, гдѣ долженъ былъ состоять всего только викаріемъ. Самостоятельный же приходъ тогдашній уніатскій оффиціалъ Примовичъ далъ ему только спустя полтора года. Приходъ этотъ нашелся для него въ мошенскомъ ключѣ, въ с. Березняки (черк. у. при р. Тясьминѣ къ Ю. отъ Смѣлой). Тамъ Старшевскій священствовалъ затѣмъ четыре года. Мы видимъ, такимъ образомъ, что послѣ обученія въ православной семинаріи, желая добиться прихода и средствъ къ жизни, Иванъ Старшевскій безъ всякаго стѣсненія и на священство приготовляется у уніата, „инструктора русской консисторіи“, и самое священство получаетъ отъ уніатскаго оффиціала. Указанное выше намѣренное игнорированіе духовными и свѣтскими властями вѣроисповѣдныхъ различій унитовъ и дизунитовъ и почти полное отсутствіе возможности сноситься украинскому духовенству съ Переяславомъ и тамошнимъ архіереемъ—все это естественно вызвало и встрѣчаемое нами въ Старшевскомъ безразличное отношеніе къ вопросамъ религіознымъ или вѣрнѣе іерархическимъ.

Но вотъ въ 1767 г., какъ уже было сказано и какъ это подтверждаетъ Страшевскій въ своихъ показаніяхъ на судѣ въ Коднѣ, между попами польской Украины начались учащенныя сношенія, результатомъ которыхъ было усиленіе „благочестія“ и между попами. На своихъ тайныхъ совѣщаніяхъ они, очевидно, пришли къ заключенію, что сохраняя унію, имъ не сдобровать. И въ самомъ дѣлѣ, сельскія громады въ это время то и дѣло присягали въ Переяславѣ быть вѣрными „схизмѣ“, какъ выражался Старшевскій о православіи, и то и дѣло отнимали у уніатскихъ ставленниковъ ключи отъ церквей, а ихъ самихъ гнали изъ селъ и приходовъ, замѣняя ихъ попами благочестивыми, получившими посвященіе въ Переяславѣ. Старшевскій также былъ изгнанъ изъ Березняковъ, и, подобно другимъ отставленнымъ тогда уніатскимъ попамъ, очень волновался по поводу утраты прихода. О томъ, какъ бы вернуть его себѣ

снова, онъ ѣздилъ совѣщаться въ Богуславъ къ роднымъ своимъ и тамошнему уніатскому попу Яну Яроцкому, бывшему на приходѣ въ церкви Покровы. Попъ Яроцкій посовѣтовалъ ему съѣздить въ Радомысль къ тогдашнему украинскому оффиціалу Мокрицкому. То же посовѣтовали Старшевскому и другіе попы, съ которыми онъ совѣщался о своей бѣдѣ: и попъ села Жибонекъ, шуринъ Старшевскаго, и попъ вакулинскій, родной братъ С—го. Оффиціалъ Мокрицкій какъ разъ въ это время самъ пріѣхалъ въ Корсунь и, чтобы представиться ему, не надо было, значитъ, ѣхать въ далекій путь. Старшевскій воспользовался этимъ и тотчасъ явился къ оффиціалу. „Но какъ только, говоритъ Старшевскій, я вошелъ къ нему, онъ обратился ко мнѣ съ такимъ привѣтомъ: „кланяюсь отцу схизматику". Я ему отвѣчалъ, что я не схизматикъ и имъ быть не хочу. Но на это онъ мнѣ заявилъ: „ты изъ ключа мошенскаго, а тамъ всѣ попы стали схизматиками, стало быть и ты такой же схизматикъ, какъ другіе". Не далъ онъ мнѣ оправдаться, не успѣлъ я даже заявить ему, что я пріѣхалъ къ нему за совѣтомъ, какъ быть мнѣ. Безъ разговору велѣлъ онъ схватить меня, посадить въ корсунскую тюрьму и, продержавши тамъ дня три, велѣлъ отправить меня на моей же подводѣ въ Радомысль подъ конвоемъ 12 корсунскихъ казаковъ, которые должны были сопровождать меня до Богуслава, а тамъ конвоирами моими на дальнѣйшій путь должны были стать два казака митрополичьихъ. Въ Радомыслѣ я сидѣлъ въ тюрьмѣ недѣль шесть и, по распоряженію отца оффиціала и отца сурогатора, былъ наказанъ 700 ударами розогъ. Затѣмъ уже тогда, когда Москва изъ-за границы густыми толпами стала идти къ намъ (gdy Moskwa z zagranicy swey w granice polskie gensto isc poczala), я вмѣстѣ съ другими воспользовался тѣмъ, что тюрьму однажды сторожили два пьяныхъ казака—и убѣжалъ". При этомъ Старшевскій перечислилъ лицъ, бѣжавшихъ вмѣстѣ съ нимъ изъ уніатской митрополичьей тюрьмы. Оказывается, что сидѣли въ этой тюрьмѣ вмѣстѣ съ Старшевскимъ какой-то приходскій попъ, монахъ изъ корсунскаго монастыря, какой-то человѣкъ Иванъ, какой-то литвинъ и шляхтичъ Чижевскій. Всѣ эти бѣжали одновременно съ Старшевскимъ. Но, кромѣ нихъ, въ

тюрьмѣ еще содержались жена и теща Чижевскаго, имъ тамъ покинутыя, попъ изъ села Писекъ (житомир. у. при р. Буйвѣ къ Ю.В. отъ Житомира), сидѣвшій за потерю денегъ, и старикъ литвинъ; эти всѣ остались въ тюрьмѣ. Явившись изъ Радомысля въ Березняки, Старшевскій напрасно разсчитывалъ, что тамошній приходъ снова попадетъ въ его руки: назначенный изъ Переяслава священникъ Бабыченко, оказалось, утвердился тамъ настолько прочно, что и въ моментъ суда надъ Старшевскимъ въ 1771 г. онъ все находился тамъ. Пришлось Старшевскому думать, какъ бы не пропасть съ голоду при такихъ невзгодахъ, и вотъ онъ рѣшился идти за-границу въ Переяславъ и стать „благочестивымъ“ (zostalem przymuszony isc za granice do Perejaslowia z rasyi żem się nie mial gdzie podziec). Въ переяславской консисторіи приняли его дурно и только послѣ многихъ хожденій и просьбъ допустили его черезъ десять недѣль послѣ его прихода присягнуть на „благочестіе“ и дали ему право совершать богослуженіе въ какомъ-то монастырѣ въ церкви св. Михаила, за что опредѣлили ему выдавать всего по 5 р. въ годъ. Прошло не мало дней; Старшевскій успѣлъ отправить 91 службу, и тогда только явилась возможность стать въ лучшее матеріальное положеніе. Пріѣхали тогда въ Переяславъ люди отъ громады села Завадовки (черк. у. при рч. Грузькой къ С.З. отъ Городища), Иванъ Василенко и Иванъ Овсіенко, съ просьбой дать имъ попа на мѣсто Николая Фалинковскаго; Фалинковскаго же они не хотѣли имѣть больше попомъ. „Винъ, говорили посланцы, хочъ вже й прынявъ благочестіе, а проте все жъ смердыть уніатомъ—и мы цього дали вытрымувать не можемо“. Сочувствуя имъ, архіерей заявилъ готовность посвятить въ попы ихъ церкви кого либо изъ намѣченныхъ ими, но они не имѣли никого въ виду; тогда онъ далъ имъ въ попы Старшевскаго. Послѣднему изготовленъ былъ „инструментъ“ для занятія прихода въ Завадовкѣ, и онъ вмѣстѣ съ громадскими посланцами немедленно отправился на мѣсто своего новаго назначенія. Но водвориться тамъ было не такъ то легко.

Когда Старшевскій пріѣхалъ въ Завадовку, завадовская громада немедленно заявила о его прибытіи Фалинковскому.

„Маемо вже мы, сказали ему громадяне, другого попа, такого, якъ хотилы.“ Раздраженный же этимъ Фалинковскій сбросилъ тутъ съ себя личину „благочестія“ и сказалъ: „ключивъ вамъ одъ церквы не виддамъ, робить соби, що хочете, а я правдывый уніатъ и никого зъ васъ до церквы не пущу“. Завадовцы же еще раньше перестали посѣщать ее. Что жъ оставалось дѣлать Старшевскому? По его собственнымъ показаніямъ, онъ послѣ выказаннаго Фалинковскимъ сопротивленія пробылъ въ Завадовкѣ еще два дня, а потомъ на два дня съѣздилъ къ тестю своему въ Деренковецъ и оттуда уже вернулся въ свой монастырь подъ Переяславомъ, гдѣ оставался мѣсяца три, отправляя по прежнему „службу Божу“ въ церкви св. Михаила за 5 р. въ годъ. Однако завадовцы не забыли его, и прежніе посланцы ихъ, ктиторъ Иванъ Василенко и Иванъ Овсіенко, снова пріѣхали къ нему и снова привезли его съ собой въ Завадовку. Но Фалинковскій и на этотъ разъ не захотѣлъ добровольно уступить церковь излюбленному громадой попу благочестивому. Послѣ отказа Фалинковскаго громадяне обращались за совѣтомъ во „дворъ“ къ подстаростѣ Жеребку, но этотъ послѣдній, держась уніи и выказывая расположеніе Фалинковскому, отвѣтилъ громадянамъ: „Пидить ще разъ до Фалинковського. Оддасть винъ вамъ ключи—то добре, а ни—то одбыйте соби церкву сами“. Въ совѣтѣ такомъ былъ явный подвохъ, по увѣренію Старшевскаго; но громадяне рѣшили, что имъ дѣйствительно поступить иначе нельзя, и черезъ нѣсколько времени, послѣ новыхъ отказовъ Фалинковскаго отдать церковь имъ добровольно, выбили наружныя двери храма и завладѣли имъ. Старшевскій былъ затѣмъ введенъ въ церковь и сталъ осматривать, все ли въ ней есть, что необходимо для отправленія службы Божьей. Не найдя же тамъ ораря (manipularza) и евангелія, онъ рѣшилъ временно добыть эти необходимыя для служенія предметы у тестя своего въ с. Деренковцѣ, куда и поѣхалъ. Но не успѣлъ онъ отъѣхать и полмили, какъ нагналъ его сынъ попа Фалинковскаго, Василій, о прошломъ котораго далѣе всплывутъ интересные факты. По показанію роднаго брата этого Василія Фалинковскаго, Семена, отзывавшагося на судѣ о Василіѣ съ какою то восторженностью, этотъ послѣд-

ній, нападая на попа Старшевскаго, имѣлъ въ виду до гола ободрать его, избить и остричь. И въ самомъ дѣлѣ, онъ избилъ Старшевскаго ружьемъ, оборвалъ на немъ шубу и только не привелъ въ исполненіе намѣренія своего—остричь попа. Избитый, обезчещенный Старшевскій послѣ этого рѣшилъ въ Завадовку не возвращаться и отъ тестя своего вторично вернулся въ монастырь подъ Переяславомъ, гдѣ и пробылъ цѣлый мѣсяцъ. Избившій же его поповичъ, Василій Фалинковскій, дерзнулъ вернуться въ Завадовку, но тутъ былъ встрѣченъ завадовцами, вышедшими на него съ рогатинами. Плохо бы пришлось ему, по словамъ его брата, еслибъ онъ не спасся бѣгствомъ во „дворъ“ къ подстаростѣ Михаилу Жеребку. Раздраженные крестьяне между тѣмъ какъ-то вдругъ остыли. На другой день Жеребко, забывши опасность, сталъ всѣмъ верховодить, ввелъ безъ всякой помѣхи попа Фалинковскаго въ церковь, а о Старшевскомъ заявилъ громадѣ: „я вамъ того попа Старшевскаго звелю повисыть на верби“.

Примиреніе съ уніатскимъ попомъ было у завадовцевъ однако непродолжительно. Черезъ мѣсяцъ послѣ случившагося снова ктиторъ Иванъ Василенко, а съ нимъ и Иванъ Овсіенко пріѣхали въ Переяславъ и стали снова просить архіерея дать имъ благочестиваго попа въ виду отказа Старшевскаго оставаться у нихъ. Архіерей однако опять далъ имъ Старшевскаго, причемъ потребовалъ, чтобы они, завадовцы, заботились о безопасности своего настоятеля. Когда Василенко и Овсіенко обѣщали это, то Старшевскій снова поѣхалъ съ ними въ Завадовку. Тамъ онъ поселился у ктитора Василенка и сталъ отправлять всѣ требы, не имѣя церкви, которою все продолжаетъ владѣть Фалинковскій. Семенъ Фалинковскій утверждалъ, что Старшевскій и въ первые свои пріѣзды тайно по ночамъ крестилъ дѣтей въ Завадовкѣ и тайно же по огородамъ хоронилъ завадовскихъ усопшихъ. Въ свой послѣдній пріѣздъ въ Завадовку Старшевскій осмѣлился даже въ день крещенія, 6 января, выйти съ цѣлой громадой на Іордань. Такъ шло дѣло съ Филипповки 1767 года по Срѣтеніе 1768. Въ день же Срѣтенія завадовцы, потерявъ терпѣніе, вытащили попа Фалинковскаго на кладбище и тамъ отняли у него ключи отъ церкви. Старшевскаго при этомъ не

было: онъ былъ въ то время въ Деренковцѣ; но онъ, по утвержденію Семена Фалинковскаго, зналъ о томъ, что затѣяли завадовцы. Какъ бы тамъ ни было, а церковь на этотъ разъ осталась въ распоряженіи громады, и она ввела въ нее Старшевскаго, который началъ тогда же служить въ ней и затѣмъ, благодаря извѣстнымъ уже намъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, не оставлялъ этого своего прихода до самаго ареста своего.

Оглядываясь на все случившееся съ Старшевскимъ, мы видимъ, что ему, нелишенному извѣстныхъ способностей, но во всякомъ случаѣ не имѣвшему опредѣленныхъ убѣжденій, которыя вынуждали бы его отстаивать что-либо съ силою исповѣдниковъ, выпало на долю играть роль благочестиваго, благо въ началѣ 1768 года такая роль избавляла его и отъ безкормицы. Потомъ же мы видимъ, что, когда попалъ онъ на судъ къ полякамъ, онъ признавалъ себя уже уніатомъ и свое служеніе въ качествѣ попа „схизматицкого“ объяснялъ тяжелою необходимостью спасать свою шкуру. Не всѣ борцы за православіе могли быть люди чистые, но не лучше Старшевскаго, какъ видимъ, былъ и противникъ его уніатъ Николай Фалинковскій: и онъ, очевидно, хлѣба ради въ 1767 г. объявлялъ себя благочестивымъ, и только тогда, когда благочестію его громадяне не повѣрили, онъ снова вернулся къ уніи...

Безъ особенныхъ тревогъ и волненій жилось Старшевскому всю весну 1768 года. Церкви у него никто не отнималъ и съ прихожанами онъ ладилъ. Но вотъ и онъ, и завадовцы прослышали о славномъ ватажкѣ Максимѣ Желѣзнякѣ и о томъ, что бить жидовъ и поляковъ онъ прійдетъ и въ ихъ сторону. Желѣзнякъ, дѣйствительно, двигался по отмѣченному выше маршруту, и шествіе его было торжественно: на всемъ пути его слѣдованія громады разныхъ селъ, даже тѣхъ, которыя оставались для него въ сторонѣ, выходили къ нему съ поклономъ. Завадовцы однако случайно не знали этого обычая и не поторопились выслать своей депутаціи, когда Желѣзнякъ былъ недалеко отъ нихъ—въ Корсунѣ. Это показалось Желѣзняку подозрительнымъ, и онъ послалъ въ Завадовку загонъ изъ восьми своихъ козаковъ

узнать—въ чемъ дѣло. Посланцы, явившись въ Завадовку, первымъ дѣломъ спросили: „чы нема тутъ якого ляха альбо попа уніата?“ Имъ указали на подстаросту и на попа Фалинковскаго. Но и подстароста, и Фалинковскій успѣли скрыться. Тогда козаки Желѣзняка напали на хату Фалинковскаго и разграбили въ ней все, что было; но не найдя цѣнныхъ вещей, бросились къ попадьѣ, исполосовали ее нагаями, и она должна была послѣ этого показать, гдѣ спрятано ея добро. Добравшись до поповской скрыни, козаки-гайдамаки отбили ее, и, когда въ ней между прочими вещами натолкнулись на антиминсъ (alias portalet), то взять его оттуда сами не рѣшились изъ уваженія предъ святыней. Спросили они тогда крестьянъ: „а чы е у васъ нипъ благочестивый?“, и узнавши, что попъ такой есть, послали за Старшевскимъ. Послѣдній долженъ былъ придти, и ему велѣли взять изъ уніатской скрыни и антиминсъ, и евангеліе, и другія священныя книги. Кромѣ того, навязали попу четыре женскихъ намитки, двѣ плахты, пару сапогъ и пару черевиковъ изъ сафіяновой красной кожи. Попъ принялъ все это, но затѣмъ при первой возможности все, кромѣ священныхъ предметовъ, передалъ подъ росписку громадянамъ, желая всячески оградить себя отъ какихъ бы то ни было навѣтовъ впослѣдствіи. Гайдамаки же, какъ ихъ величали на судѣ, покончивши съ уніатскими скрынями, взялись искать поповича, а потомъ и самого попа. Сына нашли они скоро сами. Они возжами обмотали его за шею и протащили къ возу, на которомъ собирались везти его къ Желѣзняку въ Корсунь. Были однако и изъ завадовцевъ помощники въ этомъ дѣлѣ; особенно усердствовало двое громадянъ—Ѳедоръ Кулишъ и Назаръ Овсіенко. Искали еще гайдамаки и попа, но, не найдя, ушли изъ села. За то поисковъ не кинули завадовцы, и Грицьку Василенку и Лазарю Яременку (этого послѣдняго потомъ мѣсяца черезъ три „Piorun ubil“) удалось найти попа спрятавшимся въ бурьянѣ. Его оттуда выволокли за волосы и бороду, страшно избили и потащили къ корчмѣ.

Но когда это совершалось, ни гайдамакъ, ни Старшевскаго съ громадянами Савкой Войтомъ (атаманъ), Иваномъ Василенкомъ ктиторомъ, Иваномъ и Игнатомъ Кушененковыми и Сте-

паномъ Дзюбенкомъ уже не было въ селѣ: они шли тогда въ Корсунь. Дѣло въ томъ, что гайдамаки потребовали, чтобы завадовцы съ хлѣбомъ-солью отправили въ Корсунь къ Желѣзняку выборцевъ съ попомъ во главѣ на поклонъ. Отказаться было бы невозможно, по словамъ Старшевскаго, потому что тѣ села, которыя не выходили къ Желѣзняку съ хлѣбомъ-солью, онъ приказывалъ своимъ гайдамакамъ разорять въ конецъ. Завадовцамъ же не приходилось въ данномъ случаѣ сопротивляться еще и потому, что они не могли не сочувствовать Желѣзняку.

Выборцы двинулись въ Корсунь пѣшкомъ въ слѣдъ за возомъ, на которомъ везли Василія Фалинковскаго спеціально за нимъ присматривавшіе Савко Власенко и Степанъ Дзюбенко. Между тѣмъ это подало поводъ впослѣдствіи къ обвиненію Старшевскаго въ намѣреніи заявить себя передъ Желѣзнякомъ не только принесеніемъ хлѣба и соли, но и доставленіемъ ему для звѣрской расправы поповича-уніата.

Добравшись до села Карашинецъ (канев. у. при р. Роси къ В. отъ Корсуня), путники сдѣлали привалъ возлѣ чьей-то хаты, и тутъ же ихъ догнали ихъ односельчане Иванъ Кулишъ, Назаръ Овсіенко, Данко Дубыненко и Кирикъ Василенко, наймитъ, выѣхавшіе изъ Завадовки позже и препровождавшіе къ Желѣзняку найденнаго ими попа Николая Фалинковскаго. Всѣ пріѣхавшіе послѣзали съ возовъ и столпились у хаты, закурили люльки, а конвоиры попа принесли съ своего воза жбанъ горилки и начали ею „частовать“ всѣхъ, не забыли и самого Николая Фалинковскаго.

Передъ отправленіемъ въ дальнѣйшій путь попъ Фалинковскій, уже нѣсколько оправившійся отъ недавнихъ побоевъ, вышелъ изъ удрученнаго настроенія, въ какомъ былъ раньше, и попросился на одинъ возъ съ сыномъ и сталъ увѣрять препровождавшихъ его, что онъ съумѣетъ и себя, и сына избавить отъ смерти. Но на него мало обращали вниманія. Думали о пути. Всѣ теперь размѣстились на два воза и довольно скоро были уже подъ Корсунемъ.

Въ самый Корсунь въѣхали обѣ подводы не въ одно время. Первой очутилась тамъ подвода съ Фалинковскими, причемъ

ѣхавшіе на ней крестьяне остановились передъ башней, передъ самымъ замкомъ, гдѣ былъ Желѣзнякъ—и Фалинковскіе тотчасъ попали въ руки козаковъ. Вторая подвода съ попомъ Старшевскимъ, ктиторомъ, войтомъ и другими, ѣхавшая по другой части Корсуня, отъ Городища, попала къ замку уже тогда, когда съ поповичемъ Фалинковскимъ произведена была расправа. Противъ него гайдамаки были сильно вооружены. По словамъ Старшевскаго, все дѣло было такъ. Какъ только привезли Василія Фалинковскаго въ Корсунь, и его увидѣли многіе изъ ватаги Желѣзняка, сразу раздались голоса: „А це той, що до насъ колысь то прыставъ и зъ намы грабувавъ, а потимъ втикъ одъ насъ до ляхивъ-конфедеративъ!“ Тогда его немедленно схватили, привязали къ столбу и стали колоть его пиками и стрѣлять въ него изъ ружей, нанесли ему много смертельныхъ ранъ и еще живого при баштѣ повѣсили на частоколъ, причемъ снова стрѣляли въ него даже и послѣ того, какъ онъ испустилъ духъ. Такъ покончили гайдамаки съ своимъ ренегатомъ, въ которомъ завадовцы, державшіеся благочестія, и ихъ „благочестивый“ попъ имѣли въ послѣднее время злого врага-уніата.

Но ни Старшевскій, ни его спутники не имѣли возможности узнать обо всемъ, что сталось съ Василіемъ Фалинковскимъ. Имъ надо было идти съ хлѣбомъ-солью на поклонъ къ Желѣзняку. Они пошли къ нему и на „ганку поляцовомъ“ наткнулись на валявшееся тѣло Василія Фалинковскаго. Минувъ его, они предстали предъ ватажкомъ. Старшевскій довольно подробно передаетъ объ этой аудіенціи.

— Зъ якого вы села? спросилъ ватажокъ.

— Зъ Завадовки, отвѣчали посланцы, кланяясь.

— А чого жъ вы не выходылы до мене на поклонъ по добрій воли?

— Мы не знали, що ваша вельможность прыбулы до насъ, а якъ вже прочулы про це—заразъ до васъ и зибралысь зъ хлибомъ-силью.

— А чы булы у васъ въ сели мои козаки?

— Булы, ваша вельможність.

— Ну, щожъ воны грабувалы васъ?

— Ни, не грабувалы.

„Такъ мы сказали, замѣчаетъ Старшевскій, потому что при иномъ отвѣтѣ онъ могъ бы въ насъ увидѣть противниковъ, и онъ сказалъ бы намъ то, что и другимъ говорилъ въ случаѣ жалобъ на его гайдамакъ: „вы булы мини супротивни—тымъ то васъ и грабувалы". Даннымъ же нами отвѣтомъ онъ, очевидно, остался доволенъ, потому что заявилъ въ концѣ концовъ:

— Я закажу своимъ козакамъ, щобъ не чынылы противно васъ ніякои крывды.

„Но, не смотря на это его обѣщаніе, замѣчаетъ Старшевскій, какіе то другіе гайдамаки, пока мы были еще въ Корсунѣ, набѣжали на Завадовскій дворъ и аренду и ограбили то и другое". Едва ли однако послѣднее обстоятельство шло въ разрѣзъ съ обѣщаніемъ Желѣзняка, ибо дворъ и аренда—не крестьянское добро, трогать которое въ Завадовкѣ запретилъ Желѣзнякъ.

Торжественнымъ обѣщаніемъ Желѣзняка охранять завадовцевъ отъ неправдъ кончилось представленіе ему посланцовъ.

По словамъ Старшевскаго сейчасъ же въ слѣдъ за ними предсталъ предъ Желѣзнякомъ никѣмъ будто бы неведомый, безъ всякихъ караульщиковъ попъ Николай Фалинковскій, причемъ онъ явился будто бы даже съ хлѣбомъ, неизвѣстно откуда добытымъ такъ скоро. По словамъ же Семена Фалинковскаго, затѣявшаго впослѣдствіи дѣло съ Старшевскимъ, отца его, Николая Фалинковскаго, будто бы привели къ Желѣзняку завадовцы и Старшевскій, и будто хлѣба уніатскій попъ не подносилъ Желѣзняку. Надо полагать, показаніе поповича вѣрнѣе, но къ сожалѣнію онъ не былъ очевидцемъ всего, что разсказывалъ; онъ только обо всемъ слышалъ то отъ матери, то отъ другихъ близкихъ ему людей, поэтому показанія его не всегда достаточно конкретны и иногда кажутся придуманными для вящшаго обвиненія Старшевскаго. Но какъ бы тамъ ни было, Николай Фалинковскій явился предъ Желѣзнякомъ. Одѣтъ былъ Фалинковскій, по словамъ сына, въ „подлую одежу"— въ жупанъ старый гранатовый, въ сѣрую свиту и былъ безъ шапки. Увидя его, Желѣзнякъ спросилъ:

— Хто ты?

— Я пипъ.

— Якій ты пипъ?

— Зъ села Завадовкы.

— Мабуть уніатъ.

— Уніатъ.

Услышавъ послѣдній отвѣтъ, Желѣзнякъ тотчасъ крикнулъ своимъ козакамъ:

— Возьмить цього уніата, posadcie go na chudobie [1]).

„Словъ этихъ я не разобралъ (ktorego ia slowa nie zmiorkowawszy [2]), говоритъ Старшевскій, но увидѣлъ, какъ Николая Фалипковскаго тотчасъ же схватили, кинули съ откоса въ яму, устроенную при дѣдинцѣ, и тамъ разстрѣляли"... Это было послѣднее, что видѣлъ Старшевскій въ Корсунѣ. И ему, и завадовцамъ надо было ѣхать домой, и они туда поѣхали на своихъ двухъ подводахъ. Этимъ кончаются и наши свѣдѣнія о пребываніи Желѣзняка въ одномъ изъ пунктовъ его маршрута—въ Корсунѣ.

Переходя къ документу, которымъ характеризуется для насъ пребываніе Желѣзняка въ другомъ пунктѣ его всеистребительнаго для поляковъ, жидовъ и уніатовъ шествія—въ Богуславѣ, мы случайно пріобрѣтаемъ указанія на то, какъ Желѣзнякъ и его козаки распоряжались награбленнымъ польскимъ и жидовскимъ добромъ и куда они его дѣвали.

Обо всемъ этомъ узнаемъ изъ показаній писаря скарбоваго богуславскаго—шляхетнаго Яна Дунина Барковскаго Градовскаго [3]). Этотъ Градовскій по отцу былъ полякъ, по матери русскій, вѣроисповѣданіе же его, благодаря дѣду со стороны матери, было православное. Онъ получилъ хорошее по тому времени образованіе, пройдя курсъ въ бѣлоцерковской школѣ, имѣвшей директора іезуита, а затѣмъ прослушавъ реторику въ іезуитскомъ коллегіумѣ въ Умани. Могъ онъ стать поэтому директоромъ (гувернёромъ) при дѣтяхъ пана Раецкаго, а потомъ и писаремъ скарбовымъ въ Богуславѣ. Своихъ убѣжденій относительно

[1]) Кодн. кн. стр. 105, на стр. 135 тоже: wezcie tego uniata na chudobe.

[2]) Ibidem, стр. 135.

[3]) Кодн. кн. стр. 175—182.

разрѣшавшихся тогда глубокою силою общественныхъ и религіозныхъ вопросовъ онъ не выявлялъ въ показаніяхъ военно-судной коммиссіи, судившей его по обвиненію въ присвоеніи и нехраненіи панскаго добра, хоть стороной какъ будто и далъ понять, что защищаетъ польскіе порядки, разрушителями которыхъ являли себя гайдамаки.

Попалъ Градовскій въ Богуславъ писаремъ скарбовымъ въ 1766 году, а въ началѣ 1768 года, „gdy się hajdamaczyzna wszczęta", между богуславскими поляками начался большой переполохъ. Тогда и вельможный коммиссаръ Ванградскій, и провіантскій писарь Вержбента, и губернаторъ Туровскій, и многіе другіе поляки рѣшились спасаться бѣгствомъ въ Бѣлостокъ, особенно послѣ того, какъ прослышали о Желѣзнякѣ и его дѣлахъ на крайнемъ югѣ Украины и о движеніи его на сѣверъ ея. Добро свое они успѣли упаковать, но отправить его, въ виду его громоздкости, въ такой далекій путь, какъ путь въ Бѣлостокъ, они не имѣли возможности. Пришлось все покинуть на руки Градовскому по регистру и просить богуславскую громаду помочь Градовскому въ охраненіи добра при проходѣ гайдамакъ.

Едва паны успѣли сдѣлать эти распоряженія и унести свои головы, какъ Желѣзнякъ нагрянулъ уже въ Богуславъ съ своей ватагой. Козаки его первымъ дѣломъ при грабежѣ стали спрашивать, гдѣ деньги. Не получивъ указаній на этотъ счетъ, стали они, по приказу Желѣзняка, повсюду въ кладовыхъ замка отбивать колодки и въ погребахъ буровами разрывать землю, въ предположеніи, что деньги или гдѣ-нибудь потайно заперты, или зарыты. Они и не ошиблись: небольшая сумма на содержаніе 400 головъ скота была панами оставлена; но этихъ денегъ гайдамаки не нашли. Тогда бросились они на всякое панское добро, распаковывая тюки. Бросились, конечно, прежде всего на всякія цѣнныя серебряныя и золотыя вещи, на „цукернички" и пр. Но не брезгали и всякою живностью, даже скотомъ. Все это только отчасти потреблялось ими непосредственно, о запасахъ же подобныхъ предметовъ они не думали. Если же тѣмъ не менѣе все это брали, то потому только, что предусмотрѣно у нихъ было—какъ немедленно переводить все похищенное и

непригодное для походной жизни въ наличныя деньги. У Градовскаго на этотъ именно счетъ есть цѣнное указаніе,—что при гайдамакахъ былъ купецъ. Градовскій называетъ его даже по прозвищу и говоритъ, откуда онъ былъ: это нѣкто Таранъ изъ г. Острога. Не знаетъ только Градовскій, былъ ли этотъ Таронъ самъ гайдамакомъ или только случайнымъ спутникомъ Желѣзняка. Таранъ, по свидѣтельству Градовскаго, все награбленное осматривалъ, начиная съ воловъ и кончая мелочами, оцѣнивалъ и затѣмъ, сойдясь въ цѣнѣ съ гайдамаками, платилъ имъ деньги. Такъ, въ Богуславѣ были проданы Тарану захваченные гайдамаками волы и всякія панскія вещи. Продали они также еще и часть водки, бывшей въ подвалахъ, но не Тарану, а людямъ изъ г. Черкассъ. Съ собой же никакихъ напитковъ не забрали, выпивъ на мѣстѣ двѣ бочки съ половиной.

Вся эта процедура грабежа, пьянства и торга тянулась въ Богуславѣ два дня. Только на третій день Желѣзнякъ двинулся черезъ Шайки (с. канев. у. при рч. Репяхѣ къ ЮЗ отъ Богуслава), Каменный Бродъ, Медвинъ (м. канев. у. при рч. Коробкѣ на ЗЮЗ отъ у. гор.) и Лисянку къ Умани; но уходя, онъ оставилъ среди богуславскихъ крестьянъ доброе расположеніе къ себѣ и желаніе поддерживать его дѣло. По словамъ Градовскаго, народъ въ Богуславѣ сталъ волноваться и сталъ опасенъ для поляковъ; даже Градовскій, несмотря на свое православіе, предпочелъ на время уйти за Переяславъ въ с. Чумаки, тѣмъ больше, что въ Богуславѣ, послѣ удаленія оттуда Желѣзняка, стеречь ему было уже нечего. Сочувствіе Желѣзняку многіе изъ богуславцевъ выразили не только на словахъ, но и дѣломъ; за нимъ ушло изъ села нѣсколько человѣкъ козаковъ: ушелъ эсаулъ, кушниръ Гладкій, Борисъ Речникъ, Степанъ Червонященко. Всѣ они вѣрно служили дѣлу защиты родины—и первые два сложили свои головы въ Коднѣ, третій въ Бѣлой Церкви, а послѣднему довелось послѣ гайдамацкихъ дѣлъ бѣжать въ Ново-Сербію, въ крѣпость Елисаветъ.

Далѣе имѣемъ мы новыя данныя еще о разгромѣ Желѣзнякомъ Каменнаго Брода и Боярки (м. звенигор. у. при впа-

деніи рч. Боярки въ Гнилой Тикичъ на СЗ отъ у. города) [1]). Оба эти села, благодаря тому, что паны, жившіе въ нихъ случайно оказали Желѣзняку нѣкоторое сопротивленіе, подверглись самому крайнему разоренію въ тѣхъ своихъ частяхъ, гдѣ были панскіе дворы. При этомъ крестьяне мѣстные еще сильнѣе богуславскихъ держали руку Желѣзняка и, чего не присвоили себѣ изъ панского добра гайдамаки изъ ватаги, тѣмъ овладѣли крестьяне.

И изъ Каменнаго Брода, какъ изъ Богуслава, мѣстный панъ, Пясецкій, ротмистръ подворной милиціи бѣлоцерковской товарищъ передовой стражи, при „wszczęteу haidamaczyzny", „solwując życia swego", бѣжалъ въ Бѣлую Церковь. Пожитковъ же своихъ и онъ, какъ богуславскіе паны, не могъ взять съ собою, тѣмъ больше, что часть его добра заключалась въ немалыхъ складахъ хлѣба, и ему поэтому пришлось сдать все на руки крестьянину Грицьку Ямковому, изъ подъ Ковеля родомъ, шесть лѣтъ служившему у него. Вскорѣ, дѣйствительно, явился въ Каменный Бродъ ожидаемый Желѣзнякъ, и ватага его z kretezem разграбила тамъ все панское. Совершивъ это, Желѣзнякъ ушелъ въ Лисянку. Пясецкій же, узнавъ о томъ, рѣшилъ, что ему безопасно вернуться въ Каменный Бродъ—и онъ вернулся. Съ нимъ пріѣхалъ и губернаторъ каменно-бродскій, панъ Піотровскій, а кромѣ того намѣстникъ въ с. Бояркѣ Дроздовичъ; послѣдній впрочемъ вскорѣ уѣхалъ установлять порядокъ въ Бояркѣ. Между тѣмъ Желѣзнякъ, очевидно, получилъ точныя свѣдѣнія объ этомъ возвращеніи пановъ и, идучи уже послѣ разгрома Лисянки въ Умань, снова завернулъ въ Каменный Бродъ и сосѣднюю съ нимъ Боярку. Испуганный этою неожиданностью губернаторъ каменно-бродскій заперся въ дворской усадьбѣ, и Желѣзняку пришлось его аттаковать. Аттакой, конечно, пана добыли и затѣмъ убили его, по словамъ Процька Ямковаго, съ великимъ тиранствомъ; Пясецкому же удалось бѣжать вмѣстѣ съ хорунжимъ Гродецкимъ. Управившись съ Піотровскимъ, пошли гайдамаки изъ Каменнаго Брода въ Бо-

[1]) Кодн. кн. стр. 95.

ярку. Дроздовичъ тамъ заперся и, благодаря крѣпкой оградѣ и крѣпкой брамѣ, былъ въ состояніи выдержать аттаку Желѣзняка цѣлый день, но въ концѣ концевъ Желѣзнякъ поджегъ браму, и панъ Дроздовичъ тоже попалъ въ руки гайдамакамъ; убили его, по словамъ Процька „z okrucieństwem“. Уходя, Желѣзнякъ и отсюда увелъ съ собой нѣсколькихъ бѣлоцерковскихъ козаковъ, какъ и изъ Богуслава, но шесть изъ нихъ были отпущены имъ скоро обратно (sic). Между же крестьянами каменно-бродскими и боярскими, благодаря приданной имъ смѣлости ватагой Желѣзняка, оказалось очень много завладѣвшихъ по частямъ добромъ Пясецкаго и другихъ поляковъ. Самъ Процько Ямковый, которому Пясецкій отдалъ подъ охрану свое имущество, заявилъ на судѣ, которому онъ подпалъ, спустя чуть не четыре года послѣ всего описаннаго, что онъ видѣлъ разныя вещи своего пана и пана Гродецкаго у нѣкоторыхъ каменно-бродскихъ крестьянъ. Такъ, у Семена Коринюка, живущаго въ Каменномъ Бродѣ, онъ, Процько, видѣлъ серьги (zauszнice), добытыя изъ сундука Гродецкаго; у Ѳедька, сына Демки, ткацкаго цехмистра, видѣлъ все онъ же, Процько, бекешку зеленую, подшитую бѣлымъ мѣхомъ. Кромѣ того, отецъ названнаго Ѳедька цехмистръ ткачъ съ сынами забиралъ, по словамъ Процька, хлѣбъ пана Пясецкаго и возилъ этотъ хлѣбъ продавать въ Кіевъ. Такое же грабительство совершилъ и Пилипъ Войтъ, а многіе другіе крестьяне просто брали по мѣшку хлѣба изъ панскихъ амбаровъ по мѣрѣ надобности. Все это однако прекратилось, какъ только поляки обрѣли рѣшимость разослать повсюду мелкія подъѣздовые команды или просто подъязды, на обязанности которыхъ было хватать всѣхъ виновныхъ въ грабежѣ панскаго добра. Тогда, какъ заявилъ Процько Ямковый на судѣ, многіе каменно-бродцы начали убѣгать изъ села за-границу, и онъ, Процько, ушелъ но не за-границу, а подъ Бердичевъ въ Медвѣдовку, гдѣ и служилъ четыре года спокойно, не зная за собой никакой вины въ расхищеніи добра пана Пясецкаго. Однако онъ былъ въ 1771 г. арестованъ именно по такому обвиненію и притомъ арестованъ самимъ паномъ Пясецкимъ и хорунжимъ Гродецкимъ, встрѣтившими его случайно въ Бердичевѣ на ярмаркѣ. Что разгромъ панскаго

добра, произведенный Желѣзнякомъ и въ Каменномъ-Бродѣ, и въ Бояркѣ, былъ страшенъ—имѣемъ мы и другое свидѣтельство, кромѣ свидѣтельства Процька Ямковаго. Крестьянинъ Мусій Лебедниченко, обвиненный въ принадлежности къ ватагѣ ватажка Сарожина, доказывалъ на судѣ въ Коднѣ, что онъ не грабилъ и не убивалъ, потому что шелъ съ Сарожинымъ черезъ Боярку и другія мѣста, по которымъ проходилъ раньше Желѣзнякъ; въ такихъ же мѣстахъ, по словамъ Лебедниченко, ни грабить не приходилось, потому что все было тамъ разграблено и всѣ поляки, паны-уніаты и жиды перебиты.

Кромѣ вышеприведенныхъ болѣе или менѣе подробныхъ указаній относительно пребыванія Желѣзняка въ Корсунѣ, Богуславѣ, Каменномъ Бродѣ, Бояркѣ, мы имѣемъ еще рядъ мелкихъ указаній относительно интересующаго насъ гайдамацкаго ватажка. Заслуживаютъ вниманія между прочимъ свѣдѣнія о томъ, что не всегда крестьяне тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя проходилъ Желѣзнякъ, поголовно сочувствовали возстанію. Многихъ, по преимуществу стремившихся хоть къ относительному покою и къ сохраненію своего добра, иногда должно было возстановлять противъ Желѣзняка и другихъ вожаковъ возстанія требованіе ими подчасъ жертвъ имущественныхъ. Такъ, нерѣдко случалось, что проходящая ватага нуждается въ лошадяхъ—и въ такихъ случаяхъ она всегда брала ихъ въ селахъ, у кого попало—у пановъ, такъ у пановъ, у крестьянъ, такъ у крестьянъ. Отнятіе же нужнаго скота тяжелымъ бременемъ ложилось на крестьянское хозяйство, и не диво поэтому, что многіе тяготились необходимостью нести подобныя утраты. Такъ, крестьянинъ с. Орловца, Коваленко коваль[1]), когда ватага Желѣзняка захватила у него пару коней, самъ рѣшился идти за ватагой и гдѣ нибудь на привалѣ выпросить коней обратно. Желѣзнякъ былъ тогда на пути изъ Смѣлой въ Черкассы и Богуславъ. И вотъ Коваленко коваль идетъ съ ватагой, не становясь членомъ ея, сперва до Черкассъ, а потомъ и въ Богуславъ. Вездѣ онъ назойливо упрашиваетъ гайдамакъ отдать ему его собственность

[1]) Кодн. кн., стр. 80.

и, очевидно, такъ успѣлъ надоѣсть имъ, что они его сильно избили. Только послѣ этого онъ рѣшился безъ коней вернуться домой, причемъ самъ онъ уже не могъ дойти и долженъ былъ нанять человѣка, который довезъ бы его въ Орловецъ (с. черк. у. при рч. Мѣдяная къ ВЮВ отъ м. Городищъ). Въ Орловцѣ онъ промаялся двѣ недѣли и отъ гайдамацкихъ побоевъ умеръ. Былъ, правда, доносъ на этого коваля Коваленка со стороны односельчанина Бѣлоусенка — будто онъ, Коваленко, не коней своихъ ходилъ выручать, а самъ присталъ къ гайдамакамъ, чтобы грабить съ ними, и будто избитъ онъ былъ не гайдамаками, а тѣми, кого онъ грабилъ. Но этотъ доносъ, какъ оказалось, былъ сдѣланъ Бѣлоусенкомъ для отвода глазъ польскихъ командъ отъ его собственнаго дѣла, такъ какъ у него сынъ ушелъ съ гайдамаками и былъ гдѣ-то убитъ. По тогдашнимъ порядкамъ Бѣлоусенко самъ могъ быть схваченъ вмѣсто сына, и вотъ онъ наговорилъ на умершаго уже Коваленка коваля да еще прибавилъ, будто вернулся коваль въ Орловецъ съ добычею и добычу отдалъ сыну Грыцьку. Разсчетъ былъ вѣренъ. О Бѣлоусенкѣ самомъ забыли, и онъ успѣлъ бѣжать заграницу, а Грыцька Коваленка коваля взяли и отправили въ Корсунь за отцовскій проступокъ. Изъ Корсуня же доставили его въ Кодню, но тамъ его оправдали; послѣ долгаго заключенія онъ былъ выпущенъ. Показанія Грыцька Коваленка на судѣ послужили намъ источникомъ настоящихъ свѣдѣній.

Совершенно аналогичный коваленковскому случаю имѣемъ еще случай съ Иваномъ Воробченкомъ, крестьяниномъ села Камянки (м. чигир. у. при р. Тясьминѣ къ З. отъ у. города) [1]. У него также увели коней гайдамаки Желѣзняка, когда проходили чрезъ Камянку. Воробченко также пошелъ за ватагой въ надеждѣ вернуть свое добро. Когда же и онъ, какъ Коваленко коваль, ничего не добился, то рѣшилъ вернуться домой, и только голодъ, заставилъ его сперва зайти въ Онуфріевскій монастырь (близъ Жаботина). Но видно, и тутъ харчъ былъ плохой, такъ что онъ поэтому вмѣстѣ съ какимъ-то бродячимъ дьякономъ

[1]) Кодн. кн. стр. 536.

отогналъ чьего-то вола, зарѣзалъ его и съѣлъ. Очевидно, послѣднее обстоятельство подало поводъ кодненскому суду думать, что Воробченко и самъ обратился въ гайдамака; его поэтому приговорили къ обезглавленію.

Платиться за Желѣзняка приходилось крестьянамъ и по другимъ поводамъ. Такъ, самое пьянство гайдамакъ часто ложилось и на громады, и на людей отдѣльныхъ тяжелымъ бременемъ. Для иллюстраціи приведемъ случай съ крестьяниномъ Прокопомъ Галабурдой, жителемъ села Яблоновки (с. черк. у. при р. Тясьминѣ къ ЮЮВ. отъ м. Смѣлой) [1]). Когда въ Яблоновку пришелъ Желѣзнякъ, тотчасъ велѣлъ онъ тамъ дать горилки своимъ козакамъ, и у нихъ пошла попойка, въ которой принимали участіе и нѣкоторые яблоновцы. „До тіеи горилки и я вскочилъ и пивъ зъ нымы и впився“, показывалъ потомъ Галабурда на судѣ. Когда же затѣмъ изъ Яблоновки Желѣзнякъ двинулся въ с. Смилянку, въ полумилѣ отъ Яблоновки, то пьяный Галабурда также пошелъ туда на „кращу горилку“. Въ Смилянкѣ пьянство опять повторилось, и Галабурда, какъ сказано въ документѣ, тамъ „upił się do należytosci“. Между тѣмъ въ это время былъ тамъ убитъ жидъ-шинкарь, и въ убійствѣ этомъ заподозрѣнъ былъ Галабурда. Съ трудомъ онъ оправдался отъ этого обвиненія передъ судомъ, настаивая на томъ, что жидъ былъ въ Смилянкѣ убитъ еще до прихода туда ватаги Желѣзняка, съ которой явился въ село и онъ, Галабурда. Особенно трудно было ему увѣрить судъ, что впослѣдствіи заграницу онъ ушелъ не изъ желанія избѣжать суда, а по необходимости быть вблизи своего кредитора, Вороны, которому онъ оставался долженъ семь рублей за воловъ и который ушелъ на „Украину“; самъ Ворона будто бы потребовалъ отъ него этого переселенія. Столь же затрудненными матеріальныя обстоятельства Галабурды были именно послѣ описаннаго пьянства съ гайдамаками Желѣзняка въ Яблоновкѣ и Смилянкѣ. Дѣло въ томъ, что по возвращеніи его изъ Смилянки въ Яблоновку съ него за выпитую гайдамаками водку взыскала экономическая

[1]) Кодн. кн. стр 6 и 47.

администрація десять рублей, какъ взыскала она по столько же и съ другихъ яблоновцевъ, принимавшихъ участіе въ попойкѣ. Десять же рублей взяли съ него, опять какъ и съ другихъ, и за смилянскую водку. Послѣ же уплаты 20 рублей, само собой, онъ оказался разореннымъ въ конецъ, такъ что прежній кредиторъ его, Воронъ, могъ его принудить даже уйти за границу. Галабурда однако не прервалъ связи съ Яблоновкой и разъ явился туда на проводы, но тутъ то его и захватили по высказанному выше подозрѣнію. Такимъ образомъ, пьянство съ гайдамаками и въ буквальномъ, и въ переносномъ смыслѣ обошлось ему не дешево.

Но рядъ такого рода убытковъ крестьянъ не перевѣшивалъ тѣхъ симпатій, какія возбуждены были въ нихъ къ Желѣзняку освободительными цѣлями его. И въ тѣхъ дѣлахъ даже, которыя мы только что привели, нѣтъ, собственно говоря, сѣтованій на Желѣзняка со стороны потерпѣвшихъ черезъ него: въ нихъ есть только указаніе на непорядки въ желѣзняковской ватагѣ. Вообще же преобладало въ народѣ высоко-почтительное отношеніе къ Желѣзняку, своего рода идеализированіе его, ясно сказавшееся въ народныхъ пѣсняхъ.

Я. Шульгинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сынъ Гетмана.

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эпоха козачества, эпоха борьбы съ панскимъ насиліемъ, борьбы за вѣру, свободу и отчизну, богата сильными недюжинными характерами, личностями, привлекающими наше вниманіе своею отвагою, умомъ, доблестями.

Между этими личностями едва ли не первое мѣсто принадлежитъ Богдану Хмельницкому, съумѣвшему въ нѣсколько лѣтъ стать грозою пановъ, привлечь къ себѣ народныя массы, завязать сношенія съ иностранными державами.

Рядомъ съ грознымъ гетманомъ рисуется намъ симпатичный образъ сына его Тимоша.

Честный, прямодушный, отважный, рѣшительный, съ твердою волею и непоколебимымъ мужествомъ, Тимошъ представляетъ истинный типъ козака въ самомъ лучшемъ смыслѣ. Его романическая любовь къ молдавской княжнѣ, его трагическая кончина, отношенія его къ отцу и къ тестю, все способно возбуждать интересъ къ этому безвременно угасшему герою, которому исторія посвятила только нѣсколько строчекъ.

Рядомъ съ этою страничкою изъ козацкой жизни встаетъ передъ нами и тѣсно связанная съ нею страница изъ исторіи Молдавіи съ ея господаремъ—волкомъ, съ ея кознями, интригами, своеобразными обычаями и привычками. Вся почти исторія Тимоша проходитъ на фонѣ этой пестрой жизни въ высшей

степени оригинальнаго народа, потомковъ славныхъ римлянъ, смѣшанныхъ со славянами.

Насколько это было возможно на страницахъ романа, мы старались знакомить читателя съ типическими особенностями эпохи, обстановки, личностей.

Пособіями намъ служили слѣдующіе источники:

Н. Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. 3 т. Изд. третье. 1870.

Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи. 3 части. 1830.

С. Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. 10 и 11. Изд. 1861 г.

Бопланъ. Описаніе Украйны. Переводъ съ франц. 1832.

В. Рубанъ. Краткія географическія, политическія и историческія извѣстія о Малой Россіи. 1773.

А. Ригельманъ. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи1847

J. C. von Engel. Geschichte des Ungarischen Reichs und seiner Nebenländer. Vierten Theils 1 Abth. 1804.

E. von Hurmuzaki. Fragmente zur Geschichte der Rumänen 3-ter Band. 1884.

I. A. Vaillant. La Romanie ou histoire, langue, littérature, orographie, statistique des peuples de la langue d'or, Ardialiens, Vallaques, et Moldaves, résumés sous le nom de Romans. 3 tomes. 1844.

M. Elias Regnault. Histoire politique et sociale des principautés danubiennes 1885. La Valachle, la Moldavie et de l'influence politique des grecs du Fanar. 1822.

I. F. Neigebaur. Die Donau-Fürstenthümer. 3 Hefte 1854—56.

С. Н. Палаузовъ. Румынскія господарства Валахія и Молдавія въ историко-политическомъ отношеніи. 1859.

Димитрія Кантемира, бывшаго князя въ Молдавіи, Историческое, географическое и политическое описаніе Молдавіи. Съ нѣмецкаго перевелъ Басилій Левшинъ. Москва. 1789.

Инатій Яковенко. Молдавія и Валахія съ 1820—1829 годъ. Санктпетербургъ. 1834.

Mite Kremnitz. Neue Rumänischen Skizzen. Leipzig. 1881.

*В. А.**** Ancien agent diplomatique dans le Levant. La principauté de Valachie sous le hospodar Bibesko. Bruxelles. 1847.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОРЛЕНОКЪ.

ГЛАВА I.

ВЪ ДОРОГѢ.

День клонился къ вечеру; но горячее іюльское солнце, казалось, не хотѣло уходить за горизонтъ и яркими потоками свѣта заливало днѣпровскіе берега съ ихъ причудливыми извилинами. Цѣлый день все томилось и изнывало отъ нестерпимаго зноя. Птицы, звѣри, насѣкомыя попрятались кто куда могъ; даже выносливыя чайки перестали кружиться надъ рѣкой, да и къ чему? въ такой жаръ рыба не играетъ и старается уйти въ глубь. Только степные кузнечики лѣниво стрекотали въ пересохшей травѣ, медленно перебираясь по желтымъ соломинамъ и тщетно отыскивая свѣжихъ былинокъ: безпощадное южное лѣто все пожгло, даже земля растрескалась; только по берегу Днѣпра тянулась узкая полоса тощихъ лужаекъ, перемежавшихся съ кустарниками лозняка и камышевыми зарослями. Порой поднималась какая нибудь птица и, лѣниво помахавъ крыльями, быстро падала въ камышъ. А солнце все стояло на небѣ, все жгло. Въ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго вѣтерка, на ясномъ небѣ не видно было ни одной благодатной тучки.

По узкой береговой тропинкѣ медленно двигался гуськомъ небольшой отрядъ козаковъ, человѣкъ въ пятнадцать. Судя по короткимъ жупанамъ, круглымъ шапкамъ и однообразному вооруженію, это были реестровые со своимъ старшимъ, ѣхавшимъ впереди на статномъ конѣ въ щеголеватомъ жупанѣ, охваченномъ широкимъ дорогимъ поясомъ и украшенномъ золотымъ жгутомъ и кистью на одномъ плечѣ. Синій цвѣтъ жупана, красные отвороты и красная же шапка съ золотыми отворотами изобличали чинъ реестроваго сотника; а богатый мечъ, осыпанный дорогими каменьями, и прекрасное тонкой французской работы

ружье могли возбудить зависть въ любомъ знатокѣ оружія. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ на здоровомъ татарскомъ скакунѣ мальчикъ лѣтъ восьми, какъ двѣ капли воды на него похожій. Большіе черные глаза мальчика съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ устремлялись вдаль, и рука невольно подбирала повода; это, однакожъ, мало помогало дѣлу: кони такъ утомились, что едва передвигали ноги и, понуривъ взмыленныя шеи, тяжело дышали.

— Тату, да скоро ли будетъ эта крѣпость, какъ ее тамъ? прервалъ онъ, наконецъ, молчаніе, обращаясь къ сотнику.

— Потерпи, козакъ, атаманъ будешь! съ усмѣшкой отвѣчалъ отецъ. Вотъ сейчасъ будетъ островъ Козацкій, а тамъ ужъ на пушечный выстрѣлъ отъ него и Кодакъ.

— А сейчасъ мы проѣхали островъ, какъ онъ зовется?

— То былъ Князевъ островъ. Какъ бы широко Днѣпръ ни разливался, никогда онъ его не затопитъ.

— А что, батько, спросилъ козакъ, ѣхавшій слѣдомъ за сотникомъ, откуда эти поганые французы лѣсу натаскали для своей крѣпости? Тутъ вездѣ голая степь кругомъ.

— Панъ коронный гетманъ говорилъ мнѣ, что лѣсъ для Кодака они сплавили съ береговъ Самары.

— А много тамъ, тату, лѣсу? съ любопытствомъ спросилъ мальчикъ.

— Много, сынку, ой много! Самара, что твой рай: и рыбы, и меду, и дичи всякой, и черешень, и звѣрья всякаго въ лѣсахъ...

— Зачѣмъ же, тату, мы тамъ не живемъ? Ближе бы къ Сѣчи, къ козакамъ удальцамъ.

Отецъ усмѣхнулся, засмѣялись и козаки.

— Ишь, какой прыткій! Что хорошо, то и наше. Атаманъ будешь, лихой козакъ! весело проговорилъ коренастый старикъ съ нависшими сѣдыми бровями и быстрымъ взглядомъ.

— А хочется тебѣ въ Сѣчь? спросилъ козакъ съ едва пробивавшимися черными усиками.

— Хочется, панъ Смольчугъ, отвѣчалъ мальчикъ и все лице его просіяло при этомъ.

— Слышь, батько Богданъ! обратился старикъ къ сотнику, твой орленокъ въ орлиное гнѣздо просится.

— Поспѣетъ еще, нехотя отвѣчалъ тотъ. Вотъ пусть сперва на Днѣпръ, да на пороги насмотрится.

— Да, братику, шутливо сказалъ старикъ, обращаясь къ мальчику, тотъ не козакъ, кто вверхъ по порогамъ не проѣдется, а ты вотъ и внизъ по нимъ не спускался, ни въ одинъ курень тебя не примутъ; да и съ татарами еще силой не мѣрился, какой ты козакъ!

— Что-жъ, диду? я ни пороговъ, ни татаръ не боюсь,— серьезно воскликнулъ мальчикъ. Лишь бы татко позволилъ, а я готовъ хоть сейчасъ въ Сѣчь.

— Слышь, Богданъ, весело окликнулъ сотника старикъ, позволяешь, что ли?

Богданъ сурово обернулся.

— Вѣкъ ты прожилъ, Ганжа, а ума не набрался! Что мутишь ребенка? Ты съ нимъ шутишь, а онъ и вправду себѣ въ голову вобьетъ. А ты знаешь, какая у него голова: если разъ что въ нее засядетъ, того коломъ не выбьешь.

Путники замолчали, а мальчикъ угрюмо опустилъ голову и потупился.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Берега становились все пустыннѣе, даже кустарникъ исчезъ. Наконецъ вдали показалось неясное очертаніе скалъ, торчавшихъ изъ темныхъ водъ Днѣпра.

— Вотъ тебѣ и Козацкій островъ, хлопецъ, весело проговорилъ Ганжа, подъѣхавъ къ мальчику и ударивъ его по плечу. Чего зажурился? Брось ты эту Сѣчь! А мы на нехристей поглядимъ, какія такія есть птицы.

Мальчикъ поднялъ голову и, обращаясь къ отцу, спросилъ:

— Тату, можно впередъ скакать?

— Можно, сынку: тутъ мѣсто ровное, да и трава полегла, негдѣ татарину укрыться.

— Гей, ге! прикрикнулъ мальчикъ, пришпоривъ лошадь и ловко вставъ въ стремена.

Скакунъ взвился, захрапѣлъ и ринулся впередъ. Мальчикъ то осаживалъ его и заставлялъ крутиться на мѣстѣ, то опять несся впередъ, едва касаясь земли, то подбрасывалъ на лету шапку и ловко ловилъ ее, то вдругъ на всемъ скаку останавливался и замиралъ вмѣстѣ съ конемъ.

— Славный онъ у тебя наѣздникъ, Богданко! сказалъ Ганжа, съ удовольствіемъ слѣдившій за всѣми движеніями мальчика. Знатный изъ него козакъ выйдетъ.

Богданъ молча кивнулъ головой въ знакъ согласія и поѣхалъ рысью.

— Поторопимтесь, хлопцы! обратился онъ къ козакамъ, теперь ужъ не далеко.

Они скоро догнали мальчика, оставивъ за собою Козацкій островъ, голые безлѣсные скалы; проѣхали и рядъ камней, показавшихся въ руслѣ рѣки. Вдали на нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки вырисовались угрюмые бастіоны только что выстроенной крѣпости.

Всѣ козаки съ любопытствомъ устремили взоры на эту новинку. Брови сдвинулись, лица нахмурились, а старый Ганжа невольно схватился за эфесъ сабли.

— О, чтобъ ихъ, бисовы диты! проворчалъ онъ. Какую махину взгромоздили. Повымерли старые атаманы, не видать Сѣчи больше ни Тараса, ни Наливайка; всякій нехристь теперь въ глаза козаку насмѣется. Видано ли было въ прежнія времена, чтобъ у запорожцевъ подъ носомъ такія дѣла дѣлались? И что это за Сѣчь, что допустила французишкѣ надъ нею наругаться?

— Полно, полно, старина! сказалъ ласково Богданъ. Ещё и на нашъ вѣкъ атамановъ хватитъ. Пока у казаковъ сабли въ рукахъ, не страшны имъ крѣпости.

— Охъ, сабли-то козацкія что-то притупились! съ горечью возразилъ Ганжа. Въ панскомъ услуженіи позазубрились; по угламъ, да по закоулкамъ заржавѣли. То ли дѣло прежде? Вотъ мы теперь и видимъ лихое дѣло, да руки у насъ коротки. А прежде свиснулъ, гикнулъ козакъ, и сотни козаковъ, какъ изъ земли выростутъ, нагрянутъ дружно, все уничтожатъ: село ли, городъ ли, крѣпость ли,—ничто передъ ихъ мощью не устояло бы...

Горячая рѣчь старика отразилась на всѣхъ лицахъ, глаза заблестѣли, усы дрогнули, руки сами собою схватили сабли. Самъ старый дѣдъ точно выросъ, въ его головѣ быстро промелькнули прежніе походы, прежнія удачи. Онъ ожилъ, лице озарилось отвагою, согнутый старческій станъ выпрямился. Даже самъ спокойный панъ сотникъ заерзалъ на сѣдлѣ и задергалъ поводами.

— Колдунъ ты, Ганжа! усмѣхнулся онъ. И что тебѣ за охота старое вспоминать? Что было, то прошло; теперь мы служимъ королю, и милостивый король не забудетъ насъ, вѣрныхъ слугъ своихъ.

— Видала пташка кукушкины слезки, махнувъ рукой, проговорилъ Ганжа. Поди ты мнѣ съ твоимъ королемъ. Шкода одна!

Онъ недовольно замолчалъ.

Мальчикъ все время съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за словами дѣда. Его быстрые глазенки то и дѣло перебѣгали съ умнаго загадочнаго лица отца на лице стараго закаленнаго козака, онъ ловилъ рѣчь ихъ, стараясь уяснить внутренній ея смыслъ. „И татко, какъ будто, правъ, и дидъ... Кто же изъ нихъ правѣе?“ думалось ему. „Король милостивъ, спору нѣтъ, вонъ какую саблю татку подарилъ; а дидъ развѣ можетъ быть неправъ?“ Дида Ганжу онъ любитъ всей своей дѣтской душой, онъ вѣритъ его разсказамъ о старыхъ дѣлахъ козацкихъ и вмѣстѣ съ нимъ переживаетъ эти чудныя прошедшія времена, когда богатырей атамановъ считали десятками, когда никто не стѣснялъ козацкихъ вольностей, и гуляли козаки удальцы по широкимъ степямъ, мѣрились силою съ нехристями-татарами, да съ вѣтрами буйными, да съ бурями-непогодами. Мальчикъ такъ задумался, что не замѣтилъ, какъ подъѣхали къ самой крѣпости.

Массивная бревенчатая постройка была окружена валомъ и рвомъ; на четырехъ углахъ возвышались бастіоны, изъ темныхъ амбразуръ которыхъ мрачно смотрѣли жерла пушекъ; на валу стояли орудія меньшаго калибра, а при нихъ ходили часовые во французскихъ мундирахъ. Вокругъ крѣпости пріютился цѣлый городокъ наскоро сбитыхъ лавченокъ, клѣтушекъ и ларей со всякимъ товаромъ. Множество народу, преимущественно рабо-

чихъ всевозможныхъ національностей: великоруссы, армяне, турки, волохи, литвины и ляхи толпились около нихъ. Отсутствовали только козаки, за исключеніемъ немногихъ, находившихся въ услуженіи у пана Конецпольскаго.

Приблизившійся небольшой козацкій отрядъ произвелъ волненіе между жидами корчмарями; всѣ они наперерывъ старались зазвать къ себѣ пановъ-козаковъ.

— Ваша мосць, ваша мосць! выкрикивалъ одинъ, суясь подъ ноги Богданова коня, ко мнѣ пожалуйте, у меня пуховикъ есть, и подушки найдутся. Самъ его свѣтлость коронный гетманъ всегда у меня останавливается.

— Не слушайте его, панъ сотникъ, не слушайте! Какіе у него пуховики, какія подушки, вы на нихъ спать не будете, я вамъ сѣнца свѣженькаго подстелю.

— Ко мнѣ, ко мнѣ, храбрые паны козаки! кричалъ третій, хватая коней подъ уздцы и поворачивая къ своей лавчонкѣ, я три года въ Сѣчи выжилъ, знаю, какъ угодить вашей милости.

— Да отстанете ли, лихо васъ возьми! Мы ѣдемъ прямо въ крѣпость и не думаемъ у васъ останавливаться.

— Не попадете, ваша милость! Клянусь Богомъ Авраама, Исаака, Іакова не попадете! тараторилъ жидъ, не выпуская уздечекъ. Видите, мосты подняты. Послѣ солнечнаго заката никого не велѣно пускать, будь онъ самъ ясновельможный король!

— Я съ грамотой отъ пана коронаго гетмана; меня пропустятъ, гордо отвѣчалъ сотникъ.

— Не пропустятъ, ваша милость, вотъ увидите не пропустятъ.

— Да отстанешь ли ты! съ нетерпѣніемъ крикнулъ сотникъ и замахнулся нагайкой.

Жидъ быстро скользнулъ въ сторону, не преминувъ изъ-за угла прокричать вслѣдъ уѣзжавшимъ козакамъ:

— Не пропустятъ васъ, вельможные паны! А ужъ тогда милости прошу въ гости къ Янкелю.

— А вѣдь жидъ то, пожалуй, и правъ, сказалъ Ганжа Богдану. Какъ бы намъ не пришлось заночевать въ этомъ жидовскомъ курятникѣ.

— Пустяки! отвѣчалъ Богданъ, я имъ покажу грамоту; тамъ прямо написано, чтобы насъ пустили и снабдили всѣмъ необходимымъ.

— Да кому же ты покажешь—то? Еслибъ это были настоящіе часовые, а то видишь самъ, какія это куклы, точно изъ дерева выточены.

Богданъ молча подъѣхалъ къ самому рву.

— Гей! крикнулъ онъ, махая надъ головою большимъ листомъ съ печатью, прикрѣпленной на шнуркѣ. Гей, пропустите скорѣе! у меня спѣшная грамота отъ пана короннаго гетмана къ пану инженеру.

Французъ часовой оглянулся на окликъ, смѣрилъ глазами небольшую горсть людей, стоявшихъ внизу, съ минуту съ любопытствомъ остановился на мощной фигурѣ сотника и его маленькаго спутника, едва виднѣвшагося на своемъ крѣпкомъ приземистомъ скакунѣ и затѣмъ, молодцевато вскинувъ ружье на плечо, снова безстрастно зашагалъ по валу.

— Эхъ, батько! поворачивай-ка оглобли, злобно подшучивалъ Ганжа, не поможетъ тебѣ твоя грамота. Вотъ если бъ этому нехристю пулю послать въ лобъ, такъ онъ бы понялъ, въ чемъ дѣло.

Козаки постояли еще нѣсколько минутъ, покричали, помахали; но никто изъ часовыхъ не обращалъ на нихъ вниманія.

Полковникъ Маріонъ, стоявшій съ двумя стами человѣкъ гарнизона въ крѣпости, отдалъ строгій приказъ никого не пускать въ крѣпость послѣ вечерней зари. Онъ боялся какого-нибудь предательства со стороны самихъ рабочихъ и зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы никто изъ нихъ не оставался на ночь въ укрѣпленіи.

— Что дѣлать? видно придется поворачивать къ Янкелю,— сердито проворчалъ сотникъ и поскакалъ назадъ.

Смѣтливый жидъ уже ждалъ ихъ у перваго поворота, между тѣсно сплоченными лавченками; онъ боялся, чтобы его товарищи не перехватили у него его добычи, и отвѣшивалъ самые низкіе поклоны, забѣгая впередъ и указывая дорогу. Лавченка его оказалась на самомъ краю импровизированнаго городка.

— Да ты насъ совсѣмъ въ степь тащишь, ворчалъ Ганжа. Куда это всѣ другіе разбѣжались; вонъ тутъ есть ближе лавчонки.

— А я васъ, ваша милость, на откупъ взялъ, лукаво потряхивая бородкой, говорилъ жидъ; пока вы ѣздили въ крѣпость, я другимъ и заплатилъ. Богатые паны козаки здѣсь не часто встрѣчаются, за нихъ можно дать отступнаго.

— Теперь ты это отступное съ насъ же сдерешь?

— Бѣдному Янкелю тоже надо жить, отвѣчалъ жидъ, лукаво подмигивая.

ГЛАВА II.

ПОБѢГЪ.

Въ маленькой лавченкѣ пахло чеснокомъ, мятой и еще какими-то лѣчебными снадобьями; ко всему этому присоединялся еще какой-то специфическій запахъ прѣлаго тряпья, человѣческаго пота и грязныхъ дѣтскихъ пеленокъ. За перегородкой слышался дѣтскій пискъ и густой грудной женскій голосъ, сопровождавшій монотонною пѣснью качаніе деревянной люльки. Нѣсколько любопытныхъ черныхъ и рыжихъ головокъ высунулось изъ-за дверецъ перегородки; но Янкель сердито замахалъ на нихъ руками, и онѣ тотчасъ же скрылись,

— Хайка! крикнулъ онъ женѣ. Гости! Черезъ минуту явилась растрепанная хозяйка въ большомъ платкѣ, накинутомъ на полуголыя плечи, и, низко поклонившись гостямъ, засуетилась около походной печи. Она успѣвала при этомъ ловко сверкать своими большими черными глазами, вскидывая ими то на того, то на другаго козака.

— Вишь, какая вертлявая! подмигнулъ Ганжа, обращаясь къ Смольчугу.

Тотъ стыдливо потупился.

— Пріударь-ка! Гѣ, что ты на это скажешь? Не все же быть красной дѣвицей? Здѣсь, вѣдь, не Сѣчь—за это не повѣсятъ.

— Тимошъ, иди сюда! позвалъ сотникъ своего сына. Чѣмъ сидѣть въ душной лавченкѣ, пока готовятъ ужинъ, мы съ тобою побродимъ по берегу, посмотримъ на Кодакскій порогъ.

Примѣру сотника послѣдовали и другіе козаки; въ лачужкѣ остались только Ганжа, Смольчугъ и еще одинъ пожилой козакъ, носившій прозвище Ивана Злаго.

Ганжа подозвалъ Янкеля.

— Нутка ты, жидъ, червонцы любишь? И онъ повертѣлъ передъ его глазами золотую монету.

— Что угодно пану? съ заискивающимъ подобострастіемъ проговорилъ Янкель и замеръ въ выжидательной позѣ.

— Говори мнѣ про Сѣчь, про запорожцевъ, про Сулиму, ну, однимъ словомъ про все, что знаешь; да не ври, не то пришибу.

Янкель сдѣлалъ жалобное лице и испуганно затрясъ головою.

— Панъ козакъ хочетъ погубить бѣднаго еврея. Что мы здѣсь можемъ знать про славныхъ запорожскихъ козаковъ? Они сюда къ намъ не заглядываютъ и не заглянутъ, съ удовольствіемъ прибавилъ онъ, искоса посматривая на кулачище Ганжи.

— Ну, это не тебѣ толковать, куда они заглянутъ или не заглянутъ, сурово перебилъ его козакъ. А что ты знаешь про запорожцевъ, это ты самъ проговорился.

— Ни, ни! вельможный пане, когда я вамъ что говорилъ?— еще испуганнѣе прошепталъ Янкель.

— А ты же говорилъ, что три года прожилъ въ Сѣчи! И нѣтъ такого жида на свѣтѣ, который, побывавъ въ Сѣчи, о ней забылъ. Ты, навѣрно, знаешь все, что тамъ дѣлается.

Въ это время Хайка подошла къ мужу и дернула его за длинную полу кафтана.

— Бери! шепнула она ему по жидовски, указывая на золотую монету. Здѣсь не скоро опять такого счастья дождешься.

— А зачѣмъ пану козаку знать про Сѣчь? колеблясь, спросилъ Янкель. Вѣдь панъ козакъ реестровый?

— Ну, такъ что жъ что реестровый? рестровымъ-то и надо знать о степныхъ разбойникахъ. Я думаю, ты не мало натерпѣлся отъ нихъ, когда жилъ въ Сѣчи?

Янкель, видимо, успокоился; лице его приняло печальное выраженіе.

— Ахъ, панъ козакъ, не мало! Душегубцы они! Три раза я копилъ себѣ денежку подъ старость, и три раза грабили меня. За то жъ и я имъ насолилъ...

— Вотъ какъ! загадочно протянулъ Ганжа. Ты Янкель, я вижу, молодецъ! Чѣмъ же ты имъ насолилъ?

— Долго разсказывать, пане! Да вашей вельможности и не интересно слушать, съ лукавой улыбкою увильнулъ жидъ.

— Пожалуй что и такъ!—съ притворнымъ равнодушіемъ согласился Ганжа. Такъ разсказывай же скорѣе, что дѣлается въ Сѣчи.

— Если панъ дастъ два золотыхъ, можетъ быть у Янкеля и развяжется языкъ, вставила Хайка.

— Ну, чортъ съ вами! и два золотыхъ найдется, сказалъ Ганжа, вынимая другую золотую монету изъ кармана.

— Запорожцевъ теперь нѣтъ въ Сѣчи, таинственно началъ Янкель, приближаясь къ козакамъ. Кто хочетъ ихъ ловить, долженъ ихъ искать ближе. Сулима награбилъ у турокъ и золота, и оружія; а теперь онъ стоитъ за порогами, пробирается въ Сѣчь...

— За порогами, говоришь ты? съ живостью перебилъ Ганжа. Зачѣмъ его сюда занесло?

— Они прятали свои сокровища въ скарбницы, да прослышали, что татары ихъ поджидаютъ въ степи; вотъ они и бросились за ними въ погоню. Татары отъ нихъ было наутекъ, да дѣться теперь некуда то татарину: трава полегла, посохла, слѣдъ готчасъ видѣнъ; перебили они татаръ, а теперь, вѣрно, скоро опять уйдутъ въ Сѣчь.

— А гдѣ же теперь Сулима?

— Сейчасъ за порогами въ степи, да только панамъ козакамъ не справиться съ вольницею,—ихъ тамъ видимо, невидимо.

Хитрая улыбка скользнула по губамъ Ганжи.

— А мы ихъ сюда заманимъ,—сказалъ онъ весело. Есть у тебя провожатый, дорогу знаешь?

— Ой вей, панъ козакъ, страшное дѣло затѣваете! Хорошо я знаю этого Сулиму; хитеръ онъ и ловокъ, какъ лисица, а ужъ безстрашенъ, какъ самъ сатана.

— Ну ладно! мели тамъ еще! я этого Сулиму тоже знаю. Говори, можетъ ли кто къ нему провести, а ужъ справиться то я справлюсь, и не такихъ видалъ.

Янкель съ недовѣріемъ покачалъ головою.

— Какъ угодно будетъ пану козаку; есть тутъ перебѣжчикъ. Онъ только вчера прибѣжалъ изъ козацкаго табора, пробирается къ пану гетману... Я приведу его, если у пана козака есть золотые...

— Добре! отвѣчалъ Ганжа. А теперь давай намъ ѣсть; вонъ и панъ Богданъ съ остальными козаками идетъ.

У расторопнаго жида нашлась и горилка, и пиво, а Хайка сварила тетерю изъ рыбы и овсяной крупы не хуже любой козачки. Тимошъ сидѣлъ за ужиномъ между отцемъ и старымъ дидомъ. Послѣдній наклонился къ уху Богдана и прошепталъ:

— Надо мнѣ съ тобою, батько, два слова перемолвить.

Богданъ быстро взглянулъ на него и также тихо отвѣтилъ:

— Послѣ ужина.

— О чемъ бы имъ говорить—подумалъ мальчикъ; видно, что-нибудь очень важное, а то бы сказали при всѣхъ.

Когда отецъ и дидъ встали изъ-за стола и незамѣтно другъ за другомъ скрылись за дверью, Тимошъ тоже прокрался за ними.

Темная, непроглядная южная ночь спустилась густымъ покрываломъ и на Днѣпръ, и на берега его, и на неуклюжую массу крѣпости, едва-едва вырисовывавшуюся въ темнотѣ.

— Пройдемъ влѣво въ степь, проговорилъ Богданъ; тутъ еще, чего добраго, кто изъ жидовъ подслушаетъ.

Тимошъ далъ имъ отойти немного и затѣмъ, какъ кошка, тихонько сталъ красться за ними; онъ легъ въ сухую траву и неподвижно, затаивъ дыханіе, слушалъ разговоръ отца съ Ганжею.

— Сулима недалеко, говорилъ Ганжа; онъ здѣсь за порогами.

— Вотъ какъ! почти равнодушно удивился сотникъ. Что жъ изъ этого?

— А то, что стоитъ ему только дать знать, и онъ мигомъ разнесетъ этотъ французскій муравейникъ.

— А кто дастъ ему знать? недовѣрчиво возразилъ Богданъ.

— Я!—увѣренно и твердо отвѣчалъ старикъ.

— Ты, братику, вѣрно забылъ, что служишь королю,—насмѣшливо замѣтилъ сотникъ,—забылъ, что записанъ въ реестрѣ и получаешь, или вѣрнѣе, получишь когда-нибудь свое жалованье.

Ганжа засмѣялся.

— Вотъ то-то оно и есть, что можетъ быть, да когда-нибудь... Не ты бы говорилъ, не я бы слушалъ... Видитъ тебя Ганжа насквозь, хоть и хитрая ты лисица.

Богданъ какъ-то двусмысленно крякнулъ, и, помолчавъ, спросилъ:

— Что жъ тебѣ отъ меня нужно? Ѣдешь ты, такъ и поѣзжай на свою голову; мнѣ то что жъ?

— А то, батько, что я поѣду съ Смольчугомъ, а ты молчи; скажи тамъ другимъ, что послалъ насъ впередъ... Кто, вѣдь, ихъ знаетъ, всѣ козаки, да не всѣ надежные... Смольчуга то я знаю: самъ выходилъ, выхолилъ; на Ивашка Злаго тоже надѣюсь, да брать его не хочу: лютъ онъ больно, ему бы только до крови добраться... А другіе пусть лучше ничего не знаютъ. Всѣхъ же больше остерегайся выдать меня тому жиду перекрещеному.

— Ильяшу Караимовичу? съ усмѣшкой спросилъ Богданъ: онъ не жидъ, а армянинъ.

— Видали мы такихъ армянъ: пейсы подстригъ, бороду побрилъ—вотъ и армянинъ. Такъ слышь же, друже! прибавилъ онъ дѣловымъ тономъ; когда мы съ Смольчужкомъ въ воду канемъ, ты ни-ни, ни гу-гу, какъ будто такъ и быть должно.

— Добре! отозвался Богданъ, мнѣ все равно; хоть я и не вижу большаго толку во всемъ этомъ. Не насталъ еще, братику, часъ, не испила еще мать Украйна до дна чашу горести, что поднесли ей паны. И добрымъ козакамъ лучше бы беречь свои силы и терпѣть до поры, до времени.

— Эхъ! Богдане, Богдане! видна въ тебѣ панская кровь! на половину ты только козакъ, а на половину панъ. Развѣ мо-

жетъ истый козакъ терпѣть обиды? Развѣ можетъ гнуть шею подъ панскими ударами?

— А ты думаешь, этотъ сумасбродъ Сулима можетъ насъ избавить отъ панскаго ига?... Вотъ повѣрь, что и ему не миновать плахи, какъ и всѣмъ прежнимъ атаманамъ. Чтобы пановъ осилить, надо противъ нихъ дѣйствовать ихъ же оружіемъ, надо имѣть столько же ума, ловкости и изворотливости, какъ у нихъ. А твоего перекрещенаго татарина какой-нибудь одинъ панъ Кисель за поясъ заткнетъ, не говоря ужъ о другихъ, такихъ ловкихъ, какъ панъ коронный гетманъ.

— А все таки попробовать? съ нѣкоторымъ колебаніемъ проговорилъ Ганжа. Эта французская махина мнѣ все равно, что спица въ глазу; очень ужъ хочется разнести ее, чтобы отъ нея и праху не осталося.

— Всѣ вы козаки такіе! съ неудовольствіемъ проговорилъ сотникъ: вы какъ малыя дѣти,—чего захотѣли, вынь да подай; сами въ огонь лѣзете, мудрено ли, что обжигаетесь.

— Быть можетъ и не обожжемся! угрюмо проговорилъ Ганжа. До свиданія, товарищъ! проговорилъ онъ, подавая руку сотнику.

— Богъ дастъ, свидимся, если не въ этой жизни, то въ будущей! отвѣчалъ тотъ полунасмѣшливо. Иди впередъ, а я немного погодя.

Ганжа быстро зашагалъ къ корчмѣ, а Богданъ остался на мѣстѣ, задумчиво вглядываясь въ неясныя очертанія крѣпости.

Вдругъ около него что-то зашевелилось въ травѣ и точно изъ-подъ земли кто-то его окликнулъ:

— Тату!

Богданъ былъ не изъ робкихъ; онъ причислялъ себя даже къ очень храбрымъ; но, какъ козакъ, онъ вѣрилъ и въ колдуновъ, и въ оборотней, и въ русалокъ.

— Цуръ меня! Цуръ меня! со страхомъ прошепталъ онъ, творя крестное знаменіе.

— Тату! Да, вѣдь, это жъ я! нетерпѣливо проговорилъ Тимошъ, вылѣзая изъ подъ сухой травы.

— Наше мѣсто свято! бормоталъ сотникъ и пятился на-

задъ, чувствуя, какъ его обдало холоднымъ потомъ. „Оборотень!“ подумалъ онъ.

— Да цуръ же тебѣ, татко! сердито крикнулъ мальчикъ, схвативъ его за рукавъ. Чи я оборотень? Полно жъ тебѣ цураться.

— Ты какъ сюда попалъ? сердито вскрикнулъ наконецъ сотникъ, оправившись отъ испуга.

— Такъ же, какъ и ты съ дидомъ,—бойко отвѣчалъ мальчикъ.

Въ эту минуту въ его маленькомъ сердцѣ кипѣла злоба на отца. Онъ не могъ уяснить себѣ всего слышаннаго; но чутьемъ понималъ, что татко мирволитъ панамъ, что татко обидѣлъ дида, что онъ пренебрежительно отозвался о Сулимѣ; а для Тимоша этотъ Сулима былъ образцомъ козацкаго величія. Онъ много слышалъ о немъ отъ Ганжи и помнилъ, какъ тотъ часто говоривалъ: „Вотъ кабы Сулиму натравить на пановъ“. Теперь отважный дидъ еще больше выросъ въ глазахъ мальчика, а постыдная трусость отца, принявшаго его, Тимоша, за оборотня, только растравила накопившееся въ его душѣ чувство горечи.

— Вотъ я тебѣ дамъ подслушивать! съ сердцемъ проговорилъ отецъ: отстегаю тебя ногайкой, такъ будешь ты соваться туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ. Говори, зачѣмъ тебя сюда принесло?

Мальчикъ гордо выпрямился и упрямо закинулъ голову назадъ.

— Ты знаешь, татко, что я тебя не боюсь и ногайки твоей не боюсь; всякій козакъ долженъ привыкать къ ударамъ. А пришелъ я сюда, чтобы слышать, о чемъ вы съ дидомъ говорить будете. Дидъ правъ, а ты виноватъ; ты обидѣлъ дида, ты къ панамъ лѣзешь, а онъ не лѣзетъ.

— Ахъ, ты щенокъ! крикнулъ Богданъ. Вотъ только жалко—ногайку въ корчмѣ оставилъ, а то бы я тебѣ показалъ, кто виноватъ и кто правъ.

— Виноватъ всегда тотъ, кто сердится и дерется ни за что, ни про что; это ты самъ говорилъ,—хладнокровно сквозь зубы процѣдилъ мальчикъ.

— Да какъ на тебя не сердиться? Татарченокъ ты этакій, мразь ты этакая!

— Не кричи, татко, еще жиды услышатъ,—спокойно проговорилъ мальчикъ. А слушай, что я тебѣ скажу: не хочу я больше съ тобою ѣхать къ панамъ, отпусти меня съ дидомъ Ганжею и съ Смольчугомъ. Не отпустишь добромъ, все равно я въ Сѣчь убѣгу!

Богданъ стоялъ, какъ ошеломленный.

— Да ты, хлопецъ, и вправмь съ ума спятилъ. Какой ты козакъ, тебя отъ земли не видать!

— Я, тато, знаю, что въ Сѣчи много мальчиковъ есть, и въ походы они съ другими козаками ходятъ. Вонъ и Смольчугъ съ семи лѣтъ всюду за дидомъ во всѣ его походы ходитъ.

— Вотъ то-то и есть, что они вскружили тебѣ голову своими разсказами. Убѣжать вздумаешь—на цѣпь посажу.

— Не пустишь добромъ?—съ угрозою въ голосѣ спросилъ мальчикъ.

— И не думай, и мысль всякую изъ головы выкинь.

— Добре! протянулъ Тимошъ—и зловѣщая, угрюмая нотка прозвучала въ его голосѣ.

Они молча вернулись въ корчму. Козаки почти уже всѣ спали; только Ганжа съ корчмаремъ да еще какимъ-то подозрительнымъ человѣкомъ перешептывались въ углу, причемъ дидъ время отъ времени позвякивалъ своими червонцами.

Тимошъ окинулъ ихъ быстрымъ взглядомъ и потомъ, потупивъ глаза, послушно поплелся за отцомъ въ дальній уголъ, гдѣ набросано было свѣжее сѣно, прикрытое нѣсколькими бурками. Они улеглись, причемъ Богданъ позаботился положить Тимоша къ стѣнѣ, а самъ загородилъ его своимъ тучнымъ тѣломъ.

ГЛАВА III.

ВЪ ТАБОРѢ.

Проспалъ онъ долго. Солнце уже стояло высоко, когда онъ, лѣниво позѣвывая, поднялся съ своей импровизированной постели.

Первое, что его поразило, было отсутствіе Тимоша. Въ углу на сѣнѣ никого не было, какъ онъ ни протиралъ глаза, думая, что онъ еще спитъ. Вчерашнія событія быстро пронеслись въ его головѣ, и онъ, какъ ужаленный, вскочилъ на ноги.

— Гдѣ хлопецъ? грозно крикнулъ онъ вертѣвшейся около печки Хайкѣ.

Та плутовски скосила глаза въ сторону и съ самою заискивающею улыбкою проговорила:

— Ваша мосць сами знаете, гдѣ они?

Она искренно была убѣждена, что все дѣлалось съ согласія атамана и что онъ шутить съ ней, желая ее напугать.

— Кто они? съ бѣшенствомъ крикнулъ сотникъ, будешь ли ты говорить толкомъ, жидовское отродье?

Жидовка оторопѣла.

— Да паны жь козаки и панъ маленькій хлопецъ. Они уѣхали рано, рано на зарѣ, когда всѣ еще спали.

Богданъ съ сердцемъ хлопнулъ себя по лбу:

— Какъ мнѣ не пришло въ голову, что Тимошъ можетъ убѣжать, прошепталъ онъ. И хорошъ Ганжа, взять съ собою ребенка въ такое опасное предпріятіе.

Богданъ готовъ былъ рвать на себѣ волосы и въ сердцахъ накинулся на жидовку.

— Чего вы смотрѣли? Зачѣмъ вы пустили съ ними ребенка безъ моего вѣдома; пусть бы ѣхали сами и ломали себѣ головы, я васъ всѣхъ въ порошокъ изотру, кричалъ онъ топая ногами.

Жидовка совсѣмъ растерялась; вытаращила глаза на взбѣсившагося козака и незамѣтно попятилась къ двери. Богданъ не успѣлъ еще окончить своихъ проклятій, а Хайка уже юркнула за дверь и подобравъ подолъ платья, шлепая изношенными туфлями, побѣжала къ Янкелю, сновавшему между рабочими. Она безмолвно поманила его пальцемъ, и отведя въ сторону, съ испугомъ затараторила:

— Ой, Янкелю, Янкелю, ой, вей міръ! Я не знаю, какъ душа во мнѣ держится! Ой! какъ я испугалася! Ой! ноги подкашиваются.

— Что случилось? съ испугомъ спросилъ Янкель. И въ головѣ его по старой привычкѣ пронеслась цѣлая вереница картинъ грабежа, убійствъ, насилій.

Хайка, глубоко вздохнувъ, продолжала:

— Тотъ, атаманъ-то козацкій... Ой, бѣда наша!

— Да говори толкомъ! самъ дрожа отъ страху, распрашивалъ Янкель: прибилъ онъ кого? убилъ?

— Ой нѣтъ! Ой нѣтъ! Хуже, хуже!

Янкель едва держался на ногахъ съ испугу: что же могло быть хуже?

— Ой, пропали мы! причитывала Хайка; онъ сказалъ, что въ порошокъ насъ изотретъ. Такъ разсердился, такъ разсердился, глаза вытаращилъ, ногами затопалъ; такой страшный, я такихъ и не видывала...

У Янкеля немного отлегло на сердцѣ: только разсердился—это еще ничего; и накричалъ, и ногами натопалъ—это даже хорошо: значитъ горячій козакъ, а козачье сердце отходчиво.

— На что же онъ такъ разсердился? спросилъ онъ Хайку гораздо спокойнѣе.

— Да онъ спросилъ у меня, гдѣ козаки и гдѣ маленькій хлопецъ? Я думала, что онъ все знаетъ и шутитъ со мною, а вышло, что онъ ничего не знаетъ.

— Гмъ! глубокомысленно промычалъ Янкель, схвативъ въ правую руку свою бородку, что у него означало высшую степень недоумѣнія.

— Да онъ, можетъ быть, притворяется и нарочно показываетъ видъ, что сердится.

— Нѣтъ, нѣтъ! замахала обѣими руками Хайка; нарочно онъ не могъ бы такъ разсердиться, онъ изъ себя вышелъ. Если бъ я не убѣжала, не быть бы мнѣ въ живыхъ.

Янкель на минуту задумался.

— Гей-ге! сказалъ онъ вдругъ, поднимая голову. Нашелъ! Старый-то козакъ, видно, одинъ хочетъ взять всѣ золотые за голову Сулимы. Вотъ онъ и утекъ потихоньку отъ атамана.

— Ну, такъ зачѣмъ же онъ маленькаго хлопца-то съ собою прихватилъ?

— А этого ужъ я не знаю—развелъ руками Янкель. Ступай-ка домой и постарайся угодить пану атаману; а то ужъ ты больно любишь языкомъ ворочать; отвѣчала бы, что знать не знаешь, и вѣдать не вѣдаешь, и были бы мы въ сторонѣ; пускай бы они между собою считались.

Хайка и сама сознавала свою вину и давно уже въ душѣ раскаивалась, что болтнула лишнее.

— Янкелю, а Янкелю! проговорила она нерѣшительно: пойдемъ вмѣстѣ, я боюсь одна!

— Вотъ такъ-то всѣ вы женщины, наставительно проговорилъ онъ; наболтать, насудачить, а тамъ расхлебывай за васъ кашу.

Онъ бы охотно прогналъ ее одну; но мужское самолюбіе не позволяло ему сознаться въ трусости; поэтому онъ пріободрился, оправилъ кафтанъ, пригладилъ пейсы и бороду и зашагалъ къ своей корчмѣ, сопровождаемый Хайкою.

Но то, что ожидало ихъ въ корчмѣ, превзошло всякія ихъ ожиданія и совершенно ихъ сбило съ толку.

Панъ сотникъ сидѣлъ за столомъ, и на блѣдномъ лицѣ его, украшенномъ черными усами, не было и тѣни волненія. Онъ даже слегка усмѣхнулся, когда перетрусившіе его хозяева тихо, крадучись, осторожно переступили одинъ за другимъ черезъ порогъ.

— Что, задалъ я вамъ страху? съ неестественною веселою ноткою проговорилъ онъ. Я пошутилъ; я хорошо знаю, куда и зачѣмъ поѣхали мои хлопцы. А теперь вотъ вамъ за постой и угощеніе, сказалъ онъ, вставая и бросая на столъ горсть мелкихъ монетъ. Тебѣ же, хозяйка, вотъ особо за испугъ—прибавилъ онъ и сунулъ въ руку Хайки золотую монету.

Янкель съ женою, низко кланяясь, проводили щедраго пана до дверей. А когда онъ ушелъ, Хайка недовѣрчиво покачала головой и задумчиво проговорила:

— А все таки онъ не могъ нарочно такъ разсердиться.

Выйдя на улицу, Богданъ первымъ дѣломъ разыскалъ Ивана Злого.—Это былъ уже пожилой плотный, широкоплечій, какъ изъ желѣза скованный козакъ. Низкій мясистый лобъ, нависшій

надъ бровями, тупой взглядъ, толстыя губы изобличали въ немъ недалекую, но чувственную натуру. Такого человѣка можно было послать на какое-угодно дѣло, и онъ бы пошелъ, не спрашивая, не разбирая зачѣмъ и для чего, правое ли это дѣло, или злодѣяніе.

— Ты слышалъ, о чемъ Ганжа разговаривалъ съ жидомъ?— въ упоръ смотря ему въ лице, спросилъ Богданъ.

— Слышалъ,—пасмурно отвѣчалъ Злой.

— Говори сейчасъ, въ чемъ дѣло!

Отрывисто, какъ бы нехотя, посматривая въ сторону, передалъ Злой разговоръ, слышанный имъ въ корчмѣ и прибавилъ:

— Я, батько, тоже хочу съ ними.

Богданъ презрительно, какъ то сверху, оглянулъ его.

— Крови захотѣлось? Подожди еще, и на твою долю перепадетъ; а на висѣлицѣ тоже наболтаться еще успѣешь; ее тебѣ не миновать. Теперь же слушай, что я тебѣ приказываю; да смотри, хорошенько вбей въ свою голову все, что я тебѣ скажу. Щенокъ Тимошка утекъ съ козаками; ты поскачешь за ними вслѣдъ, притворишься, что хочешь съ ними вмѣстѣ ѣхать къ Сулимѣ, а самъ улучишь минуту, схапаешь хлопца и приведешь до дому. Если заартачится, можешь и припугнуть; онъ тебя только одного и боится. Но смотри, чтобы каждый волосокъ на головѣ его былъ цѣлъ, не то, знаешь эту руку?

И сотникъ показалъ ему свой здоровый кулакъ.

— Понялъ?

— Понялъ, батько! осклабясь отвѣчалъ Злой. Добре понялъ!

— Ну, то-то же!

Они разошлись. Богданъ отправился въ крѣпость, приказавъ остальнымъ козакамъ быть наготовѣ, такъ какъ къ вечеру они пустятся въ обратный путь. На разспросы о Тимошѣ, Ганжѣ и Смольчугѣ онъ коротко отвѣчалъ, что послалъ ихъ впередъ. Это никому не показалось страннымъ, такъ какъ сотникъ часто посылалъ кого нибудь по дѣлу и не любилъ входить въ объясненія съ козаками. Когда Злой осѣдлалъ коня, къ нему приступили всѣ съ разспросами; но угрюмый козакъ молча вскочилъ въ сѣдло, свиснулъ нагайкой и помчался въ степь.

Между тѣмъ Тимошъ съ Ганжею, Смольчугомъ и перебѣжчикомъ были уже далеко въ степи, безъ передышки проскакавъ двадцать верстъ. Наконецъ Ганжа придержалъ коня и, обращаясь къ своимъ спутникамъ, сказалъ:

— Надо поберечь коней! Погони за нами не будетъ!

Тимошъ безпокойно заерзалъ на сѣдлѣ.

— Кони добрые, диду! Отчего бы намъ не скакать еще?

Ганжа съ усмѣшкой посмотрѣлъ на него.

— Чего торопишься? или боишься, что отецъ передумаетъ? Отпустилъ, такъ ужъ не воротитъ.

Мальчикъ смутился и вспыхнулъ. Онъ не привыкъ лгать, а сегодня утромъ обманулъ дида. Онъ не спалъ всю ночь, дождался, когда на разсвѣтѣ козаки тихонько вышли изъ корчмы, какъ змѣя, проскользнулъ между тучнымъ тѣломъ отца и стѣною, прокрался на улицу и увѣрилъ дида, что отецъ отпустилъ его съ ними.

— Побожись! сказалъ ему дидъ.

И онъ побожился. Въ ту минуту онъ даже не задумался,— ему очень хотѣлось въ степь; но теперь этотъ тяжкій грѣхъ камнемъ лежалъ на его душѣ; онъ каждую минуту оглядывался назадъ, ему чудился топотъ лошадиныхъ копытъ, видѣлся взбѣшенный грозный отецъ и рука невольно передергивала уздечку. Старый козакъ слишкомъ былъ занятъ своими собственными мыслями и не замѣчалъ волненія Тимоша; Смольчугу это волненіе тоже казалось естественнымъ: онъ еще живо помнилъ свое дѣтство, свой первый походъ противъ татаръ и то нетерпѣніе, съ какимъ онъ ожидалъ настоящей битвы. Молодой человѣкъ съ улыбкой сбоку посматривалъ на мальчика, какъ онъ горячилъ коня, и въ угоду ему тоже торопилъ стараго Ганжу. Ганжа былъ не въ духѣ: съ одной стороны, ему слышались предостереженія Богдана; съ другой — онъ не слишкомъ-то довѣрялъ своему проводнику. Козакъ этотъ бѣжалъ отъ Сулимы изъ страха наказанія за какую-то провинность и неохотно взялся за предложенное ему предпріятіе.

— Хорошо, какъ вы его обманете,—говорилъ онъ: а если нѣтъ, тогда мнѣ не сносить головы. Да и онъ вамъ не повѣ-

ритъ, если увидитъ со мною; вѣдь, онъ знаетъ, что я ушелъ къ полякамъ.

— Пустяки! возражалъ Ганжа. Мы сдѣлаемъ видъ, что поймали тебя и силою заставили намъ показывать путь. А какъ заманимъ атамана, мы тебя и выпустимъ.

Козаку это не очень-то улыбалось, и только блескъ золота, до котораго онъ былъ падокъ, заставилъ его согласиться на предложеніе Ганжи. Ударили по рукамъ; дали задатокъ, а остальное козакъ долженъ былъ получить въ таборѣ Сулимы. Тѣмъ не менѣе старому запорожцу все казалось, что у ихъ проводника недоброе на умѣ. Онъ не давалъ ему отставать, заставлялъ его ѣхать впереди, держа на всякій случай наготовѣ пистолетъ.

Дорога, между тѣмъ, все болѣе углублялась въ степь, и Днѣпръ виднѣлся на горизонтѣ темною узкою змѣйкою. Наконецъ, уже подъ вечеръ, показался вдали козацкій таборъ.

Перебѣжчикъ остановился.

— Ну, панове козаки! Дѣло мое сдѣлано,—сказалъ онъ: давайте мнѣ деньги и отпустите меня на всѣ четыре стороны. А я второй разъ не хочу себѣ петли на шею надѣвать.

Ганжа отсчиталъ условленную плату, и черезъ минуту козака и слѣдъ простылъ. Путники же наши поскакали къ табору, гдѣ ихъ не особенно дружелюбно встрѣтилъ сторожевый козакъ. Онъ покосился на одежду Ганжи и Смольчуга и крикнулъ:

— Чего вамъ нужно, вражьи дѣти! Сворачивайте-ка по добру, по здорову: намъ королевскихъ холопей не надо!

— Были мы королевскими, а что было, то прошло,—спокойно отвѣчалъ Ганжа. А ты, братику, не серчай! доложи пану атаману, что его хочетъ видѣть старый Ганжа.

Козакъ неохотно повернулъ коня, доскакалъ до четырехугольника, образованнаго изъ возовъ, скрѣпленныхъ цѣпями, и крикнулъ другому сторожевому, стоявшему въ промежуткѣ:

— Поѣзжай до атамана! хочетъ его видѣть какой-то Ганжа; пускать ли его, или нѣтъ?

Ожидая отвѣта, онъ повернулся лицемъ къ путникамъ и все время держалъ наготовѣ пистолетъ. Такъ прошло добрыхъ четверть часа. Вернувшійся козакъ привезъ разрѣшеніе впустить;

загремѣли откинутыя цѣпи, и всадники въѣхали въ тѣсно сплоченный четвероугольникъ съ наскоро раскинутыми палатками. Козаки толпились около палатокъ: кто варилъ ужинъ, кто чинилъ одежду, кто курилъ люльку, а кто и просто лежалъ, растянувшись во всю свою длину и позѣвывая смотрѣлъ на кружившихся въ воздухѣ степныхъ орловъ. Тутъ же пріютилось и нѣсколько жидовъ съ ихъ незатѣйливыми ларями, имѣвшими видъ не то сундуковъ, не то телѣжекъ. Это была Сѣчь въ миніатюрѣ; одного только недоставало—горилки; а потому не было и всегдашняго неудержимаго веселья; несмотря на только что одержанныя побѣды, лица у всѣхъ были угрюмыя, вялыя, сумрачныя.

Посреди табора возвышалась большая палатка изъ прекрасной турецкой матеріи, подобранная золотыми шнурами съ тяжелыми кистями. Сверху подхватывалъ ее золоченый шаръ съ изображеніемъ полумѣсяца.

Ганжа, приподнявъ полу палатки, вошелъ со своими спутниками къ атаману. Сулима полулежалъ на большой атласной подушкѣ, поджавъ потурецки ноги и покуривая изъ большой длинной трубки. Тонкія черты синевато-блѣднаго лица съ легкимъ оттѣнкомъ золотистаго загара, большой правильный, немного крючковатый носъ, большіе черные глаза съ длинными рѣсницами, черные, какъ смоль, усы, гибкій станъ и узенькая, слишкомъ маленькая для мужчины рука,—все говорило, что этотъ человѣкъ родился не подъ запорожскимъ солнцемъ, что онъ развился гдѣ нибудь въ гаремѣ и что только желѣзная воля этого человѣка могла его пріучить къ лишеніямъ и невзгодамъ кочевой козацкой жизни. Подлѣ него тоже на подушкѣ сидѣлъ другой человѣкъ, представлявшій съ нимъ совершенную противоположность. Онъ былъ громаднаго роста, точно выкованный изъ желѣза, некрасивый, загорѣлый, съ узкими блестящими глазами и огромнымъ, начинавшимъ уже блестѣть просѣдью чубомъ.

Ганжа и Смольчугъ пожали имъ обоимъ руки. Тимошъ стоялъ въ сторонѣ и съ любопытствомъ разсматривалъ атамановъ, дымившуюся передъ ними саламату въ походномъ горшкѣ, сухія лепешки, кучу степнаго сѣна въ углу; все показалось ему

новымъ, особеннымъ, невиданнымъ. Ему было немного страшно: вотъ тотчасъ знаменитый атаманъ можетъ взглянуть и на него, можетъ заговорить съ нимъ, это все бы ничего; но какъ онъ ему солжетъ, какъ онъ скажетъ ему, что отецъ добровольно отпустилъ его? Можно еще было обмануть дида; но храбраго атамана не обманешь,—онъ насквозь видитъ; лучше признаться, будь, что будетъ.

— Здоровы будьте, панове! сказалъ Ганжа съ низкимъ поклономъ.

— Здоровъ будь и ты, старый товарищъ! ласково кивнувъ головою, отвѣтилъ Сулима. Какимъ тебя къ намъ вѣтромъ занесло? Да ты, я вижу, въ королевскую епанчу нарядился.

— Что же, друже! епанча не кожа, можно ее и съ плечъ содрать, коли прикажешь.

— А зачѣмъ мнѣ тебѣ приказывать? У насъ и своихъ довольно,—полушутливо, полусерьезно отрѣзалъ атаманъ. Служи королю да получай жалованье, а мы сами себѣ послужимъ; всякому свое. Мы нынче столько за одинъ налетъ у турокъ выудили, что вамъ у вашего короля и въ десять лѣтъ не выслужить. Такъ, что ли, Павлюга? обратился онъ къ своему товарищу.

Тотъ съ самодовольною улыбкою кивнулъ въ знакъ своего согласія и опять принялся за свою трубку.

Тимошъ на минуту оторвался отъ своихъ мыслей и съ жаднымъ любопытствомъ взглянулъ на некрасиваго козака. Такъ это Павлюкъ Баюнъ, или Полурусъ, или Палій, о которомъ онъ столько наслышался всякихъ разсказовъ. Такъ вотъ онъ этотъ богатырь, которому нипочемъ согнуть подкову, вырвать дерево съ корнемъ, или кожу съ мясомъ у разъяреннаго звѣря! Тимошъ даже немного попятился было къ выходу, при мысли, что этотъ страшный человѣкъ, которымъ его пугали еще нѣсколько лѣтъ назадъ, здѣсь близко, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, а онъ, маленькій грѣшникъ, долженъ сейчасъ признаться въ содѣянной винѣ.

— А это что за хлопецъ? спросилъ Сулима, кивнувъ головою на отступавшаго Тимоша.

— Гей, Тимошъ! Ты что же прячешься? засмѣялся Ганжа,

таща упиравшагося мальчика къ атаману. Это, братику, будущій воякa, сынъ Хмельницкаго Богдана; отецъ его отпустилъ съ нами.

— Неправда это, неправда, неправда! почти съ рыданіемъ крикнулъ мальчикъ, закрывъ лицо руками.

— Фу, цуръ тебя возьми! съ досадою крикнулъ Ганжа: развѣ я вру, что ли? Съ ума ты спятилъ?

— Неправда, диду! Не сердись, диду! обманулъ я тебя,— рыдалъ мальчикъ, упавъ на колѣни.

Панъ атаманъ и Баюнъ разинули рты отъ удивленія и молча смотрѣли, что дальше будетъ.

— Казни меня, панъ атаманъ! вскрикнулъ мальчикъ. Я солгалъ, я обманулъ стараго добраго дида; я и Богу солгалъ! повѣсь меня, я не стою ничего больше!

Сулима улыбнулся.

— Ну если всѣхъ такихъ хлопцевъ за ихъ грѣхи вѣшать, то, пожалуй, и веревокъ не хватитъ.

Саженный богатырь всталъ съ своего мѣста, тихо подошелъ къ мальчику и осторожно приподнялъ его съ полу. Въ маленькихъ карихъ глазахъ его засвѣтилось столько ласки и доброты, некрасивое лицо такъ оживилось, что Тимошъ невольно пріободрился и даже осмѣлился взглянуть на страшнаго козака. Въ громадной фигурѣ Павлюка вмѣстѣ съ непомѣрною силою уживалась почти женская мягкость и любовь ко всему слабому, беззащитному. Несмотря на свои боевые подвиги, Павлюкъ могъ заинтересоваться упавшею изъ гнѣзда птичкой, могъ бережно укачивать дитя въ люлькѣ и ростить щенятъ, котятъ, за что ему не мало доставалось въ Сѣчи отъ другихъ козаковъ.

— Полно, сынку! утѣшалъ онъ Тимоша, посадивъ его къ себѣ на колѣни и гладя его своею мощною рукою. Не убивайся, а разскажи лучше, въ чемъ дѣло. Нѣтъ такого грѣха на свѣтѣ, котораго нельзя бы было простить.

Тимошъ удерживая рыданія, разсказалъ, какъ онъ обманулъ Ганжу и уѣхалъ съ нимъ помимо воли отца, такъ какъ ему ужъ очень хотѣлось къ запорожцамъ, а отецъ его повезъ бы опять къ панамъ, а онъ пановъ не любитъ и любить никогда

не будетъ. Павлюкъ съ задумчивою улыбкою слушалъ горячую рѣчь мальчика, а Ганжа сердито нахмурился и немилосердно теребилъ свой чубъ.

— Ишь, вѣдь, бисовъ сынъ! будетъ мнѣ теперь отъ пана сотника за твои проказы; куда я теперь съ тобою дѣнусь? Да еще чего добраго, онъ и самъ за нами налетитъ. Тогда пожалуй, и дѣло наше изъ-за тебя не выгоритъ.

Быстрый, проницательный взоръ Сулимы, какъ молнія, скользнулъ по добродушному лицу Ганжи и снова потупился.

Павлюкъ поднялъ Тимоша, какъ перышко, на руку, подошелъ къ старику, потрепалъ его по плечу и сказалъ:

— Ну, полно, друже! Не сердись на хлопца. Видишь, онъ и такъ самъ не свой. Бываемъ и мы грѣшны съ тобой, старина, хотя намъ Богъ и больше разума далъ, чѣмъ ему.

Ганжа смущенно почесалъ чубъ: ему вспомнились слова сотника, укорявшаго его въ дѣтскомъ упрямствѣ, и онъ ласковѣе глянулъ на Тимоша, протягивавшаго къ нему руки съ веселою ласковою улыбкою.

— Ужъ добре, добре! проговорилъ онъ, поцѣловавъ его. Я самъ, старый дурень, виноватъ, что взбаламутилъ твою голову разсказами о козакахъ и ихъ подвигахъ.

Павлюкъ осторожно спустилъ мальчика на полъ, точно боялся раздавить его, хотя Тимошъ далеко не былъ изъ нѣжныхъ и хрупкихъ; онъ былъ коренастъ, здороваго сложенія, ширококостый, съ круглымъ лицемъ и сильными упругими мускулами.

— Утро вечера мудренѣе, друзья! сказалъ Сулима. А теперь присаживайтесь къ намъ; не бось устали, проголодались. Я сейчасъ велю еще принести саламаты.

Онъ хлопнулъ два раза въ ладоши и молча показалъ вошедшему козаку на горшокъ съ ѣдой. Тотъ быстро удалился, и черезъ минуту горячее, дымящееся кушанье стояло передъ гостями. Козакъ вернулся второй разъ разъ и принесъ свѣжіе душистые липовые соты, поставивъ ихъ тоже передъ гостями.

— Отвѣдайте! пригласилъ Сулима. Это запорожскій, вотъ изъ его пасѣки,—и онъ кивнулъ головою на Баюна. Онъ вѣдь у насъ пчеловодъ отличный, ни у кого такого меду нѣтъ.

Павлюкъ весело разсмѣялся; всѣ отвязали отъ поясовъ ложки и стали черпать медъ.

Тимоша скоро уложили спать, а взрослые долго еще о чемъ то совѣщались и спорили и только на разсвѣтѣ прилегли отдохнуть.

ГЛАВА IV.

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНІЕ.

На другой день весь таборъ зашевелился. Отданъ былъ приказъ сниматься съ мѣста. Никто не зналъ, куда и зачѣмъ; но всякій торопился какъ можно скорѣе собрать пожитки, расцѣпить возы, осѣдлать коня и вооружиться. Атаманъ велѣлъ держать путь къ порогамъ, гдѣ на одномъ изъ неприступныхъ острововъ лежали лодки. Проѣхать черезъ пороги вверхъ было гораздо опаснѣе, чѣмъ идти берегомъ, а лѣтнее мелководье еще болѣе увеличивало трудности, такъ какъ болѣе обозначилось подводныхъ камней. Тѣмъ не менѣе атаманы рѣшили избрать водный путь, чтобы скорѣе ударить на крѣпость и не дать врагу опомниться.

— Завтра къ вечеру мы уже будемъ въ Кодакѣ,—сказалъ Сулима на замѣчаніе Ганжи объ ожидающихъ ихъ опасностяхъ. А это стоитъ того, чтобы потерять двѣ три лодки. Притомъ теперь берегомъ ѣхать не безопасно; самъ ты говоришь, что этотъ мошенникъ Вендзяло ускользнулъ въ степь. Если не наткнется на поляковъ, то, навѣрно, направитъ на насъ татаръ, а ихъ тутъ много бродитъ.

Ганжа согласился съ доводами атамана, и всѣ двинулись къ Днѣпру, къ тому мѣсту, гдѣ кончаются пороги. Тамъ ниже послѣдняго, тринадцатаго порога возвышается неприступный утесистый островъ; приставать къ этому острову могли только козаки, издавна привыкшіе къ его извилистымъ проходамъ между скалами и подводными камнями.

— Диду, какъ же мы попадемъ на этотъ островъ? съ удивленіемъ спрашивалъ Тимошъ, услыхавъ, что Сулима намѣренъ сдѣлать привалъ на Кашеварницѣ, какъ онъ его называлъ.

— Вплавь! лаконически отвѣчалъ старикъ.

На берегу остановился обозъ. Выслали сторожевыхъ козаковъ и подъ ихъ прикрытіемъ стали готовиться къ переправѣ. Тонкая, стройная фигура Сулимы вся ожила, вся дышала энергіей и силой. Онъ носился на своемъ татарскомъ бакематѣ и зорко слѣдилъ, чтобы никто ничего лишняго съ собою не бралъ.

— Брать по одному котлу на нѣсколько куреней! приказывалъ онъ: Можно чередоваться! Кромѣ котловъ все оставить въ обозѣ! А крупу и соль каждому съ собой имѣть! Пороху каждый захвати, сколько можешь. Жидовъ всѣхъ при обозѣ оставить. Обозу медленно двигаться по берегу, а если что, сейчасъ дать мнѣ знать, сторожевая лодка будетъ стоять у самыхъ пороговъ, наказывалъ онъ обозному.

При обозѣ оставили немного людей, да и тѣ, кому приказывали оставаться, неохотно подчинялись этому приказанію. Слухъ о томъ, что поляки выстроили крѣпость, быстро облетѣлъ весь таборъ, всѣ рвались разгромить ненавистную панскую затѣю.

Наконецъ всѣ приготовленія были окончены. Козаки быстро спѣшились, раздѣлись, привязали одежду къ сѣдламъ и поплыли держась кто за гриву, кто за повода, кто за сѣдло. Тимошъ тоже послѣдовалъ примѣру всѣхъ, хотя Ганжа и совѣтовалъ ему остаться на лошади, увѣряя, что такому сильному степному скакуну ничего не значитъ нести на себѣ такого маленькаго хлопца. Но Тимошъ ни за что не хотѣлъ обременять своего коня.

— Я умѣю плавать, диду! весело возразилъ онъ и бодро пустился въ путь вслѣдъ за другими.

Теченіе было довольно быстрое, и требовалось порядочное напряженіе силъ, чтобы держаться прямаго направленія и не терять изъ виду острова. Сперва Тимошъ плылъ легко и свободно; но мало по малу онъ почувствовалъ, что силы его слабѣютъ. Ему, однако, не хотѣлось сознаться въ своей слабости диду, мощными быстрыми движеніями разсѣкавшему волны и отъ времени до времени посматривавшему на своего маленькаго спутника.

— Гей, хлопецъ! давай подсажу! говорилъ онъ ему не разъ, видя, что мальчикъ устаетъ.

— Ни, диду! отвѣчалъ мальчикъ, захлебываясь, пыхтя, но все таки стараясь поспѣть съ другими.

Наконецъ онъ почувствовалъ, что руки и ноги у него совершенно коченѣютъ, въ глазахъ темнѣетъ, дыханіе спирается. „Диду!“ хотѣлъ крикнуть онъ, но не могъ и булькнулъ въ воду. Ганжа въ эту минуту обернулся.

— Матерь Божія! воскликнулъ онъ: хлопца то никакъ рыбы съѣли.

Въ эту минуту гладко выстриженная голова мальчика съ чернымъ короткимъ чубомъ вынырнула на поверхность, и Ганжа ловкимъ быстрымъ движеніемъ схватилъ его за чубъ. Блѣдное лицо мальчика посинѣло, онъ казался совсѣмъ мертвымъ. Ганжа бережно перекинулъ его на сѣдло и, придерживая одною рукою, поплылъ дальше. Нѣсколько козаковъ обернулись, хладнокровно посмотрѣли на случившееся и опять стали разсѣкать волны сильными взмахами. При переправѣ некогда останавливаться и задумываться, каждый долженъ заботиться о себѣ. Смольчугъ плылъ позади, онъ подхватилъ поводъ свободнаго коня и спросилъ Ганжу, не поддержать ли мальчика.

— Не надо, теперь ужъ не далеко,—отвѣчалъ тотъ. Дѣйствительно, до острова оставалось только нѣсколько саженей; скоро они очутились въ извилистыхъ проливахъ, гдѣ надо было искусно лавировать между подводными камнями. Много козаковъ уже толпилось на берегу; кто одѣвался, кто подтягивалъ сѣдло, кто сидѣлъ, закуривая люльку. Ганжа сталъ оттирать окоченѣвшаго Тимоша; но онъ долго не приходилъ въ себя, такъ долго, что старый Ганжа даже испугался.

— Не умеръ ли? съ безпокойствомъ пробормоталъ онъ и, прикрывъ его своею буркою, опять сталъ усердно растирать ему грудь, руки и ноги.

— Эхъ, если бы горилки достать! съ сожалѣніемъ прогорилъ онъ, посматривая на обступившихъ его козаковъ.

— Что выдумалъ старый! Какая тебѣ горилка въ походѣ! За горилку атаманъ такихъ палокъ надаетъ, что и ногъ не унесешь... Если бы еще жидъ, онъ, можетъ быть, и раздобылъ бы, да жидовъ то всѣхъ въ обозѣ оставили.

На загорѣлыхъ лицахъ виднѣлось теперь участіе, и эти руки безстрастно коловшія и давившія сотни подобныхъ малышей, теперь услужливо подстилали бурки и помогали, кто чѣмъ могъ.

Тимошъ слабо шевельнулся, съ усиліемъ вздохнулъ и открылъ глаза. Старый Ганжа смахнулъ даже непрошенную слезинку и на радостяхъ чуть не пустился въ плясъ.

Послѣдняя партія козаковъ выходила на берегъ, а вмѣстѣ съ нею и самъ атаманъ въ сопровожденіи Баюна. Тимоша уже одѣли и закутали въ нѣсколько бурокъ. Но онъ все еще не могъ подняться на ноги, сидѣлъ и трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Ге, ге, хлопецъ! сказалъ Павлюкъ, подходя къ нему: видно козакомъ то быть не такъ легко, какъ кажется; вотъ ты перваго то испытанія не выдержалъ. Какъ же ты поѣдешь вверхъ по порогамъ?

Тимошъ молчалъ и смущенно улыбался. Ему было стыдно, что онъ столько надѣлалъ хлопотъ старому Ганжѣ и еще стыднѣе оттого, что тотъ его даже не побранилъ. „Хоть бы ругнулъ хорошенько!“ думалось ему; „все бы легче было. Отецъ бы непремѣнно ужъ раскричался, а то бы и нагайкою угостилъ; а они вонъ какіе всѣ добрые“.

Въ глубинѣ острова между скалами находилась котловина; въ ней козаки расположились ужинать и ночевать, предполагая съ разсвѣтомъ осмотрѣть челны; скрытые въ бухтѣ, и приготовивъ ихъ, отправиться въ путь, чтобы засвѣтло еще проѣхать пороги. Зажгли костры, усѣлись вокругъ дымящейся каши, и пошли нескончаемые разговоры, разсказы, шутки и прибаутки.

Вдругъ на одномъ изъ утесовъ показалась какая то фигура, медленно ползшая внизъ, цѣпляясь за камни и уступы. Всѣ повскакали съ мѣстъ, схватились за сабли, за пистолеты; какъ вдругъ старый Ганжа проговорилъ:

— Да это Злой! Ей-ей, Злой! Пусть меня ляхи слопаютъ, если это не онъ! Утекъ онъ за нами, хоть я его и не хотѣлъ брать съ собой.

Иванъ Злой подошелъ къ табору, оглядѣлъ всѣхъ съ самымъ беззаботнымъ видомъ и, отвѣсивъ низкій поклонъ на всѣ четыре стороны, громко проговорилъ:

— Здоровы будьте, братове! Принимаете ли меня въ свой кошъ?

Козаки обступили новоприбывшаго и молча переглядывались другъ съ другомъ.

— А кто тебя здѣсь знаетъ,друже?—обратился къ нему Сулима.

— Я! отвѣтилъ Ганжа, выходя въ кругъ.

— И я! произнесъ Смольчугъ, становясь съ нимъ рядомъ.

— И я! проговорилъ Тимошъ, тоже выступая впередъ.

— Вотъ такъ добре! засмѣялся Павлюкъ: два козака, да еще полкозака, порука хоть куда!

Тимошъ немного смутился, но не отступилъ.

— Такъ ты его знаешь, старина? обратился Сулима къ Ганжѣ: можешь за него поручиться?

— Мочь-то бы могъ: онъ козакъ вѣрный, до сихъ поръ ни въ чемъ замѣченъ дурномъ не былъ,—проговорилъ въ раздумьи Ганжа—да только лютъ онъ больно, положиться на него нельзя. Какъ разсвирѣпѣетъ, онъ и самого атамана зарубитъ.

— Ну, это плохая порука! съ усмѣшкой, какъ бы про себя замѣтилъ Павлюкъ.

— А ты что скажешь? обратился атаманъ къ Смольчугу.

— Да то же, что и дидъ, проговорилъ молодой человѣкъ. Взять его—бѣда, и не взять—тоже.

— Ну а ты? съ усмѣшкой обратился атаманъ къ Тимошу.

— Я, пане атамане, думаю, что надо его взять, бойко проговорилъ Тимошъ.

Онъ въ эту минуту чувствовалъ себя настоящимъ козакомъ и съ гордостью посматривалъ на тѣсно сплотившійся кругъ.

— Иванъ Злой всегда слушался моего татка и былъ ему вѣрнымъ слугой. Я за него головой готовъ поручиться.

— Ого-го! засмѣялись козаки. Вотъ какая дорогая голова у насъ въ залогѣ!

— Что жъ? гордо возразилъ Тимошъ. Тато теперь дорого бы далъ за мою голову, да не видать ему меня...

Чуть замѣтная усмѣшка скользнула по лицу Злого. Онъ быстро мелькомъ взглянулъ на Тимоша, покрутилъ усъ и потомъ, обратясь къ атаману, спросилъ:

— Что-жъ принимаете меня, что ли? Буду служить вамъ вѣрой и правдой!

— Принимаемъ, принимаемъ! весело вскрикнули козаки и разбрелись къ кострамъ.

— А дуже разсердился татко, когда не нашелъ меня въ корчмѣ? спросилъ Тимошъ у Злого.

— Не знаю, уклончиво отвѣчалъ тотъ. Я утекъ и не видалъ его.

Злой вообще обладалъ способностью лгать и изворачиваться, нисколько не смущаясь. Несмотря на свой ограниченный умъ, онъ всегда находилъ выходъ изъ всякаго затруднительнаго положенія. И теперь въ разговорѣ съ Тимошемъ и Ганжею онъ обошелъ всѣ щекотливые вопросы, разсказалъ, какъ прежде всего поспѣшилъ на Кашеварницу и, увидѣвъ челны, разсудилъ, что рано или поздно козаки сюда пріѣдутъ.

— Я, вѣдь, здѣсь сижу съ самаго полудня, отощалъ совсѣмъ—говорилъ, онъ поспѣшно хлебая кашу.

— А ты ужъ и челны пронюхалъ? спросилъ его Павлюкъ, подозрительно осматривая его пытливымъ взоромъ съ головы до ногъ.

— Я нечаянно попалъ къ челнамъ. Бродилъ по острову и напалъ.

— Гмъ, ловкій хлопецъ! протянулъ Павлюкъ, покуривая люльку.

На другое утро, чуть свѣтъ козаки поднялись и, пожевывая сухія лепешки, побрели къ челнамъ. На противоположномъ берегу острова въ узкомъ заливѣ, совершенно заслоненномъ скалами, качались на волнахъ до пятидесяти длинныхъ ходкихъ чаекъ со сложенными снастями. Всѣ козаки раздѣлились на отряды и изъ каждаго отряда вышли двя рулевыхъ, подошли къ своимъ лодкамъ, внимательно осматривая дно, уключины, оба руля—на носу и на кормѣ. Плаваніе предстояло трудное, и малѣйшая неисправность могла погубить лодку съ ея гребцами. Поврежденій и неисправностей оказалось немного. Чайки были прочны, только что передъ походомъ выдолбленныя изъ здоровыхъ стволовъ липъ и ивъ и обитыя новымъ тесомъ. Кое

гдѣ доски отстали; но вбить новые гвозди ничего не стоило: у каждаго рулеваго былъ запасъ такихъ гвоздей. По краямъ челновъ были привязаны толстые пучки камыша, обвитые ивовымъ лыкомъ или боярышникомъ и обхватывавшіе лодку съ обѣихъ сторонъ отъ кормы до носа. Эти камыши тоже пришлось кое-гдѣ подвязать, подправить, также какъ и нѣкоторыя изъ пятнадцати паръ уключинъ, расшатавшихся отъ продолжительной гребки. Паруса на этотъ разъ оставались сложенными, во первыхъ, потому, что не было вѣтра, во вторыхъ, при плаваніи противъ теченія они только бы мѣшали.

Наконецъ челны были готовы. Каждый отрядъ человѣкъ въ пятьдесятъ, чинно, въ строгомъ порядкѣ подошелъ къ своей лодкѣ и занялъ привычныя мѣста. Гребцы подняли весла, ожидая приказанія атамана. На атаманской чайкѣ развѣвался красный флагъ съ бѣлымъ крестомъ, а корма и носъ были украшены дорогою парчею, перемѣшанною съ аксамитомъ; во всемъ остальномъ она ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ лодокъ и въ ней, такъ же какъ и въ другихъ,—не было палубы.

Солнце стояло довольно высоко на небѣ, когда всѣ размѣстились по лодкамъ и атаманъ далъ условный знакъ, махнувъ три раза рукою. По первому мановенію лодки отчалили, по второму опустились весла, а по третьему весь летучій флотъ стройными рядами выплылъ въ рѣку.

О. Рогова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ БЕКЛЕШОВЪ

(1743—1808)

малороссійскій военный генералъ-губернаторъ, кіевскій военный губернаторъ, генералъ-прокуроръ [1]).

I.

Фамилія Беклешовыхъ принадлежитъ къ одному изъ древнихъ русскихъ родовъ [2]). Сынъ капитанъ-лейтенанта, Александръ Андреевичъ Беклешовъ (род. 1 марта 1743 г.), воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ (съ 1756 г., откуда

[1]) *Примѣчаніе.* Въ прошломъ году покойный издатель „Кіевской Старины" передалъ намъ на разсмотрѣніе малороссійское стихотвореніе, полученное имъ изъ черниговской губерніи, подъ заглавіемъ „Вояжъ по Малой Россіи господина генералъ отъ инфантеріи Беклешова" (копія съ рук. конца XVIII или начала XIX в.) и просилъ сдѣлать къ нему примѣчанія. Впослѣдствіи, узнавъ, что изъ этихъ замѣтокъ могла бы выдти болѣе полная статья, въ видѣ біографическаго очерка, онъ просилъ насъ не оставлять намѣренія составить такой очеркъ, хотя бы, по своему содержанію, онъ и вышелъ за предѣлы чисто мѣстнаго интереса. Кромѣ означеннаго „Вояжа", покойный достоуважаемый А. С. Лашкевичъ передалъ намъ „Разговоръ", по содержанію относящійся къ тому же предмету, и имѣлъ въ виду сообщить переписку Беклешова за время службы его на югѣ Россіи, но не успѣлъ выполнить своего желанія. Поэтому мы рѣшились напечатать предлагаемый очеркъ по тѣмъ матеріаламъ, какіе находились въ нашемъ распоряженіи, полагая, что наша статья можетъ вызвать въ свою очередь изданіе другихъ документовъ на страни цахъ „Кіевской Старины". Прибавимъ только, что Беклешовъ, по своему строго выдержанному характеру и личнымъ качествамъ, какъ государственный дѣятель заслуживаетъ болѣе полной біографіи.

Уже по окончаніи настоящей статьи намъ удалось познакомиться съ письмами Беклешова къ М. П. Миклашевскому (числомъ 12), за сообщеніе которыхъ приносимъ благодарность А. М. Лазаревскому.

[2]) Русская родосл. книга, изд. „Русск. Стариною", II, 19—20.

вышли въ разное время гр. П. А. Румянцовъ, Н. А. Бекетовъ, Мельгуновъ, И. И. Мелисино, кн. А. А. Вяземскій (ген.-прокуроръ), А. В. Храповицкій (авторъ записокъ), писатели—Сумароковъ, Херасковъ, Озеровъ [1]) и мн. др., заявившіе себя на разнообразныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. А. А. Беклешовъ воспитывался въ корпусѣ одновременно съ С. А. Порошинымъ, записки котораго свидѣтельствуютъ о прекрасномъ знаніи языковъ и любви къ наукамъ преимущественно литературѣ, математикѣ и исторіи, пріобрѣтенныхъ ими въ этомъ разсадникѣ просвѣщенія [2]). Въ то время при корпусѣ была своя типографія, издавался журналъ, существовало общество любителей русской словесности (изъ воспитанниковъ), положено было основаніе, русскому театру [3]). Порошинъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ старшимъ братомъ Беклешова—Арс. Андр. и въ большихъ похвалахъ отзывается о его умѣ и нравственныхъ качествахъ [4]). Всѣ они были оставлены на службѣ при корпусѣ, а Порошинъ затѣмъ назначенъ наставникомъ къ вел. кн. Павлу Петровичу [5]).

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ (1769)

---

[1]) Краткая исторія перваго кад. корпуса, А. Висковатова, стр. 69; Сборн. свѣд. о военно-учебн. заведен. въ Россіи, сост. Н. Мельницкимъ, I, 33.

[2]) Братья его: Н. А. Беклешовъ состоялъ псков. губерн. и сенаторомъ († 1821), Ал. А. Беклешовъ—ген.-маіоромъ († 1823), С. А. Б—шовъ — ген.-лейт. былъ кронштадтскимъ комендантомъ, членомъ дирекціи почтъ, а потомъ архангельскимъ губерн., никол. воен. губ. и управл. гражд. частью въ екатериносл. губ., таврич. воен. губернаторомъ (Біогр. Безбородка, II, 444—445; Русск. Арх. 1887, I, 162—163).

[3]) Екатерина II назвала шляхетный корпусъ „разсадникомъ великихъ людей Россіи“ (Висковатовъ, 49).

[4]) Буличъ, Сумароковъ и современ. ему критика, Каз. 1854, стр. 13—14, 32; Сборникъ свѣдѣній, I, 31—33.

Въ шляхетномъ корпусѣ преподавались, кромѣ русскаго языка, исторіи, географіи, математики, военныхъ наукъ и новыхъ языковъ, юриспруденція, философія, латинскій языкъ. Политическимъ наукамъ Беклешовъ учился у Греча, дѣда писателя, магистра философіи лейпциг. университета и автора книги: „Политическая географія“ (Спб. 1758) и у его преемника—магистра философіи Христ. Безака, передъ тѣмъ состоявшаго доцентомъ въ томъ же университетѣ (см. Сборникъ свѣдѣній, I, 22, 70—73; Записки Греча, Русск. Арх. 1873, I, 232—33; 243—245. Въ отдѣльномъ изданіи Записокъ стр. 10, 69—76, 163).

[5]) Беклешовъ называется въ числѣ членовъ правленія шляхетнаго корпуса (П. Собр. Зак., т. XVII, стр. 803).

всѣ они получили назначеніе въ арміи, при чемъ Ал. Ан. Беклешовъ переименованъ былъ изъ капитановъ въ поручики лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и участвовалъ въ морскомъ походѣ гр. А. Г. Орлова [1]). Братъ же его былъ убитъ (29 авг. 1769) при Хотинѣ и по этому поводу поэтъ В. И. Майковъ написалъ къ А. А. Беклешову посланіе въ стихахъ [2]). Въ 1773 г. послѣдній былъ переведенъ въ армію полковникомъ, а дослужившись чина генералъ-маіора (1779), назначенъ командиромъ Шлиссельбургскаго полка [3]). Беклешовъ, говоритъ о немъ одинъ изъ сослуживцевъ,—умный и образованный человѣкъ, въ немъ много природнаго остроумія, онъ хорошо знаетъ большой свѣтъ, образованъ и бѣгло говоритъ на многихъ иностранныхъ языкахъ, пріятный въ обществѣ, но гордъ и рѣзокъ со своими подчиненными [4]).

„Беклешовъ, замѣчаетъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій, не прославился никакимъ особымъ подвигомъ на военномъ поприщѣ, но сдѣлалъ имя свое извѣстнымъ на гражданскомъ“ [5]). Съ назначеніемъ Беклешова въ 1783 г. губернаторомъ въ Ригу начинается его административная дѣятельность [6]).

Назначеніе его на этотъ важный постъ совпало со введеніемъ въ Прибалтійскомъ краѣ учрежденій о губерніяхъ 1775 г. (съ 3 іюля 1783 г.), городоваго положенія и дворянской грамоты 1785 г. Примѣненіе общихъ учрежденій въ краѣ вызвало неудовольствіе и противодѣйствіе правительственнымъ распоряженіямъ, но Екатерина II все таки настояла на исполненіи своихъ требованій и они были введены въ дѣйствіе [7]). Но по-

[1]) Въ 1770 г. онъ былъ въ походахъ на военныхъ корабляхъ въ Архипелагѣ, въ 1771 г. въ десантѣ на островѣ Негропонтѣ и Митиленѣ, а также въ сраженіяхъ при взятіи Форштата и сожженіи строившихся турецкихъ кораблей.

[2]) Сочиненія и переводы В. И. Майкова, стр. 56.

[3]) Словарь достопам. людей Русской земли 1847, I, 169—171.

[4]) Записки Густава фонъ-Штрандмана (Русск. Стар. 1884, т. XLIII, 77).

[5]) Словарь, стр. 171.

[6]) По словамъ Вигеля, Екатерина II руководилась въ этомъ назначеніи между прочимъ знаніемъ его нѣмецкаго языка (Воспоминанія, I, 123).

[7]) Подробности объ этомъ см. въ ст. Ив. А. Тихомирова: „Екатерининскія реформы въ Прибалтійскомъ краѣ“ (Вѣст. Евр. 1877, № 12, стр. 625—647; Прибалт. Сборн. I, 344—374: Записки Нейендаля; Архивъ Госуд. Совѣта, I, 391—398).

воду введенія новыхъ учрежденій въ Прибалтійскомъ краѣ Беклешовъ былъ вызванъ въ Петербургъ и участвовалъ въ засѣданіи Сената, въ которомъ выработанъ былъ обширный актъ о порядкѣ примѣненія ихъ въ этомъ краѣ [1]). Точно также къ царств. Екатерины II относится цѣлый рядъ распоряженій (см. II. Собр. Зак., гг. 1769, 1785, 1788, 1789) объ изученіи русскаго языка юношествомъ и чиновниками Остзейскаго края. Когда же были посланы туда для ревизіи гр. А. Р. Воронцовъ и кн. Долгоруковъ (въ 1784 г.) то въ наказѣ имъ было замѣчено, „чтобы въ тамошнихъ училищахъ преподаваемъ былъ россійскій языкъ, какъ необходимо нужный“ и „безъ котораго употребленіе въ должности весьма неудобно“. Сумма, поднесенная императрицѣ (7000 р.), въ видѣ подарка отъ жителей, по случаю бракосочетанія вел. кн. Павла Петровича, передана была ею въ приказъ обществен. призрѣнія „для заведенія въ тамошнихъ школахъ ученія русскаго языка“, а при учрежденіи народныхъ школъ (въ Ригѣ, Валкѣ, Ревелѣ) постоянно напоминалось о преподаваніи въ нихъ и русскаго языка. Послѣ означенной ревизіи Екатерина потребовала, чтобы въ верхнихъ и нижнихъ расправахъ между сельскими засѣдателями находились не одни чиновные люди, *но и изъ поселянъ,* по указанному порядку, и чтобы въ нижнихъ земскихъ судахъ, гдѣ имѣются деревни казеннаго вѣдомства, были выбраны сельскіе засѣдатели [2]). И современники, такъ оплакивавшіе старые порядки, сознавали, что при жизни императрицы „никакая оппозиція старыхъ пергаментовъ немыслима“ (Нейендаль). Учрежденія Екатерины, какъ извѣстно, были отмѣнены въ краѣ вскорѣ по вступленіи на престолъ ея преемника (1796 [3]).

Беклешовъ пробылъ въ Ригѣ продолжительное время (1783—1790), когда намѣстникомъ края состоялъ извѣстный гр. Ю. Ю.

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XXII, стр. 924, № 16584, указъ 12 окт. 1787 г.

[2]) Прибалтійскій Сборникъ, I, 331—345; Остзейское дворянство и дворян. жалов. грамота, А. А. Чумикова, по статьямъ Бинемана въ Balt. Monatschrift (Рус. Стар. 1885, т. XLVI, 193—204). Екатерина обратила вниманіе и на приготовленіе пасторовъ изъ русскихъ подданныхъ, вмѣсто иноземныхъ (Русск. Старина XXIII, 717).

[3]) Кромѣ губерн. правленій и казенныхъ палатъ.

Броунъ (1762—1792). „Тогдашній лифл. ген. губ. Броунъ, пользовавшійся большимъ расположеніемъ императрицы, могъ бы отвратить отъ насъ намѣстничества, но этотъ старый солдатъ слѣпое повиновеніе считалъ вообще высшимъ нравственнымъ качествомъ всякаго и первымъ качествомъ въ подчиненномъ", говоритъ Нейендаль [1]). Понятно, что Броунъ нашелъ въ Беклешовѣ весьма дѣятельнаго помощника, который въ подробностяхъ изучилъ порядокъ новыхъ учрежденій. При всемъ томъ онъ съумѣлъ заслужить любовь мѣстнаго населенія, что́ не особенно нравилось всесильному тогда ген.-прокурору Вяземскому. Вообще, по отзыву лицъ, близко знавшихъ Беклешова, это былъ человѣкъ съ большими талантами и вполнѣ пригодный для выполненія возложенной на него задачи. Уже тогда (1784) признавали, что изъ него выйдетъ одинъ изъ лучшихъ намѣстниковъ [2]). Такъ судили о Беклешовѣ въ Петербургѣ. Но почти также судили о немъ и нѣмцы, явно нерасположенные къ тѣмъ нововведеніямъ, которыя онъ же проводилъ; а это, конечно, объясняется лишь личными качествами Беклешова. „Губернаторомъ сюда прислали человѣка, который обладалъ качествами, необходимыми для такой должности, говоритъ Нейендаль. Высокомѣрный, дѣятельный, несвѣдущій по судебной части, но обладающій большими умственными способностями, съ желаніемъ реформъ началъ онъ свое дѣло. Но окончилъ лучше, чѣмъ началъ. При прощаніи онъ признался, что въ Лифляндіи многому научился, что намѣстническое управленіе здѣсь не нужно... Сердце его не было испорченнымъ, но горячность часто увлекала его" [3]).

При выборѣ городскаго головы Беклешовъ рекомендовалъ своего кандидата, но выборъ палъ на другое лицо, къ которому онъ былъ нерасположенъ. Впрочемъ это не измѣнило отношеній Бе-

---

[1]) Прибалт. Сборн., I, 362.

[2]) Письмо гр. А. Р. Воронцова къ брату С. Р. В—ву (Воронц. Архивъ XXXI, 459). Воронцовъ судилъ о немъ на основаніи ревизіи, произведенной въ рижской и ревельской губ. Послѣ этого онъ оказывалъ Беклешову постоянное вниманіе (ib. XIV, 443).

[3]) Прибалт. Сборн. I, 364—365; IV, 396. Извѣстный лифл. дѣятель Іохманъ, напротивъ, высказалъ мнѣніе что намѣстничества потому не удались въ Лифляндіи, что превосходили пониманіе современныхъ лифляндцевъ (ib. IV, 395).

клешова. Онъ много содѣйствовалъ умиротворенію между городомъ и благотворительными учрежденіями, имѣвшими денежныя претензіи къ городскому управленію. Онъ отличался, по замѣчанію современника, заботою о точномъ исполненіи всѣхъ приказаній. Никогда дѣла не рѣшались столь быстро, какъ въ то время. Но особенное вниманіе Беклешовъ обращалъ на школы и заботился объ ихъ распространеніи. Споръ между губернскимъ магистратомъ и шестигласною думою относительно права на назначеніе учителей при соборной школѣ, подалъ Беклешову желанный поводъ взять въ свои руки и надзоръ надъ городскими школами. Въ нѣмецкихъ школахъ введена была система Янковича-де-Миріево и преподаваніе русскаго языка. Вообще, не сочувствуя самымъ порядкамъ, введеннымъ въ краѣ, мѣстный патріотъ постоянно говоритъ о честности, возвышенномъ умѣ и доброй волѣ Беклешова, которыхъ послѣдній не могъ передать своимъ преемникамъ [1]). Онъ не жалуется на то, что Беклешовъ заботился о пополненіи мѣстнаго гражданства русскимъ элементомъ, но прибавляетъ, что Беклешовъ прекрасно понималъ, что для того, чтобы сдѣлать свой народъ похожимъ на насъ (т. е. нѣмцевъ), онъ долженъ былъ начать съ школьнаго обученія, до того времени пренебрегаемаго [2]).

Понятно, что среди борьбы стараго и новаго порядка, старыхъ и новыхъ мнѣній о существующихъ мѣстныхъ отношеніяхъ, введеніе новыхъ условій жизни не могло пройти спокойно. Это отразилось и на приведенныхъ выше взглядахъ на новые

[1]) Записки Нейендаля (Прибалт. Сборн., I, 368—372; IV, 410—412).

[2]) Ibid. т. IV, стр. 411, 414. Управленіе Беклешова въ этомъ краѣ вызвало потомъ такой отзывъ: „Его дѣятельность, какъ администратора русскихъ окраинъ, могла бы и въ наше время послужить примѣромъ управленія этими областями“ (замѣч. Ю. Ѳ. Самарина къ Запис. Шишкова, Берл. 1870, I, 81). Рѣзкія замѣчанія Екатерины II о дѣйствіяхъ рижскаго магистрата относительно русскихъ см. въ „Бесѣдѣ Екатерины II съ Далемъ“ (риж. таможен. инспекторъ), записанной имъ же (Рус. Стар., т. XVII, стр. 1—20): „Ни одну націю, какая бы она ни была, не отстраняютъ отъ полученія права гражданства; каждый воленъ пріобрѣсть его; одна русская нація (въ Лифляндіи) исключается. Я не могу довольно надивиться этому“ и т. д. Тутъ императрица даже руки подняла, прибавляетъ Даль. Какъ извѣстно, по поводу заявленій лифляндскихъ депутатовъ въ коммиссіи Уложенія, Екатерина отозвалась: „Я не лифляндская императрица, а всероссійская“ (Сборн. Рус. ист. общ., X, 273).

порядки, и въ современной публицистикѣ, которая могла проявляться только въ иностранной нѣмецкой печати. Уже въ цар. Павла I рижская цензура разсматривала книгу („рижское сочиненіе"), посвященную „описанію Прибалтійскихъ провинцій", въ которой она отмѣтила слѣдующія сомнительныя и „неблагопристойныя" мѣста, а именно: хулу на бывшаго градскаго голову; поношеніе таможеннаго совѣтника Даля; замѣчаніе якобы генералъ Беклешовъ не имѣетъ основательнаго познанія въ наукахъ; членъ коммиссіи училищъ Янковичъ названъ іезуитомъ; введеніе покойною императрицею учрежденій въ Лифляндіи называется „метаморфозою"; гдѣ токмо россіянъ касается, вездѣ говоритъ съ униженіемъ; русскаго адвоката называетъ стряпчикомъ; унижаетъ россійское купечество, раздѣляемое по капиталамъ, и даетъ преимущество рижскому, яко бы ученому; о стѣсненной россійской торговлѣ [1]). Книга эта, въ числѣ многихъ другихъ, была признана Совѣтомъ къ выпуску „неудобною" [2]).

Такимъ образомъ уже въ то время реформа въ Прибалтійскомъ краѣ возбуждала оживленные толки и даже полемику. При этомъ необходимо замѣтить, что Екатерина II особенно неблаговолила къ образу дѣйствій лифляндцевъ. „Вообще очень предосудительна эта страсть лифляндцевъ къ тяжбамъ, говорила она Далю... Ихъ запутанныя дѣла затрудняютъ даже мѣстные суды, они пользуются дружбою и родствомъ съ ними судей и вредятъ себѣ болѣе всего при подкупѣ ихъ. Мнѣ извѣстны многія ихъ продѣлки по здѣшнимъ коллегіямъ, и онѣ весьма мнѣ не нравятся". Лифляндію она называла „сутяжническимъ краемъ".

„Въ этомъ отношеніи, прибавила она, Эстляндія имѣетъ надъ нею не малое преимущество: *тамъ нравы и образъ мыслей лучше лифляндскихъ*" [3]).

[1]) Цензура въ Россіи при импер. Павлѣ, сообщено по документамъ Г. Рѣпинскій (Рус. Старина, т. XIV, 463—164).

[2]) Очевидно здѣсь идетъ рѣчь о книгѣ: „Einige Bemerkungen über M. Karl Philipp Michael Seels Beschreibung der russischen Provinzen an der Ostsee, als ein Beilage oder ein Anhang dazu". Göttingen, 1798 (Архивъ Госуд. Совѣта, т. II, стр. 484). Въ этомъ, недавно вышедшемъ, томѣ (Спб. 1888), посвященномъ цар. Павла I, на стран. 426—514 помѣщены реестры книгъ, разсмотрѣнные Совѣтомъ въ цар. Павла, съ отмѣтками рѣшеній относительно послѣднихъ.

[3]) Рус. Старина, XVII, 17—18.

При всѣхъ подобныхъ трудностяхъ въ дѣлѣ управленія, Беклешовъ, какъ мы видѣли, заслужилъ однако симпатіи болѣе прочныя, чѣмъ тѣ, которыя основываются на однихъ личныхъ отношеніяхъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ отзывы людей, близко знавшихъ тотъ край и интересовавшихся его судьбою. Такъ, одинъ изъ дѣятельныхъ администраторовъ времени Екатерины II, Я. Е. Сиверсъ, признавалъ отозваніе Беклешова несвоевременнымъ, такъ какъ онъ близко изучилъ положеніе края, и при этомъ сообщаетъ о торжественныхъ проводахъ, устроенныхъ ему [1]). Беклешовъ еще въ должности лифляндскаго губернатора, пріобрѣлъ себѣ репутацію честнаго человѣка, которая осталась за нимъ и на другихъ мѣстахъ, замѣчаетъ баронъ Гейкингъ [2]).

II.

Съ производствомъ въ генералъ-поручики (1789), Беклешовъ былъ назначенъ намѣстникомъ (генералъ-губернаторомъ) орловскаго и курскаго намѣстничествъ (1790 [3]), гдѣ онъ и оставался до вступленія на престолъ имп. Павла I (1796). Съ именемъ Беклешова въ этой должности соединяется утвержденіе штатовъ для малыхъ народныхъ училищъ въ орловскомъ намѣстничествѣ [4]). До насъ же дошло (мнимое) „прошеніе карачевскихъ экономическихъ крестьянъ орловскаго намѣстничества ген.-губ. Беклешову [5])“, касающееся одного изъ жгучихъ тогда вопросовъ—питейнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ рисующее предъ нами какъ

---

[1]) Des Graíen Sievers Denkwürdigkeiten, v. K. Blum, II, 527—528.

[2]) Записки его (Рус. Стар. 1887, LVI, 808).

Исторія этихъ отношеній съ нѣмецкой точки зрѣнія изложена въ книгѣ Фр. Бинемана: Die Staatthalterschaftszeit in Liv-und Estland, 1783 — 1796, Leipz. 1886 (о Беклешовѣ сс. 248, 267, 304, 344—348.

[3]) Сначала онъ предназначался было губернаторомъ въ Москву, такъ какъ Екатерина обратила тогда вниманіе на мартинистовъ, но это предположеніе почему-то не состоялось (Рус. Арх. 1872, I, 534).

[4]) Матеріалы для исторіи и статистики орлов. губ., собр. А. Пупаревымъ, I, 1877. Ор., с. 118.

[5]) Оно озаглавлено: „Карачевской округи села Бутыры отъ экономич. крестьянина Ив. Говорухина всепокорнѣйшее прошеніе“. Село Бутры—въ 31 верстѣ отъ г. Карачева орл. губ.

мѣстную администрацію, такъ и самого Беклешова. „Оглянись, государь А. А. на наши горькія слезы, пишутъ ему крестьяне, защити отъ воровъ повѣренныхъ и цѣловальниковъ, какъ они насъ разоряютъ, вѣдь намъ г—рь не вмочь стало; просить некого, кромѣ тебя, нигдѣ суда не сыщешь, всѣ у нихъ на жалованьи... Наставили, г—рь, выставокъ (для продажи вина) въ нашихъ селахъ и деревняхъ экономическихъ, да и споили ребятъ, что доимки и податей платить некому, такъ что и бабы спились, все хозяйство пропили; а воры тому и рады, все берутъ въ закладъ, и вино держутъ доброе, да продаютъ его по 60 алтынъ за ведро, такъ нехотя пьешь". Представивъ картину пьянства въ народѣ и взяточничества судей и чиновниковъ, авторъ письма замѣчаетъ: „*Какъ пздилъ ты, государь, по городамъ*, такъ мы хотѣли тя просить, чтобъ ты ворамъ то велѣлъ согнать отъ насъ выставки, такъ насъ въ то время исправникъ, подхватя въ беремя, да и посадилъ подъ караулъ, пока ты проѣхалъ, для того вѣдь онъ отъ нихъ, воровъ, получаетъ по 300 р. въ годъ, да вина и водки что выпьетъ! .... Даромъ, что иные кажутся набожные судьи, да псалтирь съ акаѳистами читаютъ, а правды въ нихъ нѣтъ ни на алтынъ, а за воровъ—откупщиковъ такъ рады и на крестъ пойти. Небось, г—рь А. А., въ господскихъ то деревняхъ воры-то съ выставками не суются, тѣ (господа) и сами къ тебѣ дорогу найдутъ, да что? полно, сами шинкуютъ: у насъ въ округѣ такъ въ пятеромъ вмѣстѣ господа-тѣ продаютъ"... Въ заключеніе, въ письмѣ находимъ слѣдующее заявленіе, имѣющее прямое отношеніе къ Б—ву: „Ужъ не любятъ тебя, г—рь, они воры, и бранятъ чортъ знаетъ какъ! У насъ давно повѣренный проговорился: „что во чтобы-де ни станетъ, а твою милость хотятъ съ мѣста сжить: наши-де хозяева и съ большими боярами знакомы! то чтобъ они, воры, не подъискались и подъ тобой. *Ужъ спасибо, что ты на нихъ добрая коса.* За симъ кланяюсь, продли тебѣ Господи живота и вѣку" [1]).

---

[1]) Рус. Стар. 1875, XII, 402—405; варіантъ въ Рус. Арх. 1871, с. 1527—1532. Въ прошеніи говорится о злоупотребленіяхъ по продажѣ вина въ имѣніяхъ Теплова, Зиновьева, Панина и др. „Графъ такъ опузатѣлъ отъ вина, что ему любо" замѣчаетъ авторъ прошенія объ одномъ изъ окрестныхъ помѣщиковъ.

Беклешовъ имѣлъ постоянное пребываніе въ Курскѣ и былъ настоящимъ его основателемъ, обстроивъ его, украсивъ и введя въ немъ лучшія условія общежитія. Курская губ., уѣзды которой, примыкающіе къ Малороссіи, были издавна наполнены бѣглыми людьми и преступниками, при немъ только перестала быть разбойничьимъ вертепомъ [1]). Въ той же губерніи Беклешовъ заявилъ себя преслѣдователемъ „позорнаго поведенія, продерзостныхъ и насильственныхъ поступковъ“ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, каковы Позняковъ и братья Алисовы, имѣнія которыхъ были взяты, по его распоряженію, въ опеку. Дѣло о нихъ восходило на разсмотрѣніе Совѣта (1792), который и одобрилъ мѣры, принятыя Беклешовымъ относительно послѣднихъ [2]). Не менѣе строго относился онъ и къ злоупотребленіямъ мѣстныхъ чиновниковъ [3]).

Впрочемъ не видно, чтобы Беклешовъ пользовался въ это время особеннымъ личнымъ расположеніемъ Екатерины [4]), быть можетъ подъ вліяніемъ ген.-прокурора кн. А. А. Вяземскаго († 1793), не благоволившаго къ нему. Между тѣмъ, по отзыву А. А. Безбородка, Беклешовъ былъ бы „всѣхъ лучше“ даже на такой отвѣтственной должности, какова генералъ-кригсъ-комиссара, при тогдашнихъ (1792) военныхъ затрудненіяхъ [5]). Въ сент. 1795 г. Д. П. Трощинскій писалъ гр. А. Р. Воронцову: „Приношу благодареніе в. с—ву за участіе, которое изволите принимать по случаю деревень мнѣ пожалованныхъ. Что касается до А. А. Беклешова, онъ вмѣстѣ съ Коновницынымъ былъ помѣщенъ отъ генералъ-прокурора (А. Н. Самойлова) и на меня почти было разсердились, что я горячо принимался доказывать отличность служенія его и способностей. По всему примѣтилъ я, *что онъ оболганъ* со временъ Державинскихъ, ибо упомянуто было тутъ то соляное дѣло, противъ котораго Державинъ изъ меморій сенаторскихъ претестовалъ и по коему тогда именной

---

[1]) Вигель, ч. I, с. 123—124; ср. Рус. Арх. 1871, 1528.

[2]) Арх. Госуд. Совѣта, т. I, ч. II, 389.

[3]) Записки И. О. Острожскаго-Лохвицкаго („Кіевская Старина“ 1886, XVI, 344—350).

[4]) Храповицкій, 390.

[5]) Архивъ кн. Воронцова, XIII, 252.

указъ послѣдовалъ. Сколько ни старался я оправдать его, но ничто не помогло и имя его велѣно пропустить мимо“ [1]).

И въ 1796 г. онъ былъ принятъ императрицею не особенно милостиво [2]). Нѣкоторое отдаленіе Беклешова отъ двора въ концѣ цар. Екатерины II было уже достаточнымъ основаніемъ, чтобы заслужить благоволеніе ея преемника. Такъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ Павла I, онъ былъ назначенъ (въ чинѣ ген. лейт.) черниг. воен. губернаторомъ (2 дек.) и управлять малороссійскою губ. [3]); черезъ два дня (4 дек. 1796 г.)—воен. губ. Каменца и начальникомъ к.-подольской, волынской и минской губ., съ жалованьемъ высшаго оклада [4]), а по случаю коронаціи императора пожалованъ имѣніемъ въ 1000 д. крестьянъ, въ курской губ. (5 апр. 1797 г. [5]); вскорѣ затѣмъ—чиномъ генералъ-отъ инфантеріи (10 апр. 1797 г. [6]); но уже 14 марта 1798 состоялся указъ о переименованіи его въ дѣйств. тайн. сов. и назначеніи сенаторомъ [7]). Къ сожалѣнію наши мѣстные архивы еще мало разработаны, а потому и свѣдѣнія, касающіяся исторіи мѣстной администраціи не могутъ быть пока обстоятельны и полны. Нельзя не пожалѣть также, что въ то время, какъ во многихъ внутреннихъ губерніяхъ Россіи возникли уже архивныя коммиссіи, успѣвшія сосредоточить въ своемъ вѣдѣніи значительныя коллекціи документовъ, извлеченныхъ изъ губернскихъ и частныхъ архивовъ, или приступить къ описанію ихъ и даже печатанію нѣкоторыхъ матеріаловъ, губернскіе архивы юго-западнаго края остаются

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XII, 385.

Дѣло о соли разсматривалось въ Совѣтѣ въ апр. 1792 г., который склонялся къ мнѣнію Беклешова о предоставленіи поставщикамъ нѣкоторыхъ льготъ, въ виду происшедшихъ въ началѣ контракта несчастныхъ обстоятельствъ и возвышенія провозной платы (Архивъ Госуд. Сов., т. I, ч. II, стр. 337—338).

[2]) Храповицкій, 392. Впрочемъ въ томъ же году онъ получилъ уже орденъ Александра Нев. (Бантышъ-Каменскій, I, стр. 171; Біографіи ген. прокур., П. Иванова, стр. 70).

[3]) Сенатскій Архивъ, Спб. 1888, стр. 20.

[4]) Ibidem 21, 96, 342, 475; ср. Губернскій служебникъ, кн. Н. Туркестанова, Спб. 1869, стр. 122; Полн. Соб. Зак., XXV, 22.

[5]) Сенат. Архивъ, стр. 156, 271.

[6]) Ивановъ, стр. 70.

[7]) Сенат. Арх., стр. 364; а затѣмъ зачисленъ былъ и въ свиту императора (540).

совсѣмъ нетронутыми, если не считать нѣкоторой части документовъ изъ разныхъ архивовъ, переданныхъ въ Кіев. центр. архивъ, разборъ которыхъ, при наличныхъ силахъ послѣдняго, не можетъ вестись правильно и систематически. И въ то время какъ документы генералъ-губернаторскихъ архивовъ: московскаго (въ Рус. Архивѣ), виленскаго (описаніе Энгеля, впрочемъ неоконченное) и даже оренбургскаго (Сборн. Археол. Института, т. V) подвергались извлеченіямъ и описанію, архивъ кіевскаго генералъ-губернаторства остается почти неприкосновеннымъ; а между тѣмъ сколько весьма важныхъ матеріаловъ должно храниться въ немъ!

Но возвратимся къ нашему предмету. По поводу назначенія Беклешова въ К.-Подольскъ, придворный врачъ Рожерсонъ писалъ гр. С. Р. Воронцову: „Мы счастливы по причинѣ назначенія Беклешова на мѣсто Тутолмина, который былъ ненавидимъ до такой степени, что нѣкоторые опасались какого нибудь взрыва противъ него, такъ какъ онъ былъ надмененъ и допускалъ взяточничество свыше всякой мѣры“ [1]). Князь Ад. Чарторижскій характеризуетъ Беклешова за время управленія имъ южными губерніями въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Это былъ человѣкъ старо-русской партіи, съ виду грубый, который не зналъ французскаго яз. или съ трудомъ понималъ его (что не вполнѣ вѣрно, судя по перепискѣ Беклешова), но который, подъ весьма грубою внѣшностію, хранилъ правдивое сердце, твердое и сострадательное къ бѣдствіямъ другихъ. Его репутація, какъ благороднаго человѣка, была прочно установившеюся. Онъ съумѣлъ сохранить эти качества даже во время своего управленія южными губерніями. Тамъ онъ показалъ себя справедливымъ въ отношеніи къ управляемымъ и строгимъ въ отношеніи къ

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова. т. XXX, стр. 83. Сиверсъ въ 1790 г. радовался слуху о назначеніи Беклешова архангельскимъ намѣстникомъ вмѣсто Тутолмина (Beum, II, 527).

Конечно отзывъ о дѣятельности Тутолмина слѣдуетъ принимать съ большимъ ограниченіемъ (см. сборникъ: „Матеріалы для истор. Подольской губ.“ 1792—96 г., В. І., Кам. Под. 1885, изъ Под. Губ. Вѣд.). Къ сожалѣнію болѣе важные документы изъ личнаго архива Тутолмина еще не напечатаны.

подчиненнымъ. Онъ противодѣйствовалъ, насколько могъ, воровству, злоупотребленіямъ, обманамъ. Онъ не могъ терпѣть, чтобы его повѣренные злоупотребляли правосудіемъ ради своего прибытка. Онъ вышелъ чистымъ и незапятнаннымъ изъ этого испытанія, окруженный признательностью мѣстныхъ жителей. Подобныхъ примѣровъ весьма мало среди высшихъ сановниковъ" [1]). Отзывъ этотъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что Беклешовъ далеко не былъ потаковникомъ польскихъ стремленій и вкусовъ, хотя съ восшествіемъ на престолъ Павла и возстановлены были нѣкоторыя изъ прежнихъ учрежденій [2]). Во время управленія Беклешова каменецъ-подольскою, волынскою и минскою губ. [3]) состоялись между прочимъ постановленія: о невыселеніи евреевъ изъ г. Каменца-Подольскаго [4]), о назначеніи суммъ съ поіезуитскихъ имѣній на школы и объ употребленіи польскаго языка лишь въ дѣлопроизводствѣ низшихъ судовъ, а въ главныхъ судахъ русскаго и польскаго языковъ совмѣстно [5]).

Въ бытность свою въ Каменцѣ Беклешову пришлось также заняться устройствомъ корпуса принца Конде, принятаго импер.

---

[1]) Mémoires du prince Adam Czartoryski, I, Paris, 1887, p. 225—226.

[2]) Въ одной анонимной „русской запискѣ" объясняется, что вражда къ Тутолмину возбуждалась самими поляками, а обвиненіе его во взяткахъ не подтвердилось. Съ восшествіемъ на престолъ Павла, читаемъ далѣе, „Волынская губ. получила новаго генералъ-губ. Беклешова и новаго губ. Миклашевскаго: сего очень хвалятъ потому, что ничего не дѣлалъ и былъ въ должности только одинъ годъ; но Беклешова не запомнятъ во вѣки, по многимъ знакамъ его къ нимъ дружбы, подобно Ѳ. Ѳ. Эртелю и покойному Шишковскому, имъ оказанной, отъ того не смѣли ни роптать, ни жаловаться, особливо когда на мѣсто Миклашевскаго пріѣхалъ губернаторъ Гревсъ, который на вечеринкахъ у себя заставлялъ ихъ слушать вмѣсто музыки бой двадцати четырехъ барабановъ... Скорая отставка, а потомъ и смерть избавили его отъ ихъ преслѣдованія". („Кіев. Стар." V, с. 123—125). „При немъ, замѣчаетъ о Беклешовѣ Ю. Ѳ. Самаринъ, балтійскіе нѣмцы учились говорить по русски; поляки юго-западныхъ губерній забывали упражняться въ подпольныхъ интригахъ". (Зап. Шишкова, I, стр. 81).

[3]) Сенатскій Архивъ, I, 21; Полн. Собр. Закон., гл. XXV, 22.

[4]) П. Соб. Зак. XXIV, стр. 725: „Оставить на томъ основаніи, какъ они и въ др. городахъ свободное пребываніе имѣютъ".

[5]) Ibid. т. XXIV, 727—733: „дабы всѣ резолюціи и приговоры сочинять и писать на одной сторонѣ попольски, а на другой пороссійски; а переписку главнѣмъ судамъ съ присутств. мѣстами вести на рос. діалектѣ".

Павломъ въ 1797 г. въ русскую службу [1]), а когда возникли частые случаи нарушенія военной дисциплины, то 21 февраля 1798 г. былъ данъ Беклешову слѣд. грозный указъ: „По разнымъ безпорядкамъ, случающимся во французскихъ войскахъ, состоящихъ въ службѣ Его Велич., отъ которыхъ неоднократно и смертоубійства происходили, и въ коихъ по сіе время производились суды по прежнимъ ихъ обрядамъ, но съ сего времени для прекращенія оныхъ безпорядковъ, повелѣваемъ производить суды, сообразуясь съ уставомъ, изданнымъ Е. И. В.; для сего генералу отъ инфантеріи Беклешову и нарядить аудиторіатъ“ [2]). Расположеніе императора къ Беклешову не было однако ровнымъ и постояннымъ, какъ и къ другимъ, близкимъ къ нему людямъ. Уже 12 апр. 1797 г. Павелъ I писалъ послѣднему:

„Господинъ генералъ отъ инфантеріи Беклешовъ. Узнавъ черезъ присланный отъ васъ рапортъ къ генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову, что въ Хотинѣ и Молдавіи оказалась моровая язва, удивляюсь очень, что вы о семъ не меня *перваго извѣстили и поступили противъ предписанія должности на васъ возложенной*. Замѣчая изъ сего *наклонность къ обороту порядка вещей на прежнія постановленія* (т. е. екатерининскихъ временъ), объявляю вамъ, что въ случаѣ вторичнаго впаденія въ подобную погрѣшность, вы смѣнены быть имѣете яко человѣкъ не соотвѣтствующій воли моей и исполненія по повелѣніямъ вамъ даннымъ. Павелъ“ [3]).

Впрочемъ добрыя отношенія вскорѣ опять возстановились и, какъ видно, импер. Павелъ цѣнилъ въ Беклешовѣ опытность и знаніе дѣлъ. Такъ, 21 янв. 1798 г. онъ писалъ ему: „Але-

[1]) Французское войско на русскомъ содержаніи, подлинныя современныя бумаги (Рус. Арх. 1888, № 7, стр. 283—291).

[2]) П. Собр. Зак., № 18392.

Корпусъ Конде, въ составѣ 3 пѣх. и 3 кавалер. полковъ (7000 чел.), размѣщенъ былъ во Владимірѣ-Волынскомъ, Луцкѣ и Ковелѣ (П. С. Зак., т. XXV, № 18225).

Подробности см. въ статьяхъ Д. Рябинина: Людовикъ XVIII въ Россіи (Рус. Арх. 1877, III, 48—91) и Е. Н. Щепкиной: Армія роялистовъ въ Россіи (Ж. М. Н. Пр. 1889, № 1, стр. 36—79) по мемуарамъ эмигрантовъ, изображающимъ жизнь и положеніе ихъ въ Россіи.

[3]) Русская Старина 1882, XXXIII, 445.

ксандръ Андреевичъ. Кочубей [1]) ко мнѣ пишетъ въ письмѣ, вчера мною полученномъ, какъ будто бы турки, будучи по слабости своей убѣждены французами, подъ видомъ сопротивленія противу Позвантъ-Оглу, собираютъ войско съ тѣмъ, чтобъ соединя его съ войскомъ же Позвантъ-Оглу, французскимъ, идущимъ чрезъ прибрежныя Адріатикѣ земли, и австрійскимъ, заключившими на то союзъ, обратятся на меня, взявъ на претекстъ возстановленіе Польши. Письмо сіе многосложно, содержитъ въ себѣ и противорѣчія, писано при отъѣздѣ отъ мѣста, однимъ словомъ содержа и многія примѣчанія по поводу торговли, таможенъ и пошлинъ, побудило меня къ вамъ прямо отнестись и спросить, такъ ли и вы сіе видите и что вамъ изъ своего пункту кажется и по вашему благоразумію и испытанію. Во всякомъ случаѣ ожидаю отъ васъ увѣдомленія и даже скажу *руководства* дабы по сему мнѣ взять свои мѣры осторожности. Отсель впредь и для неизвѣстности каковъ Тамара [2]), буду съ вами въ перепискѣ приватной между нами двумя" [3]). Но въ мартѣ 1798 г. Беклешовъ былъ замѣненъ гр. И. В. Гудовичемъ и назначенъ въ Сенатъ [4]), съ переименованіемъ въ дѣйств. тайн. совѣт., а 13 іюня того же года, уже въ званіи ген. отъ инфантеріи, перемѣщенъ ген. губернаторомъ кіевскимъ и малороссійскимъ.

Впрочемъ столь частыя перемѣны не были участью одного Беклешова и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ не служатъ свидѣтельствомъ его личныхъ достоинствъ или недостатковъ. Подобная судьба постигала тогда многихъ, стоявшихъ на верху правленія: награды и опалы, повышенія и удаленія быстро чередовались другъ за другомъ и часто казались необъяснимыми даже для лицъ, близко стоявшихъ къ средѣ, окружавшей императора [5]). Но были и другія

---

[1]) В. П. Кочубей—представитель Россіи въ Константинополѣ (о его дѣятельности въ Біогр. канцлера А. А. Безбородка, Н. И. Григоровича).

[2]) Замѣнившій Кочубея—В. С. Тамара (о немъ тамъ-же, II, 405—406).

[3]) Русскій Архивъ 1870, стр. 287—288.

Нѣсколько распоряженій по управл. подольской губерніею (Сказанія о родѣ дворянъ и гр. Милорадовичей, К. 1884, стр. 52—55).

[4]) Сенатскій Архивъ, 364.

[5]) Обильный матеріалъ представляетъ въ этомъ отношеніи „Сенатскій Архивъ" за время царств. Павла I, изд. подъ ред. сенат, Рѣпинскаго, Спб., т. I,

затрудненія на служебномъ поприщѣ въ то время. Когда Беклешовъ хотѣлъ пріѣхать въ Петербургъ въ февр. 1798 г., то Д. П. Трощинскій писалъ гр. А. Р. Воронцову: „Ваше сіятельство весьма благое дѣло сдѣлаетс, отсовѣтовавъ А. А. Беклешову сюда пріѣзжать. Я всегда съ жалостію взираю на намѣстниковъ, когда они здѣсь, какъ ихъ трактуютъ, и теперь опытъ сему вижу въ А. А. Волковѣ, который, пробывъ здѣсь около мѣсяца, не удостоенъ болѣе разговоромъ какъ на пріемной и отпускной аудіенціяхъ, и то въ нѣсколькихъ генеральныхъ словахъ. Что же А. А. позволено сюда пріѣхать, о томъ никто не вспомнитъ, и скорѣе пріѣздомъ своимъ можетъ онъ какой либо подвергнуться непріятности, нежели тѣмъ, что здѣсь не будетъ [1])“. По назначеніи же Беклешова кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, тотъ же Трощинскій писалъ гр. Воронцову: „А. А. Беклешовъ здѣсь. Сколько сухо принятъ онъ былъ въ Москвѣ, столько напротивъ хвалится теперь благоволеніемъ, съ какимъ государь его принимаетъ. Все однако жъ онъ въ крайнемъ затрудненіи по поводу назначенія его въ Малороссійскую и Кіевскую губ. генералъ-губернаторомъ: *званіе, кое по нынѣшнему положенію, совсѣмъ разрушено*, и онъ самъ не знаетъ ни точной должности, ни предѣловъ власти онаго. Да и какъ ему въ самомъ дѣлѣ исправлять служеніе, когда полиція не въ его рукахъ и когда онъ будетъ внѣ всякаго сношенія съ Государемъ, ибо онъ только по гражданской части управлять долженъ, а съ сею частію не любятъ никакихъ представленій“ [2]). Уже 24 октября онъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ тѣмъ шефомъ кіевскаго гренадерскаго полка и инспекторомъ украинской дивизіи по инфантеріи [3]).

1888. Рядъ болѣе выдающихся перемѣнъ выбранъ изъ I тома въ статьѣ А. Брозина: „Къ характеристикѣ Павла I“ (Историч. Вѣст. 1888, № 6, с. 641—658).

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XII, 402.

[2]) Ibid. 404. Вѣроятно этими соображеніями объясняются нѣкоторые намеки на задержку Беклешова въ Петербургѣ (ibid. XVIII, 326).

[3]) Ивановъ, 70; ср. Воронц. Архивъ, XV, 141—142.

III.

Въ кратковременное цар. Павла I 9 генералъ-губернаторовъ смѣнилось въ Кіевѣ: пятымъ изъ нихъ былъ А. А. Беклешовъ [1]). При немъ (19 сент. 1798 г.) послѣдовало возобновленіе прежнихъ правъ и привилегій Кіева, а магистратъ возстановленъ былъ въ прежнемъ составѣ и съ прежними названіями членовъ [2]). Когда же 13 іюля 1798 г. состоялось высоч. повелѣніе, чтобы впредь церковныхъ парадовъ не было, предоставляя сіе единственно резиденціи, то кіевляне стали хлопотать чрезъ генералъ-губернатора Беклешова и въ концѣ того же года послѣдовала отмѣна означеннаго запрещенія. Кіевлянамъ разрѣшалось отправлять издавна введенную 6 янв. и 1 августа церемонію, т. е. всѣмъ цехамъ при сабляхъ и ружьяхъ съ хоругвями выходить, а почетнымъ гражданамъ въ одинаковомъ одѣяніи на лошадяхъ выѣзжать и на р. Днѣпрѣ при освященіи воды пальбу производить [3]). 23 октября 1798 г. Беклешову пришлось утвердить приговоръ кіевскаго главнаго суда надъ администраціею г. Сквиры, признанной виновной въ нанесеніи оскорбленій сквирскому магистрату, который оказывалъ противодѣйствіе захвату спорной земли поссессоромъ старостинскихъ имѣній кн. Любомирскаго паномъ Флор. Залѣсскимъ. По означенному рѣшенію городничій и исправникъ были отрѣшены отъ должности [4]). Въ февралѣ 1799 г. той же участи подверглись радомысльскій земскій исправникъ Беленихинъ и засѣдатель Глинка, за злоупотребленія и произвольную расправу во время ярмарки, происходившей въ Коростышевѣ; а именно, исправникъ не позволялъ открывать лавокъ евреямъ до 3 ч. дня, хотя, „по всей строгости законовъ“, въ праздничный день это воспрещалось только до конца обѣдни, и несмотря на

---

[1]) Закревскій, Описаніе Кіева, II, стр. 895. Есть неточности, исправляемыя Полн. Собр. Законовъ и Сенатскимъ Архивомъ.

[2]) Кіевское представительство прежняго времени („Кіев. Стар.“ 1882, II, 180).

[3]) Ibid. 189.

[4]) Во всѣхъ подробностяхъ этотъ любопытный эпизодъ изложенъ въ статьѣ Н. Н. Оглоблина, на основаніи дѣла кіев. главнаго суда уголов. департамента, хран. въ моск. арх. мин. юст. (Бунтъ сквирскаго магистрата, „Кіев. Стар.“ 1888, № 8, стр. 196—245).

то, что ярмарка продолжалась всего одинъ день; вмѣстѣ съ засѣдателемъ онъ забиралъ у евреевъ вино безплатно, отсылая послѣднихъ за уплатою денегъ къ помѣщику; крестьянъ и евреевъ подвергалъ жестокимъ побоямъ и т. п. [1]).

Внимательно относился Беклешовъ къ нуждамъ Кіева, уважая, съ одной стороны дѣйствовавшія права и привилегіи, а съ другой заботясь, чтобы войска въ немъ расположенныя, не обременяли обывателей города требованіемъ и вымогательствомъ излишняго по своимъ прихотямъ [2]). Съ именемъ Беклешова соединяется возникновеніе фаянсовой фабрики, устроенной въ упраздненномъ Межигорскомъ монастырѣ, на которую, по его распоряженію, была назначена сумма изъ городскихъ доходовъ [3]) и о поддержаніи которой онъ заботился впослѣдствіи (1801 г. [4]). Беклешовъ не любилъ „въ производствѣ дѣлъ излишняго и напраснаго письма, которое, кромѣ отягощенія.... въ пользу ни частную, ни государственную не служитъ“ [5]). Повидимому, онъ умѣлъ входить въ нужды мѣстнаго населенія и потому вездѣ оставлялъ послѣ себя хорошую память. Таковы, между прочимъ, его отношенія къ Г. П. Милорадовичу, А. С. Сулимѣ и др. [6]). Уже въ 1804 г. послѣдній отправлялъ своего сына въ Москву подъ покровительство Беклешова (бывшаго тогда военнымъ губ. столицы), для поступленія въ университетъ [7]).

Вигель, познакомившійся съ Беклешовымъ въ Кіевѣ [8]), сообщаетъ намъ свои впечатлѣнія о немъ и отзывъ лицъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія, какъ съ начальникомъ края. „Видъ брюзгливый, всегда недовольный, голосъ грубый, сначала рождали въ

---

[1]) Дѣло кіевскаго центр. архива, поступившее изъ архива присутственныхъ мѣстъ.

[2]) Историч. матеріалы. Изъ архива кіевскаго губерн. правленія. Составилъ Ал. Андріевскій. Вып. 10-й. К. 1886, стр. 141.

[3]) Полн. Собр. Законовъ, XXX, № 23551.

[4]) Историч. матер., изд. Андріевскимъ, X, 139—148.

[5]) Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей, 53.

[6]) Ibid. 52—55; „Кіев. Стар.“, т. VIII, 135. Изъ переписки Беклешова съ Миклашевскимъ видно, что онъ намѣревался ходатайствовать объ улучшеніи содержанія генеральнаго малорос. суда по запискѣ Сулимы.

[7]) „Кіев. Старина“, т. IV, 326.

[8]) Отецъ Вигеля, кіевскій комендантъ, учился вмѣстѣ съ Беклешовымъ.

подвластныхъ ему страхъ, говоритъ авторъ воспоминаній; твердость воли *и что-то откровенное въ обхожденіи* вселяли потомъ къ нему довѣренность, наконецъ, благодарность за добро, которое онъ никогда не отказывалъ дѣлать, кому только могъ, обращали все это *въ искреннее къ нему уваженіе*. Въ немъ была и русская хитрость, но онъ не тратилъ ее на мелочи, а употреблялъ для видовъ государственной пользы, не для собственныхъ успѣховъ при дворѣ.... *Какъ въ Ригѣ плѣнялъ онъ нѣмцевъ, заставляя ихъ однако же*, какъ говорится, *плясать по своей дудкѣ, такъ въ Кіевѣ успѣлъ обворожить поляковъ, которые для него рады были все сдѣлать*, мнѣ кажется, даже перемѣнить вѣру", прибавляетъ Вигель [1]).

Это умѣнье обходиться во всякомъ положеніи, нисколько не жертвуя принципами и долгомъ, поддерживаемыми притомъ твердою волею, опредѣленными требованіями, составляло, повидимому, ту отличительную черту дѣятельности Беклешова, которая привлекала къ нему уваженіе людей самыхъ разнообразныхъ взглядовъ, національностей и состояній.

Во время управленія Беклешовымъ кіевскою и малороссійскою губ., состоялись постановленія объ упраздненіи излишнихъ уніатскихъ монастырей въ ю.-з. краѣ [2]); о порядкѣ заключенія юридическихъ сдѣлокъ по поводу перенесенія (въ 1797 г.) зимней ярмарки (такъ наз. контрактовъ) изъ Дубна въ Кіевъ и о введеніи дѣлопроизводства въ судебныхъ мѣстахъ, какъ опредѣлено было въ подольской и волынской губ. [3]). Съ своей стороны въ 1798 г. Беклешовъ распорядился о передачѣ въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія обширнаго дома уніатскихъ митрополитовъ въ Радомыслѣ для помѣщенія въ немъ народнаго училища [4]).

---

[1]) Воспомин., I, 123—124.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. XXVIII, стр. 312—314.

[3]) Полн. Собр. Законовъ, т. XXV, стр. 552—555, № 18850, при чемъ также прибавлено, чтобы сношенія главнаго суда съ присутственными мѣстами велись непремѣнно на „россійскомъ діалектѣ". Подтвержденіе 1807 г. (XXIX, стр. 1026).

[4]) См. отношеніе кіев. казен. палаты въ прик. общ. призр. за № 6999 въ кіев. центр. архивѣ.

Помимо оффиціальныхъ отношеній, Беклешовъ велъ переписку съ своими ближайшими подчиненными. Такъ сохранились письма его къ малорос. почтъ-директору Г. П. Милорадовичу [1]), къ волынскому, а потомъ малорос. губернатору Миклашевскому (1797—800 г.) и др. Почти всѣ письма къ послѣднему писаны имъ собственноручно, довольно пространны и всѣ дѣловаго характера [2]). Вообще, Беклешовъ велъ дѣятельный образъ жизни, любилъ лично обозрѣвать ввѣренный его управленію край и на мѣстѣ убѣдиться въ сообщенныхъ ему свѣдѣніяхъ. Благодаря этому, сохранилась о немъ память въ орловской, курской, бывшей малороссійской и кіевской губ. и на этихъ, безъ сомнѣнія, обозрѣніяхъ, основываются тѣ „непечатныя“ литературныя произведенія, касающіяся его личной дѣятельности, о которыхъ намъ приходилось упоминать. Осенью 1798 г. Беклешовъ совершилъ „объѣздъ“ по кіевской губ., а весной 1799 г.—по малороссійской [3]). Благодаря этому же обстоятельству сохранились подробныя свѣдѣнія о состояніи г. Полтавы, входившей тогда въ составъ малороссійской губ. [4]).

Обратимся затѣмъ къ вопросу, который имѣетъ связь съ матеріалами, вызвавшими настоящія біографическія замѣтки. Мы разумѣемъ положеніе крестьянъ въ Малороссіи. Какъ извѣстно, 3 мая 1783 г. изданъ былъ указъ, совершенно запрещавшій переходы крестьянъ въ губ. кіевской, черниговской и новгородъ-

[1]) Сказанія о родѣ дворянъ и гр. Милорадовичей. К. 1884, 52—55.

[2]) Необходимо замѣтить, что почеркъ Беклешова крайне неразборчивъ. Современники называли его „слѣпымъ“, почему письма его вводили иногда въ недоразумѣніе. „Здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) уморили было гр. Ал. Гр. Орлова, по сходству имени съ Соловымъ. *Слѣпой почеркъ* А. А. Беклешова былъ тою причиною“, писалъ въ 1805 г. гр. Завадовскій гр. А. Р. Воронцову (Арх. Воронц. XII, 298).

[3]) Письма къ Миклашевскому.

[4]) Полтава 1799 г, на основаніи обширнаго рапорта городничаго кн. Шаховскаго Беклешову (Полтавскій адресъ-календарь на 1887 г., сост. подъ ред. Д. А. Трощинскаго; ср. „Кіев. Стар.“, т. XVII, 546–548). Въ правительственныхъ актахъ титулъ Беклешова обозначался различно: „малороссійскій воен. генералъ-губернаторъ, управляющій гражданскою частью малороссійской и кіев. губ. (Полн. Собр. Законовъ, XXV, 552); кіевскій и малороссійскій генералъ-губернаторъ (Сенат. Архивъ I, 409); малороссійскій военный генералъ-губернаторъ и кіевскій военный губернаторъ, (дѣла кіев. центр. архива).

сѣверской, вслѣдствіе чего малороссійскіе крестьяне сдѣлались такими же крѣпостными, какъ и крестьяне въ Великороссіи, и почти одновременно съ этимъ на козацкую старшину были распространены права великороссійскаго дворянства. Понятно, почему вскорѣ затѣмъ замѣчается значительный наплывъ „черкасъ“ въ землю войска донскаго, а именно въ 80-хъ и первой половинѣ 90-хъ годовъ [1]). По вступленіи же на престолъ Павла I, а именно 12 дек. 1796 г., прекращенъ былъ переходъ крестьянъ и въ губ. екатеринославской, вознесенской, кавказской, таврической, а также на Дону и на ос. Тамани [3]). Но, съ восшествіемъ на престолъ имп. Павла, возникаетъ рядъ волненій среди крестьянъ великороссійскихъ губ. (въ 17 губ.), которыя были подавлены болѣе или менѣе строгими репрессивными мѣрами. Между тѣмъ, еще въ день своего коронованія (5 апр. 1797 г.), Павелъ I издалъ манифестъ, которымъ повелѣвалось „всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлю 6 дней, *по равному числу оныхъ вообще раздѣляемые*, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ, въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, *при добромъ распоряженіи*, достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ“ [3]). Указъ этотъ считался преемниками имп. Павла прямымъ запрещеніемъ требовать отъ крестьянъ барщины болѣе трехъ дней въ недѣлю; но современники смотрѣли на него лишь какъ на добрый *совѣтъ* (напр. Радищевъ въ „Описаніи моего владѣнія“) и вообще признавали всю трудность исполненія его на дѣлѣ [4]).

---

[1]) Такъ, во время 3-й ревизіи (въ началѣ 60-хъ годовъ), когда черкасы на Дону были положены въ податной окладъ, ихъ оказалось болѣе 20,000 д., а по 5-й ревизіи, въ концѣ того же вѣка, ихъ было 54,000 за частными владѣльцами и 3800 д. за козачьими станицами.

[2]) Вслѣдъ же за этимъ имп. Павелъ запретилъ продавать крестьянъ въ Малороссіи безъ земли (Полн. Собр. Зак. XXV, № 18706).

[3]) Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 17909.

[4]) Такъ, въ неизданной запискѣ В. Малиновскаго 1802 г. „О освобожденіи рабовъ“ находимъ слѣд. признаніе: „Въ самое трепетное царствованіе имп. Павла I.... въ окружностяхъ столицы крестьяне работали на господина не по три дня,

Что же касается собственно Малороссіи, то указъ 5 апр., очевидно и не подозрѣвая того, тѣмъ самымъ повысилъ размѣръ повинностей въ этомъ краѣ, такъ какъ здѣсь въ теченіе XVIII вѣка была въ обычаѣ двухдневная барщина; а изъ нѣкоторыхъ другихъ данныхъ видно, что въ екатеринославской губ. и Малороссіи, гдѣ прежде крестьяне работали лишь два дня въ недѣлю, а иногда и менѣе, послѣ указа 1797 г. помѣщики возвысили размѣръ издѣльной повинности [1]).

Такимъ образомъ есть основаніе полагать, что недовольство крестьянъ въ Малороссіи противъ помѣщиковъ, вызванное указанными выше обстоятельствами, обратило на себя вниманіе Беклешова, а принятое имъ участіе въ этомъ дѣлѣ—послужило мотивомъ для стихотворнаго произведенія, озаглавленнаго „Вояжъ по Малой Россіи господина генерала отъ инфантеріи Беклешова“ и почти тождественнаго съ нимъ „Разговора“. Для нашей цѣли приведемъ здѣсь лишь нѣкоторыя мѣста перваго изъ нихъ и сдѣлаемъ необходимыя объясненія [2]).

„Да вже бо и воны (т. е. паны) мудрують
Колотать мовъ въ кошарѣ вовкъ
Изъ брата нашего длузують
Хиба бъ іого лихій умовкъ.
Такую роблять злу годину,
Що человѣка якъ скотину
Або ще гирше и собакъ
За всяку всячину друзюють,
Мовъ ненотребнаго ганьбують,
Ще не було николи такъ“....

„Громада“ выражаетъ радость, что Беклешовъ сталъ ихъ „на всѣ чотирѣ лиціовать“, „панамъ въ нисъ и бороду совать“, что при этомъ досталось „и голимъ поки оскому трохи збивъ, гладкимъ, брюхатымъ, товстоногимъ“; но въ особенности неудовольствіе автора направлено противъ „пана Канѣвскаго: щось нашъ лядащо усѣхъ насъ нехтуе ни на що, хиба жъ не жить на свѣтѣ намъ“:

какъ онъ указать изволилъ, а по цѣлой недѣлѣ: мужику съ бояриномъ далеко тягаться“.

[1]) Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой полов. XIX в., В. И. Семевскаго, I, 227—228; 231—233.

[2]) „Вояжъ“ будетъ напечатанъ въ ближайшей книжкѣ „Кіев. Стар.“— *Ред.*

„Усѣхъ на панщину гоняе
И жинокъ и дѣвокъ поти пре
И всяки витребеньки мае
Поки которе ажъ умре“....

Подъ живымъ впечатлѣніемъ этихъ невзгодъ народъ вспоминаетъ свои подвиги противъ ляховъ, татаръ, разбойниковъ... Достается отъ Беклешова и самому „пану Канѣвскому“ и „комисару тутъ случилось, чого николи и не снилось“... Такъ, Беклешовъ посѣщаетъ Золотоношу, Пирятинъ, Прилуки, гдѣ „на гречку всѣхъ перегонивъ“....

„А до Лубень якъ докосивсь
То вже и Богъ отступивсь;
Було пѣдпанкамъ и панамъ
Було соцькимъ и бургомистрамъ,
Секретарямъ и канцеляристамъ
Втрусивъ на кабаку и лѣкарямъ“.

Въ Кременчугѣ достается отъ него купцамъ и судьямъ. Затѣмъ, онъ посѣщаетъ Полтаву, Хоролъ, Зѣньковъ, Гадячъ, Ромны, Глуховъ, Новгородъ-Сѣверскъ.

„За бѣдный тамъ народъ вступився,
Що на панивъ якъ розсердився,
То трохи зъ крику не пропавъ.
Уже что панъ бувъ грѣхъ сказати
Такого рѣдко и пошукать....
Не добра бъ не взяла насъ мати
Було бъ іого за що згадать“.

Отсюда онъ собирался въ Черниговъ, но „паны“ предупредили кого слѣдуетъ и Беклешова вызвали въ Петербургъ [1]). Но и передъ отъѣздомъ онъ успѣлъ еще дать внушительное наставленіе:

„И помосковскій загинавъ
То волосъ дибомъ ажъ пиднявся.
. . . .
Не дуже уважавъ *панивъ*,
Забувъ и о святыхъ за крикомъ,
Такимъ злымъ напустився лихомъ,
Що ни сдумать, ни сгадать
. . . . . .

---

[1]) Изъ оффиціальныхъ данныхъ видно, что Беклешовъ въ этотъ объѣздъ посѣтилъ Переяславъ, Пирятинъ, Прилуки, Золотоношу, Лубны, Хоролъ, Кременчугъ и Полтаву, куда прибылъ 20 мая (Полтав. календ. Полта 17 99 г., стр. 108—109).

Не можна и пероимъ списать....
. . . . . .
Пани жъ усѣ перехристились,
Отъ лиха що освободились,
Іого-жъ тоби якъ не було".

Такъ заканчиваетъ свою печальную эпопею авторъ „Вояжа" [1]). Но обратимся отъ поэзіи къ исторіи. Въ дѣлѣ, поступившемъ въ кіевскій центр. архивъ, находится три жалобы, поданныя Беклешову 19 мая 1799 г. казеннымъ крестьяниномъ владимірской губ., женою козака с. Келеберды [2]) и наконецъ совмѣстно нѣсколькими козаками и выборнымъ того же селенія, въ которыхъ они заявляютъ, что дворовые люди живущаго въ означенномъ селеніи помѣщика кол. сов. (онъ же дворянскій совѣтникъ) Ив. Аким. Каневскаго чинятъ имъ постоянныя обиды, грабежи и убійства, а помѣщикъ покрываетъ ихъ своею властью и въ судъ не выдаетъ, чему способствуетъ по дружбѣ съ нимъ и коммиссаръ Гулакъ; тотъ же помѣщикъ жену козака Семенченка съ семействомъ выгналъ изъ ея дома и завладѣлъ грунтомъ, и, кромѣ того, грозитъ отнять лѣсъ, вопреки „монаршихъ законовъ, запрещающихъ помѣщикамъ козачьи грунты не только отнимать, но и покупать". Жалобщики указываютъ вообще на многочисленныя воровства, причиненныя людьми Каневскаго, и просятъ „назначить кого либо изъ постороннихъ особъ переислѣдовать сіе дѣло аккуратнѣйше безъ всякаго пристрастія и защитить милостію не только одно селеніе Келеберду, но и сосѣдственныя два, Липлявы и Прохоровку, отъ обидъ и постоян-

---

[1]) „Разговоръ" написанъ на ту же тему и касается того же путешествія Беклешова (въ прозѣ).

[2]) Жалобы помѣчены мѣстомъ принятія ихъ: „въ Прохоровкѣ". Сел. Келеберда и Прохоровка—владѣльч. и козачьи, по теченію р. Днѣпра, золотоношскаго уѣзда полт. губ. Несомнѣнно однако, что просьбы эти лишь обрывки цѣлаго дѣла о ревизіи малороссійской губ. ген. Беклешовымъ.

Любопытно также, что „прошеніе крестьянина карачевской округи" встрѣчается и въ южно-русскихъ фамильныхъ архивахъ. Списокъ его сообщилъ намъ пр. И. В. Лучицкій. Необходимо къ этому прибавить, что „стихотворныя прошенія" иногда составлялись даже на высоч. имя (см. дѣло 1826 г., напеч. въ Трудахъ рязан. архив. ком. 1888, стр. 93—94).

наго воровства, которыя всѣ они уже многіе годы терпятъ“ [1]).

Такимъ образомъ понятно, почему вниманіе населенія малороссійской губ. было сосредоточено на „объѣздѣ“ Беклешова и почему самое отозваніе его съ пути въ Петербургъ могло быть истолковано въ указанномъ выше смыслѣ. Уже вскорѣ по окончаніи ревизіи Беклешова послѣдовалъ указъ Сената (въ авг. 1799 г.), по которому кн. Шаховской, „по старости лѣтъ и крайней слабости здоровья“, былъ уволенъ отъ должности городничаго [2]); а изъ отрывковъ дѣла, переданнаго изъ архива кіев. губ. правленія въ кіевскій центральный архивъ, видно, что та же участь постигла нѣкоторыхъ городничихъ и земскихъ коммиссаровъ въ разныхъ мѣстахъ малороссійской губ. Что же касается вызова Беклешова въ Петербургъ, то объ этомъ онъ говоритъ въ слѣдующемъ письмѣ къ гр. А. Р. Воронцову отъ 1 августа 1799 г.

„Разныя перемѣны и отъ того разные переѣзды въ положеніи моемъ были причиною моего къ вамъ молчанія болѣе двухъ или около трехъ мѣсяцевъ [3]), пишетъ онъ; теперь кажется я уже *остепенился;* такъ что ласкаюсь быть на нѣкоторое время *безъ перемѣны* . . . . . Отъ 6 числа іюня имѣлъ я счастіе 12 числа, по пути объѣзда моего по Малороссіи, получить высочайшее повелѣніе прибыть въ Петербургъ, куда я 22 и прибылъ, осыпанъ милостію высочайшею и удостоенъ назначеніемъ быть генералъ-прокуроромъ, а 7 числа іюля, вмѣстѣ съ отставкою предмѣстника моего князя Лопухина, изданъ о томъ и указъ. И такъ я съ 8 числа и прокурорить началъ. Ваше сіят. знаете, que c'est une mer à boire, et je ne fais que m'orienter dans toutes les branches de cette colosse, котораго собственно окружность столь велика, что дабы обойдтить оную, *нужно многіе имыть мысы Доброй Надежды;* а какъ я при кормѣ теперь, скажу не

[1]) Резолюція о переизслѣдованіи дѣла и выѣздѣ, въ случаѣ надобности, на мѣсто всему суду, безъ промедленія, положена Беклешовымъ.

[2]) Полтавскій календарь, стр. 109.

[3]) Къ сожалѣнію переписка (вся) Беклешова съ гр. Воронцовымъ до сихъ поръ не напечатана въ многотомномъ изданіи „Воронцовскаго архива“ (36 т.).

ослѣпляясь самолюбіемъ, весьма недостаточнымъ свѣдѣніемъ, то и полагаюсь слѣпо на милость Божію и безприкладнаго госуря, и единственно высочайшее его руководство обнадеживаетъ меня пройдти путь сей.... Я, слава Богу, здоровъ, зарытъ въ бумагахъ; представленія, объясненія, проекты и пр. и пр. занимаютъ меня отъ утренней зари до глубокой ночи... Будьте ко мнѣ безпрерывно милостивы и не усумнитесь, что всякое ваше слово будетъ мнѣ пріятнѣйшимъ наставленіемъ, въ какомъ бы я состояніи ни былъ“ [1]).

Еще въ 1798 г., по поводу временнаго удаленія Беклешова, Безбородко писалъ о немъ гр. С. Р. Воронцову: „Изволите меня спрашивать о Беклешовѣ. Сей достойный мужъ пользовался кредитомъ не малое время. Большимъ усердіемъ потерялъ его. Причли ему въ вину, будто бы онъ хочетъ учить и вразумлять. Приписали въ непристойность, что онъ, доставляя вѣдомость о бѣжавшихъ, взялъ эпохою къ тому введеніе устава. Жаль, что его потеряли. Онъ кромѣ военной службы былъ бы *лучшій генералъ-прокуроръ и на многое годился бы*“ [2]). Въ то же время Завадовскій о немъ отозвался такъ: „я знаю его *большія способности для гражданскаго начальника* [3])“. На этотъ разъ ему предсказывали постъ генералъ-прокурора [4]). Дѣйствительно: 25 іюня 1799 г. состоялось его назначеніе въ члены Совѣта [5]), въ которомъ онъ тогда же занялъ вліятельное положеніе [6]); а 7 іюля онъ былъ назначенъ уже генералъ-прокуроромъ [7]) и пожалованъ кавалеромъ большаго креста св. Іоанна Іерусалимскаго [8]).

IV.

Какъ извѣстно, при Екатеринѣ II генералъ-прокуроръ пріобрѣтаетъ значеніе перваго министра. При Павлѣ значеніе это

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XIII, стр. 473—474.
[2]) Архивъ Воронцова, XIII, 394.
[3]) Русскій Архивъ 1883, II, 140.
[4]) Архивъ князя Воронцова, XIV, стр. 114.
[5]) Сенатскій Архивъ, I, 540.
[6]) Архивъ Госуд. Совѣта, II, 521—522.
[7]) Сенатскій Архивъ, I, 542.
[8]) Ивановъ, 70.

еще болѣе поднялось въ слѣдствіе того личнаго вліянія, какое сказывалось во всѣхъ распоряженіяхъ имп. Павла [1]). Беклешовъ былъ третьимъ прокуроромъ, назначеннымъ въ это кратковременное царствованіе. „Беклешовъ славился природнымъ умомъ, знаніемъ дѣла и въ особенности правдивостію и безкорыстіемъ. Назначеніе его на этотъ важный постъ было привѣтствовано всѣми какъ одинъ изъ счастливѣйшихъ выборовъ кратковременнаго, но обильнаго перемѣнами въ людяхъ царствованія", говоритъ гр. Корфъ. „Зналъ ли ты прежнихъ генералъ-прокуроровъ? спросилъ у него Павелъ при первомъ ихъ свиданіи: какой былъ генералъ-прокуроръ Куракинъ! Какой Лопухинъ! Ты да я, я да ты: впередъ мы одни будемъ дѣла дѣлать" [2]). Говорятъ, что выборъ Беклешова былъ рѣшенъ самимъ Павломъ [3]).

Беклешовъ, по отзывамъ современниковъ, любилъ науку и ученыхъ. Въ бытность свою орловскимъ намѣстникомъ онъ оказывалъ покровительство извѣстному писателю Клушину [4]). Сыну своего наставника Хр. Безака—П. Х. Безаку онъ подарилъ свой домъ въ Кіевѣ [5]). По вступленіи въ должность генералъ-прокурора, онъ обратилъ вниманіе на Сперанскаго, служившаго въ генералъ-прокурорской канцеляріи [6]) и эти первыя его отношенія къ молодому, способному чиновнику обратились потомъ въ постоянное расположеніе, которымъ такъ дорожилъ Сперанскій [7]). Съ такимъ же вниманіемъ отнесся онъ и къ И. И. Дмитріеву, служившему тогда оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ [8]). Правителемъ дѣлъ при Беклешовѣ въ Кіевѣ, а затѣмъ и генералъ-прокурорской канцеляріи былъ Петръ Ив. Аверинъ. Братъ его Пав.

---

[1]) Гречъ говоритъ: „въ то время генералъ-прокуроръ былъ родъ верховнаго визиря: ему подчинены были юстиція, полиція и финансы. Во всѣхъ прочихъ вѣдомствахъ были прокуроры, ему подчиненные" (Записки, Рус. Арх. 1873, I, 288).

[2]) Собственный разсказъ Беклешова Павлу Ив. Аверину, состоявшему въ близкихъ къ нему отношеніяхъ (Жизнь гр. Сперанскаго, Корфа, I, 49).

[3]) Записки Гейкинга (Р. Стар. LVI, 808).

[4]) Памятникъ претекшихъ временъ, Болотова, 117.

[5]) Записки Греча (Рус. Арх. 1873, I, 243, 294).

[6]) Корфъ; Жизнь гр. Сперанскаго, I, 49—50.

[7]) Въ память гр. Сперанскаго, 402—404.

[8]) Взглядъ на мою жизнь, 146. Поэтъ и мин. юстиціи при Александрѣ I.

Иван., также служилъ при Беклешовѣ, а оба они извѣстны по своимъ близкимъ связямъ съ тогдашними писателями и другими дѣятелями цар. Павла I и Александра I [1]).

Всѣ, однако, признавали трудность положенія Беклешова въ его новомъ званіи. Предшественникъ его былъ человѣкъ ловкій, свѣтскій, смѣтливый, довольно хитрый, доступный для всѣхъ. Пріемная его всегда была набита старыми знакомцами, искателями мѣстъ или чиновъ и ползунами безъ всякой цѣли. Подписывая бумаги, онъ забавлялся на ихъ счетъ или самъ забавлялъ ихъ веселыми разсказами. Но эта доступность и говорливость была только покровомъ души скрытной и ума проницательнаго и осторожнаго, замѣчаетъ Дмитріевъ. Лопухинъ не любилъ служебныхъ „докукъ", а въ рѣшеніи дѣлъ наклоненъ былъ всегда на сторону сенаторовъ, прежнихъ своихъ товарищей. Не предполагаю, чтобы онъ хотѣлъ сдѣлать кого несчастнымъ, но равно и того, чтобы онъ рѣшился стоять за правду, хотя бы съ потерею своего случая, прибавляетъ тотъ же Дмитріевъ [2]). Тѣмъ не менѣе, при всей своей изворотливости, Лопухинъ [3]) не устоялъ среди борьбы придворныхъ партій въ столь трудное время и вынужденъ былъ уступить мѣсто другому.

Этотъ другой—Беклешовъ,—по словамъ Дмитріева,—былъ не менѣе опытенъ и благоразуменъ, но трудолюбивѣе перваго. Онъ охотно и терпѣливо выслушивалъ доклады и объясненія оберъ-прокуроровъ и почти всегда утверждалъ ихъ заключенія; хотя канцелярія его, доброхотствуя иногда по тяжебнымъ дѣламъ сторонѣ проигравшей, и покушалась приводить его въ сомнѣніе на счетъ сенатскаго или оберъ-прокурорскаго заключенія; но если оберъ-прокуроръ былъ смѣлъ и настоятеленъ, то она не могла имѣть ни малѣйшаго вліянія. Беклешовъ былъ

---

[1]) О братьяхъ Аверинныхъ см. Сенатскій Архивъ, I, по указателю; Москов-универс. пансіонъ Сушкова, стр. 9; Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго, I, 53—54, 90; Библіогр. Записки, I, 517; Рус. Арх. 1879, III, 390; Сборникъ Рус. ист. общ. LX, стр. 3.

[2]) Стр. 143.

[3]) Дмитріевъ, 142 и письма гр. Растопчина къ гр. С. Р. Воронцову (Р. Арх. 1876, III, 82).

не безъ просвѣщенія, какъ и его предмѣстникъ, но въ обращеніи свѣтскомъ иногда былъ нескроменъ и не слишкомъ разборчивъ въ шуткахъ и выраженіяхъ [1]). Наконецъ, къ чести его должно сказать, что онъ мало уважалъ требованія *случайныхъ* при дворѣ, а потому часто бывалъ съ ними въ размолвкѣ, и чрезъ ихъ происки, подобно своимъ предмѣстникамъ, потерялъ свое мѣсто; но и понынѣ остался *въ доброй памяти* у всѣхъ безпристрастныхъ людей за его доброхотство и прямодушіе" [2]). Самъ Беклешовъ чуждался интригъ, въ какой бы формѣ онѣ ни проявлялись, сообщаетъ кн. Ад. Чарторижскій, близко знавшій придворную сферу того времени [3]).

Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ удаленію Беклешова, скажемъ въ общихъ чертахъ о его дѣятельности какъ генералъ-прокурора. Любопытно, что однимъ изъ первыхъ распоряженій его, имѣвшихъ общій характеръ, было секретное предложеніе губернскимъ властямъ—болѣе внимательно относиться къ крестьянскимъ движеніямъ, очевидно вызванное недавними событіями подобнаго рода. „По обстоятельству, писалъ онъ, дошедшему до всевысочайшаго е. и. в. усмотрѣнія, что при супротивленіи, оказанномъ нѣкоторыми казенными селеніями, въ предписанномъ по частному притязанію отборѣ изъ владѣнія ихъ земли, губернское начальство употребило мѣры, какъ противу буйственнаго отложенія отъ повиновенія власти и закону, хотя поселяне сіи собственно ни въ исправленіи государственныхъ повинностей, ни въ преданіи себя суду, ни же въ перенесеніи самаго истязанія, непокорливыми себя правительству не оказали, а единственно изъ недостаточнаго количества земли своей, хотя и по опредѣленію правительства, однакожъ не бывъ еще въ правѣ и при-

[1]) Князь Вяземскій (Соч., т. IX, 21) сообщаетъ одну изъ его остротъ: „Беклешовъ толковалъ такимъ образомъ происхожденіе слова *таможня*: *тамъ можно*". См. также Истор. Вѣст. 1880, I, 289.

[2]) Дмитріевъ, 144. О тѣхъ же качествахъ Беклешова, но нѣсколько вульгарнымъ слогомъ, разсказываетъ Гречъ (Записки, Р. Арх. 1873, I, 293 — 294 и отд. 182, 255). А. М. Тургеневъ о Беклешовѣ выражается: „умный и дѣловой человѣкъ" (Рус. Стар. 1889, № 2, стр, 215). Чарторижскій замѣчаетъ, что онъ хорошо зналъ механизмъ русскаго управленія (Mémoires, I, 226).

[3]) Mémoires, I, 226.

надлежности своей на оную, суждены и о томъ прибѣгая съ просьбами своими къ законному защищенію, отдать въ чужое владѣніе противились, что болѣе означаетъ движеніе простаго многолюдства, требующее наипервѣе въ причинѣ своей и поводѣ уваженія: государь императоръ по сродному человѣколюбію и сердоболію своему указать соизволилъ объявить высоч. е. в. волю всѣмъ начальникамъ губерній, чтобы они подобныя движенія въ простомъ народѣ отвращали наипервѣе, при изысканіи точныхъ причинъ, силою закона, не приступая безъ достаточнаго основанія и заключенія о дѣйствительномъ буйствѣ къ крайнимъ насильственнымъ средствамъ, къ которымъ они, начальники, *буде въ позволенныхъ способахъ недостаточны, и приступать не должны* безъ предварительнаго къ высоч. власти отношенія, съ точнымъ и подробнымъ обстоятельствъ донесеніемъ, *подъ собственнымъ ихъ отвѣтомъ за напрасное или же и несправедливое безпокойство*“ [1]). 8 дек. 1799 г. послѣдовало разъясненіе о предѣлахъ власти фискаловъ, незадолго передъ тѣмъ учрежденныхъ въ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губ. Россіи для надзора за неправильными дѣйствіями судовъ и администраціи [2]). Указомъ 31 іюля смягчено наказаніе за воровство въ 20 р. и болѣе вмѣсто каторжной казни, наказанія кнутомъ, велѣно преступниковъ наказывать плетьми и отсылать на мѣста жительства, откуда годныхъ отдавать въ рекруты [3]).

Беклешовъ принималъ участіе въ составленіи банкротскаго устава, ближайшая цѣль котораго, по выраженію Державина, была—„воздержать дворянство отъ мотовства и дѣланія сверхъ имѣнія ихъ долговъ“ [4]). Въ генералъ-прокурорство Беклешова накопилось множество дѣлъ, касающихся „сильныхъ фамилій“ [4]). И въ то время, когда по однимъ напраснымъ подозрѣніямъ, возникали нерѣдко дѣла политическаго характера (какъ Ермолова, Дмитріева, бр. Грузиновыхъ и т. п.), Беклешовъ смягчалъ иногда воз-

---

[1]) Изъ архива харьков. намѣстничества (Рус. Арх. 1887, II, 157).

[2]) П. Собр. Зак., т. XXV, 19218.

[3]) Ibid., № 19059.

[4]) Записки (Сочин. VI, 754—755).

[5]) Записки Ильинскаго (Р. Арх. 1879, III, 390).

можность болѣе суровыхъ послѣдствій (какъ напр. въ дѣлѣ Михайловскаго-Данилевскаго [1]); а зная нравъ импер. Павла, онъ пользовался благопріятною минутою, чтобы защитить опальнаго, невинно пострадавшаго [2]).

Еще съ конца 1798 г. стали обнаруживаться признаки предстоявшаго голода въ кіевской губ. и мѣстная администрація принимала мѣры по учрежденію городскихъ и сельскихъ магазиновъ, а также необходимыхъ запасовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Голодъ 1799 г. сопровождался значительнымъ падежемъ скота въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, почему крестьяне стали употреблять въ пищу хлѣбъ съ лебедою и даже одну лебеду, которая, по изслѣдованіи кіев. врачебною управою, была признана вредною къ употребленію. При этомъ послѣдняя совѣтовала заготовлять довольное количество картофеля, которымъ можно замѣнять хлѣбъ безвредно. Предписывалось также, по мѣрѣ надобности, запрещать и винокуреніе. Но самыя энергическія мѣры относительно устройства магазиновъ и обязательнаго для помѣщиковъ прокормленія своихъ крестьянъ выпали уже на долю Беклешова, въ бытность его генералъ-прокуроромъ [3]).

Подъ конецъ своего генералъ-прокурорства Беклешову пришлось позаботиться о положеніи четырехъ послѣднихъ пугачевцевъ, доживавшихъ свой вѣкъ съ 1775 г. въ лифляндской губ., которые за старостію и крайней слабостію не могли уже снискивать себѣ пропитанія трудомъ. Беклешовъ распорядился, „какъ на дѣло по человѣчеству“, выдавать имъ содержаніе изъ приказа общественнаго призрѣнія въ Ригѣ. Въ 1804 г. имъ разрѣшено было возвратиться на родину, но одинъ изъ нихъ умеръ,

---

[1]) Ibid. 403.

[2]) Записки Саблукова (Р. Арх. 1869, стр. 1911—1912).

[3]) Переписка мѣстной администраціи по поводу голода въ кіев. губ. и затѣмъ сношенія ея съ центральною властью составляетъ довольно объемистое дѣло съ подробными статистическими свѣдѣніями о состояніи хлѣбныхъ запасовъ и нуждахъ населенія (въ таблицахъ), но къ сожалѣнію оно поступило въ к. центр. архивъ уже въ полуизгнившемъ видѣ. Только небольшія части его были напечатаны г. Ал. Андріевскимъ въ „Историч. матеріалахъ“ (вып. I, 187—191, V, 221—223).

Беклешовъ же исходатайствовалъ сумму на поправку дворца въ Кіевѣ (Сенат. Арх. I, 545).

а трое остальныхъ не пожелали воспользоваться этою милостію [1]).

Какъ генералъ-прокуроръ, Беклешовъ оказывалъ поддержку римско-католич. митрополит. Сестренцевичу въ его борьбѣ съ пунціемъ гр. Литтою. По уничтоженіи нунціатуры въ Петербургѣ, составъ членовъ католическаго департамента былъ измѣненъ согласно желанію митрополита [2]). Императоръ Павелъ повидимому былъ доволенъ дѣятельностію своего генералъ-прокурора: такъ въ ноябрѣ 1799 ему была выражена благодарность за исполненіе имъ трудныхъ обязанностей [3]). Поведеніе его находили достойнымъ, благоразумнымъ и сулили ему продолжительное правленіе дѣлами [4]). Къ его заступничеству обращаются теперь люди, нуждавшіеся въ содѣйствіи и даже занимавшіе болѣе или менѣе видное положеніе (какъ Кутузовъ [5]), кн. Горчаковъ въ пользу Суворова [6]). Сильный въ то время Паленъ повидимому также заискивалъ въ немъ [7]). Но эти ожиданія на счетъ Беклешова не сбылись...

Вотъ какъ разсказываетъ о подготовлявшейся противъ него грозѣ близкій свидѣтель событій—баронъ (сенаторъ) Гейкингъ: „Должность генералъ-прокурора есть одна изъ тѣхъ, вліяніе которой распространяется на все государство и внушаетъ такой же страхъ въ Камчаткѣ, какъ въ Курляндіи или въ Петербургѣ... Выборъ новаго генералъ-прокурора повсюду былъ встрѣченъ съ удовольствіемъ. Беклешовъ, еще въ должности лифляндскаго губернатора, пріобрѣлъ себѣ репутацію честнаго человѣка, которая осталась за нимъ и на другихъ мѣстахъ. Находясь въ Петербургѣ, я познакомился съ нимъ, но только поверхностно, однако былъ очень радъ его назначенію, будучи убѣжденъ, что

---

[1]) XVIII вѣкъ Бартенева, I, 385—387.

[2]) Морошкинъ, Іезуиты въ Россіи, I, 347—351.

[3]) Рус. Старина, т. XLIII, 342.

[4]) „Je le désire pour l'état car c'est un galant homme, et surtout pas bronillon", прибавляетъ гр. Д. П. Бутурлинъ въ письмѣ къ гр. А. Р. Воронцову (Арх. кн. Воронц. XXXII, 254).

[5]) Рус. Стар., II, 510.

[6]) Ibid., т. XVIII, 599.

[7]) Руск. Стар. LVI, 899. О близости ихъ и даже дружбѣ сообщаетъ кн. Ад. Чарторижскій (Mémoires, 226).

онъ пойдетъ прямою дорогою... Вдругъ о Беклешовѣ стали, какъ бы случайно, поговаривать въ неблагопріятномъ смыслѣ; а такъ какъ онъ показывалъ, что не обращаетъ на это вниманія, то опала его была рѣшена. Стали дѣлать ему тысячи непріятностей, и такъ какъ онъ, кромѣ того, осмѣлился противорѣчить государю, по поводу судебныхъ рѣшеній, то его стали попрекать въ учительскомъ тонѣ, въ тяжеловѣсномъ и непріятномъ веденіи дѣлъ“ [1]).

По словамъ Рожерсона (придворный врачъ), среди придворныхъ интригъ, пустившихъ глубокіе корни, Беклешовъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и потому удаленіе его вызвало общее сожалѣніе [2]). Съ спокойной совѣстью и величіемъ вышелъ онъ въ отставку, сохранивъ полную независимость, свойственную популярному министру въ Англіи, оставляющему свой постъ, прибавляетъ Рожерсонъ [3]).

Увольненіе Беклешова состоялось 8 февраля 1800 года [4]). Такимъ образомъ онъ пробылъ въ своей должности ровно 7 мѣсяцевъ. Придумывая, кого бы назначить генералъ-прокуроромъ послѣ него, имп. Павелъ прибѣгнулъ къ любимому имъ средству—метанью жеребья. Написавъ на бумажкахъ имена своихъ любимцевъ, онъ свернулъ бумажки, положилъ ихъ передъ образомъ, помолился и потомъ, перемѣшавъ, вынулъ одну изъ нихъ. На ней было имя Обольянинова. Вѣруя въ жребій, какъ въ указаніе свыше, Павелъ назначилъ Обольянинова генералъ-прокуроромъ и называлъ его „Богомъ данный“ [5]); но онъ сохранилъ

---

[1]) Рус. Старина, LVI, 808. Холодность Павла I къ Беклешову проявилась еще до конца 1799 г. (Дмитріевъ, 146).

[2]) Рожерсонъ въ письмѣ къ гр. Воронцову выражается: „On n'a jamais eu de mon temps un procureur-general qui avait tant de connaissances jointes à une grande activité, bon jugement, désinteressement et qualités populaires, voyant et écoutant toute le monde (Арх. Воронц., XXX, 115).

[3]) Ibid., 118.

[4]) Сенатскій Архивъ, I, 591. Онъ дважды просился въ отставку. Завадовскій писалъ въ февр.: „Молва носится, что Беклешовъ отставленъ, и его мѣсто заступилъ Обольянинов. Перваго я оставилъ весьма преклоннымъ къ такому жребію“ (Воронц. Арх., XII, 246).

[5]) Русск. Старина, XI, 159.

за нимъ и прежнюю должность генералъ - провіантмейстера [1]).

Въ молодости Обольяниновъ не получилъ образованія, а пріобрѣлъ лишь практическія познанія на службѣ, былъ терпѣливъ, пользовался расположеніемъ императора и до конца его царствованія (т. е. болѣе года) оставался на своемъ столь трудномъ и опасномъ мѣстѣ [2]). „Теперь, слава Богу, у насъ есть *свой*“, говорилъ Павелъ (Обольяниновъ былъ гатчинецъ [3]). Понятно, что для Обольянинова Сперанскій являлся еще болѣе необходимымъ помощникомъ въ дѣлахъ. „При всѣхъ четырехъ генералъ-прокурорахъ, различныхъ въ характерахъ, нравахъ, способностяхъ, былъ я, если не по имени, то на самой вещи, правителемъ ихъ канцеляріи. Одному надобно было угождать такъ, другому иначе; для одного достаточно было исправности въ дѣлахъ, для другаго болѣе того требовалось: быть въ пудрѣ, въ мундирѣ, при шпагѣ, и я былъ—всяческая во всемъ [4]). Послѣ Беклешова, самъ государь предостерегалъ противъ меня его преемника, полагая меня въ связяхъ съ Куракинымъ и Беклешовымъ и имъ преданнымъ; но генералъ-прокуроръ горою за меня стоялъ и находилъ необходимымъ имѣть при себѣ [5]). Беклешовъ, замѣчаетъ при этомъ Сперанскій, *былъ ихъ всѣхъ умнѣе, но и всѣхъ несчастнѣе—ему ничего не удавалось;* всѣхъ ихъ менѣе имѣлъ способностей—Обольяниновъ—*и ему все съ рукъ сходило*“ [6]).

---

[1]) Сенатскій Архивъ, I, 591.

[2]) См. біограф. замѣтку о немъ и его разсказы о цар. Павла (Русск. Старина, XI, 158—170). Такъ же въ Запискахъ Ильинскаго (Русск. Арх., 1879, III, 391—407).

[3]) Рожерсонъ (Архивъ Воронцова, XXX, 115).

[4]) См. любопытную сцену въ Зап. Ильинскаго (Русск. Архивъ 1879, III 392). „Вошедъ въ залу, увидѣлъ я г. Сперанскаго въ ботфортахъ съ обрѣзанными на концахъ сапогами со шпорами и завернутыми назадъ фалдами. Я думалъ, что онъ вступилъ въ военную службу, но вмѣсто сего открылось, что велѣно такимъ образомъ одѣваться всѣмъ статскимъ, начиная отъ копіиста. Странно было видѣть бѣдныхъ людей, бродящихъ со шпагами, перемѣняющихъ мундиры и неимѣющихъ почти нужнаго хлѣба“.

[5]) На докладѣ Обольянинова Павелъ I собственноручно написалъ: „Набрать новыхъ чиновниковъ, а Беклешовскихъ всѣхъ уволить или перемѣстить въ другія вѣдомства“ (Корфъ, I, 54).

[6]) Корфъ, I, 58—59; 63—64.

Какъ видно, Беклешовъ не питалъ нерасположенія къ Ригѣ. Такъ, въ 1798 году онъ хотѣлъ занять тамъ постъ лифляндскаго генералъ-губернатора [1]). Теперь онъ поспѣшилъ уѣхать на жительство въ Ригу [2]), вблизи которой находилось и его имѣніе [3]); а во время лѣтняго сезона отправился на минеральныя воды въ Бальдонъ, гдѣ на этотъ разъ собралось много всякихъ ех-овъ, по выраженію Гейкинга, и въ томъ числѣ онъ ех-сенаторъ и ех-генералъ-прокуроръ, которые искали не столько облегченія отъ тѣлесныхъ недуговъ, сколько необходимаго развлеченія, въ слѣдствіе понесенныхъ ими нравственныхъ непріятностей. Я былъ очень радъ ближе познакомиться съ Беклешовымъ, говоритъ авторъ записокъ. Его открытое лицо, его простыя, иногда даже грубоватыя манеры весьма мнѣ нравились. Никогда не говоря ничего о самомъ государѣ, мы бесѣдовали съ нимъ о нѣкоторыхъ общихъ мѣропріятіяхъ, и я никогда не слыхалъ отъ него ни одного существенно-ложнаго сужденія, хотя не всегда раздѣлялъ его мнѣнія относительно нѣкоторыхъ господъ, къ которымъ онъ питалъ несправедливое предубѣжденіе.... О Паленѣ Беклешовъ никогда не говорилъ; но этимъ молчаніемъ все высказывалось. О Кутайсовѣ онъ также избѣгалъ разговоровъ, но презрѣніе выражалось на его лицѣ, когда произносили имя этого господина".

Любопытно еще слѣдующее признаніе: „Однажды я говорилъ съ нимъ о моемъ печальномъ положеніи, и онъ сказалъ мнѣ: „Вы напрасно считаете свое положеніе худшимъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Я имѣлъ въ своихъ рукахъ списокъ лицъ, состоящихъ подъ особымъ надзоромъ, и могу васъ увѣрить, что васъ тамъ нѣтъ; а если показываютъ видъ, что имѣютъ относительно васъ особыя повелѣнія, такъ это только одна изъ выходокъ, позволяемыхъ себѣ провинціальнымъ начальствомъ, для придачи себѣ важности" [4]).

---

[1]) Архивъ Воронцова, XV, 137.

[2]) Ibid., XXX, 115 (письмо Рожерсона отъ 28 февр. 1800 г.).

[3]) Ibid., XII, 279.

[4]) Русск. Старина, LVI, 810—811. Есть указаніе, что подъ конецъ своего царствованія Павелъ опять вызвалъ Беклешова въ Петербургъ (Чартор., I, 225).

V.

Впрочемъ Беклешову недолго пришлось оставаться въ бездѣйствіи. Въ то время какъ преемникъ его, вскорѣ по вступленіи на престолъ Александра I (12 марта 1801 г.), долженъ былъ совсѣмъ оставить Петербургъ [1]), новый императоръ немедленно (16 марта) назначилъ Беклешова на прежній постъ генералъ-прокурора. Конечно, это было лучшее признаніе его прежнихъ заслугъ [2]); а вслѣдъ затѣмъ идутъ уже сообщенія о его значительномъ вліяніи на дѣла и томъ личномъ вниманіи, какимъ онъ пользовался у императора Александра [3]). Въ числѣ немногихъ лицъ онъ былъ назначенъ членомъ вновь образованнаго Непремѣннаго совѣта, на который возложено было разсмотрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ и проектовъ постановленій, а также членомъ комитета (гр. А. Р. Воронцовъ, Беклешовъ, т. совѣтн. Д. П. Трощинскій и госуд. казначей бар. Васильевъ) для разсмотрѣнія льготъ и милостей по случаю предстоявшей коронаціи импер. Александра I [4]). Въ первое время между Трощинскимъ и Беклешовымъ существовала дружба, а это обстоятельство много помогло и возвышенію Сперанскаго. Однако между главными „докладчиками“ вскорѣ возникло соперничество, неблагопріятно повліявшее на ихъ послѣдующія отношенія [5]). И Беклешовъ кажется имѣлъ право сѣтовать на поведеніе Трощинскаго относительно его [6]). Суровый же приговоръ

---

[1]) Записки Н. С. Ильинскаго (Р. Арх., 1879, III, 406).

[2]) П. С. Зак. № 19818; Арх. кн. Воронцова (XVIII, 237). Выборъ этотъ считали тогда „счастливымъ“ (Записки Шишкова, изд. въ Берлинѣ, I, 81). Вигель вообще не легкій на похвалы, выражается: „Нѣсколько такихъ людей какъ Беклешовъ были драгоцѣннѣйшее наслѣдство, оставленное Екатериной, и нѣ которое время ими только и жила Россія“ (Воспом., ч I, стр. 124). Далѣе онъ говоритъ, что Беклешовъ озаботился возстановленіемъ прежнихъ учрежденій (202).

[3]) Архивъ кн. Воронцова, XVIII, 240; XXXII, 300. Беклешовъ принялъ на себя устраненіе Палена, присутствіе котораго въ Петербургѣ не нравилось импер. Александру (Чарторижскій, I, 226).

[4]) Въ томъ же 1801 г. Беклешовъ былъ награжденъ 50000 р. (Сборникъ Рус. ист. общ., т. XLV, стр. 358).

[5]) Записки Державина, 757—759; Зап. Комаровскаго (Русск. Арх. 1867, 561—562; ср. 1672—1673; Воронц. Архивъ XII, 343).

[6]) Архивъ кн. Воронцова, XIV, 168.

надъ дѣйствіями Беклешова въ это время со стороны Державина, вообще слишкомъ односторонняго въ своихъ сужденіяхъ, въ особенности тамъ, гдѣ замѣшивалось его личное участіе, объясняется какъ прежними отношеніями между Державинымъ и Беклешовымъ, такъ и столкновеніями между ними по весьма крупнымъ дѣламъ (какъ напр. объ опекѣ надъ Колтовской, дѣло о поставкѣ соли Перетцомъ и Штиглицомъ), въ которыхъ принципіально далеко не былъ правъ поэтъ и авторъ Записокъ, а также по поводу запрещенія его оды на вступленіе на престолъ импер. Александра I, въ которой находились прозрачные намеки на царств. Павла,—запрещенія, исходившаго, какъ видно изъ хода самаго дѣла, вовсе не отъ Беклешова. Послѣднему пришлось только подать свой рѣшающій голосъ, какъ генералъ-прокурору [1]). Вообще, хотя Державинъ, вмѣстѣ съ Воронцовымъ, Беклешовымъ и Трощинскимъ, принадлежалъ къ „старому поколѣнію“, но, по собственному его признанію, не ладилъ вполнѣ ни съ однимъ изъ нихъ [2]). Дѣйствія же самого Державина въ его служебныхъ отношеніяхъ далеко не казались даже тогда безупречными [3]). Дружбой Беклешова не могла похвалиться и кн. Дашкова [4]), несмотря на самыя лучшія отношенія Беклешова къ ея брату гр. А. Р. Воронцову [5]).

[1]) Для правильной оцѣнки этихъ фактовъ см. мѣста записокъ Державина по изд. Акад. Наукъ (т. VI), стр. 722, 759—760: 753—758. Колтовская отличалась красотою и Державинъ былъ влюбленъ въ нее (Соч., II, 683). Объ одѣ см. біогр., сост. Я. К. Гротомъ (I, 772—775). Въ одномъ изъ рукописныхъ списковъ оды находится слѣдующ. примѣчаніе: „Беклешовъ, коему поручена была тогда цензура, представилъ императору мнѣніе, что оду Державина на восшествіе его велич. на престолъ, въ которой замѣчались дерзкіе намеки на Павла I, можно дозволить ему печатать вмѣстѣ съ одами, кои онъ писалъ въ похвалу Павла при жизни его“ (Жизнь, I, 852). Болѣе объективное изложеніе этого дѣла, возбужденнаго цензоромъ, см. въ разсказѣ Анастасевича (ib., II, 255; ср. также Собр. соч., т II, 355—356; III, 679).

[2]) Записки, 757—759; Жизнь, т. I, 776.

[3]) Письмо кн. В. П. Кочубея къ гр. С. Р. Воронцову (Арх. кн. Воронцова, XVIII, 284). Любопытно, что Державинъ, обвиняющій Беклешова въ превышеніи власти и враждѣ къ нему, будучи мин. юстиціи, подвергся рѣзкимъ осужденіямъ за свои отношенія къ Сенату и произволъ (Арх кн. Воронцова, XXXII, 336; Записки Державина, стр. 758). Гр. С. Р. Воронцовъ называетъ его прямо „необузданнымъ“ (Р. Арх. 1881, II, 156). Отзывъ о его отношеніяхъ къ Сенату (ib. 159).

[4]) Арх. кн. Воронцова, XII, 343.

[5]) Ibid., XIV, 270.

Во время вторичнаго генералъ-прокурорства Беклешова были объявлены постановленія, касавшіяся возстановленія учрежденій Екатерины II, отмѣненныхъ въ цар. Павла I, уничтоженіе тайной экспедиціи, запрещеніе публикацій въ вѣдомостяхъ о продажѣ людей безъ земли [1]) и возведенія висѣлицъ въ публичныхъ мѣстахъ для прибитія къ нимъ именъ разныхъ чиновъ, запрещеніе употреблять въ приговорахъ слово „нещадно", указъ объ отмѣнѣ пытокъ и т. п. А. А. Беклешовъ не боялся возбуждать преслѣдованія противъ людей сильныхъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ обнаруживалось злоупотребленіе властью или грубое насиліе, какъ дѣло гр. Н. А. Зубова, по поводу избіенія сенатскихъ служителей [2]), или гр. Каховскаго по жалобѣ подпор. Веселовской въ обольщеніи ея дочери [3]). А. И. Морковъ также опасался мнѣнія Беклешова, какъ генералъ-прокурора, по поводу своего имущественнаго процесса въ подольской губ., такъ какъ мѣстныя отношенія этого края хорошо были извѣстны самому Беклешову [4]). Поэтому обвиненіе Вас. Пассекомъ Беклешова въ потворствѣ его дядѣ ген. Пассеку, въ тяжбѣ изъ-за присвоенія имущества послѣднимъ, представляется страннымъ и оно не оправдывается приведенными имъ же документами, а въ послѣдующихъ превратностяхъ автора „записокъ" соединилась такая масса случайныхъ обстоятельствъ, отчасти имъ самимъ созданныхъ и повліявшихъ на его печальное положеніе, что по поводу нѣкоторыхъ изъ нихъ трудно даже сказать было ли это положеніе слѣдствіемъ легкомыслія его самого или нежеланія Беклешова помочь ему выпутаться изъ нихъ [5]).

Ко времени же вторичнаго генералъ-прокурорства Беклешова относится одно дѣло, касающееся собственно Кіева, а именно

[1]) О значеніи этого указа см. Древ. и Нов. Рос. 1876, III, 60.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, т. XIV, 511.

[3]) Ibid. XXVI, 325 – 329.

[4]) Архивъ кн. Воронцова т. XIV, 270 — 271, 306 — 307. Въ 1796 Морковъ былъ высланъ въ свои подольскія имѣнія (XXX, 83). Слишкомъ четыре года онъ жилъ здѣсь, большею частью въ с. Войтовцахъ, близъ Летичева (графъ А. И. Морковъ П. Бартенева, Рус. Бесѣда 1857, IV, стр. 51).

[5]) Подробное изложеніе всѣхъ его бѣдствій въ его запискахъ, сочин. въ Спб. градской тюрьмѣ, 1803 (Р. Архивъ, 1863, стр. 627—775; ср. Бумаги Пассека, Воронц. Архивъ, т. XXIV, 351—390; также 1878, I, 96).

несогласія магистрата принять значительный расходъ по содержанію войска на счетъ города, на которомъ настаивала мѣстная администрація. Беклешовъ и на этотъ разъ остался при прежнемъ своемъ мнѣніи по настоящему вопросу. Въ отвѣтъ на представленіе воен. губернатора Фенша, Беклешовъ 27 ноября 1801 г. писалъ: „Получилъ я просьбу отъ тамошняго градскаго общества, въ которой изъясняя многочисленность войскъ, тамо расположенныхъ, и отягщеніе города сборами на дрова для квартиръ штаба, для лазаретовъ и др. воинскихъ надобностей, проситъ освободить гражданъ отъ личныхъ на то поборовъ, отъ коихъ древними привилегіями и грамотами блаженной памяти государей они увольнены, и удовлетворять сіи издержки изъ градскихъ доходовъ, въ случаѣ-жъ недостатка оныхъ они пріемлютъ на себя, содержа каждой постой въ своемъ домѣ, довольствовать сверхъ того штабскія квартиры и лазареты всѣми потребностями по очереди. Я сіе ихъ требованіе признаю съ одной стороны справедливымъ, потому что градскіе доходы Высоч. городовымъ положеніемъ присвоены въ пользу города и слѣдственно на удовлетвореніе общественныхъ надобностей для облегченія жителей, а личные поборы въ тамошнемъ мѣстѣ необычайны и даже противны древнимъ ихъ привилегіямъ; съ другой же нахожу я оное и удобоисполнительнымъ и тѣмъ паче, что в. прев. имѣете отъ госуд. военной коллегіи предписаніе располагать въ городахъ и мѣстечкахъ одинъ только полковой и унтеръ-штабъ съ нѣсколькими ротами или эскадронами, соразмѣрно количеству удобныхъ къ помѣщенію домовъ, а прочіе роты и эскадроны размѣстить въ ближайшихъ селеніяхъ... снабженіе же лазаретовъ и штабскихъ квартиръ отъ двухъ только полковъ дровами, свѣчами и ихъ потребностями, если всему тому положена будетъ надлежащая мѣра, не можетъ чрезвычайно обременить градскихъ доходовъ, и въ случаѣ недостатка оныхъ зависитъ отъ гражданъ выполнить сію повинность добровольною ли на то складкою или поставкою всѣхъ потребностей въ натурѣ по очереди, какъ они признаютъ сіе для себя полезное. Почему, оставляя сіе имъ на волю, в. прев. прошу единственно о томъ, чтобы сверхъ положеннаго въ расписаніи, сколько чего и для какихъ

чиновъ потребно отъ города, военнослужащіе не обременяли гражданъ требованіемъ излишняго, но довольствовались для нихъ опредѣленнымъ, какъ сіе учинено было мною во время правленія тамошнею губерніею“ [1]).

Въ качествѣ генералъ-прокурора Беклешову пришлось принять снова весьма дѣятельное участіе въ дѣлѣ, въ которомъ онъ уже игралъ видную роль прежде. Мы говоримъ о возвращеніи изъ ссылки римско-католическаго митр. Сестренцевича, постигшей его въ концѣ цар. Павла, вслѣдствіе весьма тонкой интриги іезуитовъ, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный Груберъ [2]). Теперь Сестренцевичъ былъ возстановленъ въ своихъ правахъ, а комитетомъ, состоявшимъ подъ предсѣдательствомъ Беклешова, выработано было новое положеніе о римско-католической церкви въ Россіи. „Живое участіе, принятое Беклешовымъ въ Сестренцевичѣ, веденіе дѣла митрополита Беклешовымъ въ комитетѣ, самый исходъ этого дѣла, неблагопріятный для іезуитовъ и вполнѣ обязанный Беклешову, безуспѣшность въ этомъ дѣлѣ множества іезуитскихъ интригъ, разбитыхъ Беклешовымъ и представленныхъ государю въ ихъ разоблаченномъ видѣ, были пораженіемъ для іезуитовъ и отбивали сильно у нихъ охоту къ другимъ смѣлымъ и рѣшительнымъ выходкамъ“, говоритъ историкъ іезуитовъ въ Россіи [3]).

Въ званіи члена Непремѣннаго совѣта Беклешовъ принималъ участіе въ обсужденіи нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся внутренняго управленія. Такъ, имъ былъ предложенъ: 1) планъ о поправленіи генеральнаго о наборѣ рекрутъ учрежденія, согласно съ послѣдовавшими въ пополненіе онаго указами и пользами службы и о сбереженіи людей въ войскахъ“ [4]); мнѣніе о подчиненіи питейной продажи по казеннымъ селеніямъ новороссійской губ. общимъ положеніямъ [5]); 3) записка по случаю прошенія крестьянъ торопецкаго помѣщика Калетина, жа-

---

[1]) Историч. матер., изд. Андріевскимъ, X, 140—149.

[2]) Морошкинъ, т. I, глава 3-я.

[3]) Ibid. II, стр. 41—60.

[4]) Архивъ Госуд. Совѣта, т. III, ч. I, стр. 193—196.

[5]) Ibid., стр. 284—289.

ловавшихся на укрѣпленіе ихъ с.-петерб. купцу Бородину, который не выполнилъ даннаго обѣщанія объ освобожденіи ихъ на волю по истеченіи 5 лѣтъ, представляющая сводъ узаконеній, воспрещавшихъ купцамъ владѣть крестьянами[1]); 4) мнѣніе по дѣлу генералъ отъ инфантеріи Архарова, гдѣ продавецъ, неложно подписаннымъ своимъ контрактомъ, продавъ имѣніе, взявъ условную впередъ сумму денегъ, отдавъ имѣніе покупщику въ дѣйствительную поссессію и обязавшись по надлежащей очисткѣ того имѣнія, выдать на вѣчное владѣніе ему купчую крѣпость, домогается, доступя даже до Высоч. престола, разрушить безъ суда контрактъ и безъ суда изгнать покупщика изъ имѣнія... А какъ по сему дѣлу послѣдовало уже рѣшеніе и общаго собранія правит. Сената, то никакія уваженія не могутъ имѣть мѣста при должномъ вниманіи на истинную славу государя и существенное благоустройство государственнаго правительства, требующія того, чтобы судейскія рѣшенія Сената въ законной ихъ силѣ также ненарушимо не меньше сохраняемы были, какъ и нижнихъ и среднихъ судовъ рѣшенія, на кои апелляція по законамъ преграждается, на всегда непремѣнными остаются“ [2])... 5) мнѣніе поданное Беклешовымъ (совмѣстно съ членами гр. Завадовскимъ, кн. Куракинымъ, госуд. казначеемъ гр. Васильевымъ, Вязмитиновымъ, кн. Лопухинымъ и Трощинскимъ) по вопросу о торговлѣ евреевъ, въ которомъ между прочимъ выражено: „Всѣ законы, запрещающіе евреямъ внутреннюю торговлю, относятся къ тому времени, когда они не были еще подданными; съ пріобрѣтеніемъ же губерній, гдѣ они во множествѣ находятся, съ принятіемъ и съ дарованіемъ имъ въ тѣхъ губерніяхъ гильдейскихъ правъ, не можно у нихъ отнять и права оптовой продажи во внутреннихъ городахъ, не перемѣнивъ самаго основанія сихъ гильдейскихъ нравъ“ и т. д.[3]).

По вопросу „о правахъ и обязаностяхъ“ Сената, Беклешовъ представилъ также мнѣніе, въ которомъ онъ, быть можетъ, не безъ нѣкотораго основанія, замѣтилъ, что основныя статьи

[1]) Ibid., 775—778.

[2]) Ibid. II, т. III, ч. 2, стр. 382—392.

[3]) Ibid. стр. 739—746.

новаго положенія „заключаютъ въ себѣ существенно прежнія и донынѣ безъ отмѣны существующія...; слѣдовательно повтореніемъ только самаго того, что нынѣ уже существуетъ и ничѣмъ не перемѣняется, не можетъ Сенату, въ нынѣшнемъ, какъ сказано, слабомъ и безсильномъ дѣйствіи его, доставляться какое либо вновь подкрѣпленіе". Какъ видно, онъ полагалъ, что дѣла въ Сенатѣ могутъ идти лучше при болѣе правильномъ и порядочномъ веденіи ихъ, не вдаваясь въ какія либо теоретическія соображенія [1]). Тѣмъ не менѣе ему, какъ генералъ-прокурору, пришлось поднести докладъ о правахъ и обязанностяхъ Сената, утвержденный императоромъ Александромъ I 8 сентября 1802 г. [2]).

Съ образованіемъ министерствъ (8 сент. 1802 г.) Беклешовъ оставилъ постъ генералъ-прокурора, сохранивъ за собою лишь званіе члена Совѣта [3]). Мы видѣли, что Державинъ причислялъ Беклешова къ „старому поколѣнію людей", призванныхъ къ дѣтельности въ началѣ цар. Алекландра I; знаемъ и его мнѣніе о реформѣ Сената [4]). Но есть также указаніе, свидѣтельствующее что къ молодымъ дѣятелямъ начала цар. Александра I Беклешовъ относился даже скептически, какъ къ людямъ слишкомъ увлекавшимся своими теоріями [5]). А въ одномъ анонимномъ стихотвореніи, написанномъ на дѣятелей того же періода царствованія Александра, озаглавленномъ „Бостонъ" (въ немъ упоминаются Беклешовъ, Воронцовъ, Чарторижскій, Кочубей, Строгановъ Трощинскій, Румянцовъ и Вязмитиновъ), о Беклешовѣ читаемъ:

„Игра Бостонъ явилась снова
Ее Совѣтъ апробовалъ;
Въ Москву послали Беклешова:
Играть въ нее онъ не желалъ.

---

[1]) Ibid., т. III, ч. I, стр. 19—31. По поводу же указа 5 іюня 1801 (о разсмотрѣніи Сенатомъ означенныхъ правъ (П. С. Зак. т. XXVI, № 19908) Евгеній писалъ Македонцу: „Приложилъ я и указъ Сената. Онъ есть слѣдствіе несогласія Беклешова съ Сенатомъ", (Р. Арх. 1870, 801).

[2]) П. С. Законовъ, № 20405.

[3]) Архивъ Госуд. Сов., III, ч. I, стр. 6.

[4]) Мнѣніе Беклешова о Сенатѣ очевидно было таково же, какъ и мнѣніе гр. С. Р. Воронцова (Р. Арх. 1881, II, 158—160).

[5]) XIX вѣкъ, сборн., изд. Бартеневымъ, II, 272; Сочин. кн. П. А. Вяземскаго, т. VIII, стр. 73. Имя его отсутствуетъ въ извѣстномъ „неоффиц. комитетѣ".

А Воронцовъ король бубновой,
Доволенъ сей премѣной новой,
Сталъ Чарторижскому подъ масть:
Товарищъ сей не помогаетъ,
Онъ вѣчно на свои играетъ,
Топить его охота страсть“ [1]).

VI.

Однако и на этотъ разъ Беклешовъ не долго оставался въ сторонѣ отъ правительственной дѣятельности. Въ началѣ 1804 г. онъ былъ назначенъ московскимъ военнымъ губернаторомъ, съ сохраненіемъ званія члена Совѣта [2]). По поводу этого назначенія гр. Завадовскій писалъ гр. А. Р. Воронцову слѣдующее: „Беклешову дано 20000 на подъемъ, столовый сервизъ и экипажъ и въ Совѣтѣ засѣданіе. *Мыслей своихъ не покидаетъ, что все не такъ*“ [3]). По случаю же пріѣзда Беклешова въ Москву гр. Растопчинъ писалъ кн. П. Д. Циціанову (26 мая 1804 г.): „Гр. Салтыковъ пересталъ считаться начальникомъ въ Москвѣ. Она ему откланялась, а теперь покланяется Беклешову. Онъ, въ первый день пріѣзда, утромъ успѣлъ быть въ Сенатѣ, на парадѣ, въ крестномъ ходу и являлся на главныхъ улицахъ. Ноги его плохи [4]), а уши глухи; смотрѣть же за него будетъ славный Аверинъ, который привезенъ въ качествѣ правителя канцеляріи“ [5]).

---

[1]) Бумаги П. П. Бекетова (Рус. Арх. 1880, III, 391—392; ср. Жизнь Державина, Я. К. Грота, I, стр. 842).

Вигель пишетъ: „Упрямство ли или дальновидность стариковъ заставляла ихъ всѣми силами противиться опаснымъ, по мнѣнію ихъ, перемѣнамъ; на нихъ смотрѣли какъ на людей, правда, опытныхъ, но искусныхъ только въ практикѣ, безъ единственной государственной, созидательной мысли. Всѣ они поспорили и покорились необходимости, одинъ Беклешовъ вышелъ въ отставку“. (Воспомин., ч. II, стр. 5—6). Другой современникъ свидѣтельствуетъ, что Беклешовъ отъ предложеннаго ему поста министра юстиціи отказался. (Записки В. Н. Геттуна. Ист. Вѣст. 1880, I, 289).

[2]) Архивъ Госуд. Сов., т. III, ч. I, стр. 6.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, т. XII, стр. 282. В. П. Кочубей писалъ тому же Воронцову о назначеніи 40000 содержанія (XVIII, стр. 369).

[4]) Еще въ 1798 г. Беклешовъ страдалъ подагрою (письма къ Миклашевскому).

[5]) XIX вѣкъ, II, стр. 48. Назначеніемъ Беклешова въ Москву былъ недоволенъ Римскій-Корсаковъ—инспекторъ по инфантеріи московской инспекціи, извѣст-

Нѣсколько далѣе Растопчинъ отмѣчаетъ: „Беклешовъ гонитъ полицію“ [1]). Со всею энергіею принялся онъ за преслѣдованіе разорительныхъ азартныхъ карточныхъ игръ [2]), противъ которыхъ неоднократно издавались тогда правительственные указы [3]). А вскорѣ затѣмъ онъ далъ острастку и помѣщикамъ, злоупотреблявшимъ своею властію. Въ настоящемъ случаѣ любопытно сопоставить какъ, съ одной стороны, передаетъ подобный фактъ гр. Растопчинъ, извѣстный въ свое время противникъ ограничительныхъ мѣръ по крестьянскому вопросу и мнѣній, высказанныхъ въ этомъ смыслѣ въ современной литературѣ [4]), а съ другой—оффиціальный актъ, относящійся къ тому же дѣлу.

„Въ Москвѣ писалъ гр. Растопчинъ кн. Циціанову (30 мая 1805 г.) Беклешовъ сдѣлалъ *отъ падкости дѣйствовать на ладъ филантропамъ* большой промахъ, по просьбѣ дѣвки одного Страхова, что она жестоко бариномъ наказана, отказалъ ему отъ имѣнія, приставилъ опекуновъ и, положась на осмотръ полицейскаго офицера, отписалъ государю между прочимъ, что въ комнатѣ, гдѣ дѣвка была наказываема, видны пятны кровавыя на стѣнѣ и домъ запечатанъ. Государь препроводилъ все дѣло къ предводителю кн. Дашкову, который, исполняя данное повелѣніе, поѣхалъ съ депутатами отъ дворянства въ домъ къ Страхову; подъ присягою людей допрашивалъ, кои всѣ показали, что баринъ хорошъ, что дѣвка три раза за распутство была уже наказана въ полиціи и что въ послѣдній разъ онъ еще приказалъ ее наказать дворецкому. Но что всего смѣшнѣе—это то, что пятна кровавыя вышли цѣлыя стѣны, подъ красный мраморъ росписанныя. Не знаю чѣмъ кончится“ [5]).

ный неудачными дѣйствіями въ Швейцаріи (см біогр. его у В. Каменскаго). Онъ ссорился съ Салтыковымъ за вмѣшательство его въ военную часть, а теперь и съ Беклешовымъ (XIX вѣкъ, II, стр. 6, 54, 72, 26; 12, 17, 20, 47). „Корсаковъ въ открытой ссорѣ съ Беклешовымъ, и, какъ ни бѣгалъ отъ повелѣній, но кончилъ тѣмъ что поѣхалъ въ Москву, и проѣздомъ стращаетъ Россію своею отставкою“ (54). Растопчинъ также недолюбливалъ Беклешова (стр. 65), въ чемъ и признается.

[1]) Ibid. стр. 59.

[2]) Ibid. стр. 81—82.

[3]) Указъ 1801 г. (Рус. Старина, т. X, 620—621). Рескриптъ Беклешову 28 апр. 1806 г. (Сборн. Арх. Инст., II, стр. 33).

[4]) См. нашу монографію: Графъ Н. С. Мордвиновъ, стр. 213—218.

[5]) Сборникъ XIX вѣкъ, II, 95.

Дѣло это закончилось уже при преемникѣ Беклешова и вотъ какъ сообщается о немъ въ правительственномъ актѣ. „Господинъ генералъ отъ инфантеріи москов. воен. губернаторъ Тутолминъ. Изъ рапорта, дошедшаго ко мнѣ отъ предшественника вашего ген. отъ инфантеріи Беклешова и представленнаго при оном приговора коммиссіи московскаго дворянства, по дѣлу о женѣ кол. ассес. Страхова, преданной мною суду сего дворянства за жестокіе съ людьми своими поступки, и о мужѣ ея, сужденномъ имъ за попущеніе къ тому, усматриваю я, что хотя въ приговорѣ семъ коммиссія и опровергаетъ обстоятельства слѣдствія о сихъ жестокостяхъ, полиціею произведеннаго, ослабляя тѣмъ самымъ вину Страховой; но въ заключеніи, по единогласному всѣхъ почти крестьянъ показанію, что имъ трудно жить, сама признавая нѣкоторую наклонность въ Страховой къ суровости, полагаетъ: 1) чтобы ее, Страхову, не лишая права преимуществъ, дворянству присвоенныхъ, предать для укрощенія суровой ея склонности, на 6 недѣль церковному покаянію. 2) Людей ея и имущество отдать на то время ея мужу или кому отъ нея будетъ ввѣрено. 3) Кол. ас. Страхова, какъ въ поступкахъ жены неучаствовавшаго, оставить безъ всякаго наказанія.

„Сообразивъ сіе положеніе дворянской ком. съ обстоятельствами дѣла и съ примѣчаніями, *отъ предмѣстника вашего на оное представленными*, я нахожу....., что наказаніе, оною опредѣляемое, собственному ея заключенію несоотвѣтственно; ибо участь людей, суровости такой подверженныхъ, покаяніемъ церковнымъ достаточно не ограждается, и средствомъ симъ они не только не изъемлются отъ угнетеній, преслѣдованіемъ полиціи обнаруживаемыхъ, но за показаніе ихъ, на будущее время еще болѣе потерпѣть могутъ; а потому дабы, съ одной стороны пресѣчь зло, а съ другой отвратить вредный примѣръ подобныхъ злоупотребленій, согласно указу 19 іюля 1797 г., повелѣваю: отлуча помѣщицу Страхову отъ управленія имѣніемъ, оставить оное въ опекѣ, не допуская въ составъ оной ея мужа“ (24 февр. 1807 г.[1]).

---

[1]) Рус. Старина, т. XX, 664—665.

Отношеніе Растопчина къ дѣйствіямъ Беклешова въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе странно, что онъ самъ одновременно съ тѣмъ передаетъ въ своихъ письмахъ болѣе возмутительные факты изъ тогдашней помѣщичьей жизни [1]).

Императоръ Александръ I не разъ выражалъ Беклешову благодарность за его заботы о благоустройствѣ и нуждахъ старой столицы (по поводу водоснабженія города, передачи дворцовыхъ земель, внутри города лежащихъ, въ частное владѣніе и т. п. [2]). При немъ состоялась закладка Академіи коммерческихъ наукъ въ Москвѣ [3]). Представляя же о выраженномъ московскимъ фабрикантомъ Пантелѣевымъ желаніи отпустить купленныхъ имъ фабричныхъ людей въ состояніе вольныхъ ремесленниковъ, Беклешовъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Комитетъ министровъ объ исходатайствованіи фабриканту Пантелѣеву „за оказываемый имъ подвигъ благодѣтельности къ крѣпостнымъ его людямъ“ золотой медали для ношенія на шеѣ. Комитетъ министровъ одобрилъ это представленіе Беклешова [4]).

Въ своемъ положеніи Беклешовъ всегда держалъ себя независимо и отъ того не разъ возникали теперь слухи о его ссорѣ съ мини. внутр. дѣлъ В. П. Кочубеемъ [5]). Впрочемъ многое здѣсь зависѣло отъ личной притязательности этого послѣдняго [6]) и новости дѣла по учрежденіи министерствъ, а неизбѣжность подобныхъ столкновеній по существу указывалъ въ самомъ началѣ тому же Кочубею гр. С. Р. Воронцовъ, строгій и послѣдовательный защитникъ прежняго коллегіальнаго порядка [7]).

---

[1]) См. XIX вѣкъ, II, 54—55. Ср. также Арх. Воронц., XXXV, 431.

[2]) Сборн. Арх. Инст. т. II. Рескрипты А. А. Беклешову (29—33). Журналы Комитета министровъ. Царств. импер. Александра I. Т. I, стр. 413—414. Но Растопчинъ и этой послѣдней мѣрѣ приказалъ своеобразное объясненіе (XIX вѣкъ, II, 113)

[3]) Русскій Архивъ, 1873, II, 1888.

[4]) Журналы Ком. министровъ, I, 120,

[5]) Воронц. Арх. т. XII, 286; т. XVIII, 397. Объ оффиціальныхъ пріемахъ Беклешова въ Москвѣ и рѣзкихъ иногда замѣчаніяхъ (о Кочубеѣ) при докладахъ см. записки В. Н. Геттуна (Ист. Вѣст. 1880, I, 289).

[6]) Ibid. стр. 397.

[7]) См. его записку о внутреннемъ управленіи въ Россіи, 1803 г. (Арх. кн. Воронцова, XV, 441—452; Рус. Арх. 1881, II, 155—162).

Въ частной жизни Беклешовъ отличался веселымъ нравомъ, доступностію, любилъ общество и хорошій столъ [1]). Узнавъ о какихъ либо случаяхъ или болтовнѣ молодыхъ людей, онъ не прибѣгалъ къ „потаенной расправѣ“ свойственной прежнему времени, а ограничивался отеческимъ наставленіемъ [2]). Какъ начальника Москвы, одинъ изъ современниковъ характеризуетъ его такъ: „Ал. Ан. Беклешовъ, столь извѣстный своимъ здравымъ русскимъ умомъ, непоколебимостію и правосудіемъ своего характера, есть вмѣстѣ человѣкъ самаго добраго и нѣжнаго сердца. Кто бы могъ это сказать, смотря на его угрюмую физіогномію и нѣкоторую жесткость въ обхожденіи? А. А. очень не богатъ, а между тѣмъ такъ охотно и съ такимъ радушіемъ благодѣтельствуетъ всѣмъ, кто ни прибѣгаетъ къ его помощи! Не говоря уже о братѣ его, Николаѣ Андреевичѣ, которому какъ отцу многочисленнаго семейства, предоставилъ онъ всѣ доходы съ небольшаго родоваго своего имѣнія, онъ почти всѣ карманныя деньги раздаетъ неимущимъ... Какъ-то на дняхъ опять явилась къ нему съ просьбою о дѣтяхъ вдова над. сов. Ѳедорова, умершаго подъ судомъ за растрату казенныхъ денегъ. „Ну ты опять пришла, говоритъ ей Беклешовъ: вѣдь я сказалъ ужъ тебѣ, что мужъ твой былъ плутъ и я за тебя, хоть ты расплачься, государя безпокоить не стану. А вотъ тебѣ на бѣдность отъ меня еще 100 р.; какъ проѣшь ихъ, такъ добрые люди еще помогутъ. О старшихъ же ребятишкахъ попрошу губернскаго предводителя и кого нибудь изъ ученыхъ, чтобъ помѣстили въ какое нибудь училище. Учеными называетъ А. А. университетское начальство“. Современникъ прибавляетъ, что девизомъ правленія Беклешова служили правила: *слабостямъ снисходи, проступки исправляй, злонамѣреніе преслѣдуй, а раскаянью прощай*“. Гдѣ Беклешовъ ни служилъ, заключаетъ онъ, какія высокія долж-

---

Въ этой запискѣ Воронцовъ предостерегаетъ Кочубея отъ послѣдствій „министерскаго деспотизма“.

[1]) XIX вѣкъ, II, 81—82, 113, Бантышъ-Каменскій, Словарь достопам. людей, I, 175; Рус. Старина, XII, 234, 243, 245.

[2]) Записки Современника, 206—207, 231—231; XIX вѣкъ, 108.

[3]) Ibid. 205—207.

ности ни занималъ, всюду снискивалъ онъ любовь и уваженіе и всюду былъ по словамъ поэта Петрова:

Защитникъ строгаго Зенонова закона
И стоикъ посредн великолѣпій трона.

Въ дополненіе къ сказанному присоединимъ еще разсказъ изъ воспоминаній проф. Снегирева, также относящійся къ пребыванію Беклешова въ Москвѣ. „Въ Москвѣ говоритъ авторъ записокъ, былъ главнокомандующимъ Беклешовъ, человѣкъ умный, справедливый, но вспыльчивый, имѣвшій по дѣламъ службы столкновеніе съ митрополитомъ. Въ одинъ торжественный день онъ былъ у обѣдни въ Успенскомъ соборѣ. Платонъ говорилъ проповѣдь, во время которой Беклешовъ заговорился съ какимъ-то пріѣзжимъ изъ Петербурга генераломъ. Проповѣдникъ замолчалъ. Когда главнокомандующему адъютантъ замѣтилъ объ этомъ и тотъ прекратилъ разговоръ, Платонъ спросилъ его: „кончили ли вы ваше в. прев.? а я стану продолжать мое слово“. Случилось, при другомъ служеніи въ соборѣ Платона, присутствовать Беклешову. Митрополита въ алтарѣ прогнѣвалъ протодіаконъ какимъ-то проступкомъ. Платонъ довольно громко выговаривалъ виноватому. Главнокомандующій воспользовался этимъ случаемъ, послалъ къ преосв. въ алтарь своего адъютанта спросить: „Какъ его превосх. изволилъ услышать шумъ здѣсь, то приказалъ мнѣ спросить в. преосв. не нужна ли вамъ полиція?“—„Полиція я здѣсь, возразилъ Платонъ, а онъ съ полиціей на площади“ [1]).

3 апрѣля 1806 г. Беклешовъ, по разстроенному здоровью, оставилъ службу, причемъ получилъ алмазные знаки орд. Андрея Первозваннаго. Осенью того же года онъ отправился на жительство въ Ригу [2]). Сюда повидимому влекли его старыя симпатіи и привычки [3]). Но уже въ началѣ слѣдующаго года, когда Россіи предстояла война съ Франціей, онъ былъ избранъ главнокомандующимъ третьею областью земскаго войска (милиціи), состоявшею изъ губерній: лифляндской, эстляндской, курляндской и

[1]) Рус. Архивъ 1866, 539—540.

[2]) Р. Архивъ 1873, II, 1888.

[3]) Записки Нейендаля (Прибалт. Сборн., IV, с. 396—397).

псковской [1]), причемъ на него, какъ близко знавшаго край, возложены были, помимо мѣстной администраціи, изслѣдованіе причинъ неурожая въ лифляндской губ. и изысканіе средствъ къ отвращенію возможнаго голода; а 26 окт. 1807 г. онъ награжденъ былъ орд. св. Владиміра I ст. [2]). Въ это время онъ находился уже въ крайне болѣзненномъ состояніи [3]), а 24 іюля 1808 г. скончался въ г. Ригѣ, гдѣ и погребенъ на Покровскомъ кладбищѣ. Здѣсь сохранился гранитный памятникъ, поставленный надъ его могилою. На лицевой сторонѣ памятника, на мраморной доскѣ, рельефомъ высѣченъ весьма схожій и отчетливой работы портретъ покойнаго; на задней сторонѣ, также на мраморной доскѣ, вырѣзанъ гербъ его. На правой сторонѣ—краткій некрологъ, а на четвертой сторонѣ, на мраморной же доскѣ, высѣчена слѣдующая эпитафія:

„Во гробѣ Беклешовъ здѣсь тѣломъ почиваетъ,
Но разумомъ своимъ безсмертенъ пребываетъ
Онъ въ мирѣ и въ войнѣ отечеству служилъ,
Героемъ на моряхъ противъ срациновъ былъ.
Искусствомъ обладалъ какъ править областями,
Усердствовалъ царямъ и былъ любимъ царями.
Богатства не искалъ, мздоимства не терпѣлъ,
Не властью, а умомъ почтенье пріобрѣлъ;
Науки самъ любилъ и уважалъ ученыхъ,
Заслугъ имѣлъ самъ тьму, но чтилъ и заслуженныхъ.
Кто честность, нравъ и умъ въ семъ мужѣ точно зналъ,
Тотъ Беклешовымъ быть сердечно-бъ пожелалъ“ [4]).

А. А. Беклешовъ женатъ не былъ; но онъ имѣлъ воспитанника, о судьбѣ котораго позаботился заблаговременно и далъ ему

[1]) П. Собр. Зак., т. XXX, 156.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, т. XXII, 375; Воспом. объ А. А. Беклешовѣ, Павла Аверина (Воспом. на 1832 годъ, изд. С. Руссовымъ, Спб. 1832, с. 69). Авторъ этой замѣтки намѣревался издать полное жизнеописаніе А. А. Беклешова, но кажется не выполнилъ своего желанія. Портретъ Беклешова помѣщенъ въ книгѣ П И. Иванова: Біографіи генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи, М. 1864.

[3]) Воронц. Арх., XXX, 245.

[4]) Прибалт. Сборн., IV, с. 397. Уже въ 1846 г. извѣстный А. П. Ермоловъ писалъ кн. М. С. Воронцову; „Податель письма—молодой человѣкъ Беклешовъ, внукъ *славнаго строгою правдою Беклешова*, нѣкогда много уважаемаго Великою Екатериною“. (Воронц. Арх., т. XXXVI, 297).

приличное образованіе. Въ указѣ 1799 г. сказано что имп. Павелъ, „снисходя на прошеніе генералъ отъ инфантеріи Беклешова“, пожаловалъ Алексѣя Александрова россійскимъ дворянствомъ, дозволилъ усыновить его и съ фамиліею Беклешовыхъ укрѣпить за нимъ имѣніе на законномъ основаніи [1]). Состоя въ чинѣ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, Алексѣй Беклешовъ былъ убитъ 17 августа 1813 г. въ сраженіи съ французами подъ Кульмомъ, на 22 году отъ рожденія [2]).

В. Иконниковъ.

[1]) Сенат. Архивъ, I, 496. О его склонности къ литературѣ (Записки Селивановскаго, Библ. Зап. I, 517).

[2]) Восном. Аверина, 70.

Беата и Гальшка.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ПОЛЬСКО-РУССКОЙ ЖИЗНИ XVI В.[1])

ЯК. КАРО.

(*Переводъ съ нѣмецкаго*).

Среди описанныхъ выше событій, въ самый разгаръ январьскихъ холодовъ 1554 года, переѣзжала силезскую границу по направленію къ Богеміи одинокая повозка съ двумя сѣдоками: молодымъ, статнымъ господиномъ и слугой или пажемъ, который выглядѣлъ какъ то слишкомъ женственно. Въ первомъ сѣдокѣ нетрудно было узнать князя Дмитрія Сангушка; нѣсколько труднѣе было признать въ пажѣ переодѣтую героиню нашего разсказа, четырнадцатилѣтнюю княжну Гальшку, а въ ту пору уже законную, хотя и непризнанную, княгиню Сангушко. Осужденный князь былъ намѣренъ скрыться съ молодою женою въ замокъ Рудницу, въ Богеміи, принадлежавшій его покровителю гетману Тарновскому. Путешествіе продолжалось безъ помѣхи, и уже въ послѣднихъ числахъ января наши бѣглецы достигли города Нимбурга, гдѣ переночевали у Ѳомы Мыслика. Изъ Нимбурга они отправились далѣе въ мѣстечко Лысу, въ пяти миляхъ отъ Праги, и 31 января остановились въ гостинницѣ трактирщика Мартына Ливы.

Оригинальное было это свадебное путешествіе, какъ и самая свадьба, даже и помимо вынужденнаго переодѣванія молодой.

[1]) „Кіевская Старина“, 1890 г., № 1.

На всемъ протяженіи пути, гдѣ проѣхали новобрачные, можно было видѣть толпу въ двѣсти слишкомъ конныхъ пановъ и слугъ, которые повидимому кого то преслѣдовали. Тутъ находились родственники княгини Беаты Косцелецкіе, панъ Янушъ, воевода сѣрадзскій, панъ Андрей, воевода ленчицкій, родственные имъ графы Горка, графъ Андрей, староста Кроны-Нѣмецкой, и графъ Лука, староста бусскій. Но впереди всѣхъ мчался панъ Мартынъ Зборовскій, воевода калишскій, съ сыномъ своимъ, который также носилъ имя Мартына и титулъ каштеляна кривинскаго, и съ двумя слугами. Эти четверо передовыхъ всадниковъ также вскорѣ достигли Нимбурга и остановились у того самаго Ѳомы Мыслика, гдѣ незадолго передъ этимъ ночевали наши новобрачные.

Послѣдній день января 1554 года приходился въ середу, и у трактирщика Мартына Ливы въ Лысѣ справляли какъ разъ въ это время свадебную пирушку, куда собрались гости не только изъ мѣстечка и сосѣднихъ деревень, но даже изъ ближайшаго города Челяковицъ. Гдѣ было веселье, тамъ панъ Дмитрій былъ свой человѣкъ. Городовой писарь и райца городка Лысы, достопочтенный панъ Матей, искренно и правдиво разсказываетъ, какъ держалъ себя на праздникѣ чужеземецъ:

„Пріѣзжій панъ сѣлъ за однимъ столомъ, а мы за другимъ посреди комнаты. Трактирщица принесла свѣчу и поставила ее на нашемъ столѣ.

— Ого, дай же и мнѣ свѣчу!—воскликнулъ иностранецъ. Я хотѣлъ поставить нашу свѣчу ему на столъ.

— Оставь, не нужно,—возразилъ панъ. Но въ трактирѣ было много народа. Я присѣлъ къ столу молодого пана и завязалъ съ нимъ бесѣду. Онъ выдавалъ себя за канцлера славнаго города Мюнстерберга, значитъ былъ важнымъ паномъ. Впрочемъ это не помѣшало ему танцовать съ дѣвушкой изъ нашего общества, которую ему представили. Послѣ этого я ушелъ домой и легъ спать“.

Примѣру городового писаря Матея послѣдовали и другіе гости. Граждане Лысы разбрелись по домамъ; изъ иногородныхъ гостей, женщины ушли спать на вышку, а мужчины располо-

жились какъ попало на лавкахъ тутъ же въ трактирномъ залѣ. Князь Дмитрій отправился по лѣстницѣ наверхъ, гдѣ въ особой комнатѣ помѣщалась княжна Гальшка съ своей прислужницей.

На слѣдующій день всѣ поднялись очень рано, и гости сошли внизъ. Солнце уже ярко блистало, когда по лѣстницѣ спустился въ трактирную комнату и князь Дмитрій, еще неодѣтый, но закутанный въ крытую бархатомъ шубу. На немъ было блестящее золотое ожерелье.

— Добраго утра,—привѣтствовалъ онъ гостей при входѣ въ комнату.

Всѣ поблагодарили, и Дмитрій самымъ любезнымъ образомъ освѣдомился, хорошо ли почивали гости. Прохаживаясь по комнатѣ, онъ шутливо спрашивалъ женщинъ и дѣвушекъ:

— Гдѣ же вы спали?

— Тамъ, на вышкѣ,—былъ отвѣтъ.

Дмитрій отправился къ умывальнику, умылся и вернувшись въ комнату, воскликнулъ:

— Ну, господа, теперь будемъ веселиться!

Онъ пожелалъ, чтобы играла музыка, и кликнулъ трактирщицу, но ее въ то время не было дома. Голодъ давалъ себя чувствовать, пора было завтракать.

Наконецъ появилась трактирщица Людмила Лива.

— Найдется что нибудь для завтрака?—освѣдомился князь.

— О, да, кой что найдемъ,—отвѣчала трактирщица.

— Но мнѣ нужно каплуна непремѣнно, хотя бы это стоило цѣлый золотой! замѣтилъ князь.

— Хорошо, сударь, все будетъ готово.

— Ну, ладно, только поскорѣе пожалуйста, и если бы даже мнѣ пришлось издержать у васъ сотню-другую золотыхъ—будетъ уплочено!

Въ это время въ дверяхъ показался трактирщикъ Мартынъ Лива и позвалъ жену:

— Людмила! выдь-ка на минутку!

Она немедленно повиновалась и вышла изъ комнаты, но въ открытую дверь тотчасъ же ворвалась толпа вооруженныхъ

людей и раздались ружейные выстрѣлы, направленные въ середину гостей.

Это предательство было подготовлено наканунѣ ночью.

Мы покинули калишскаго воеводу пана Мартына Зборовскаго въ трактирѣ Мыслика въ Нимбургѣ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ сыномъ и двумя слугами остановился въ томъ самомъ помѣщеніи, въ которомъ незадолго передъ тѣмъ ночевали Дмитрій и Гальшка. Прочіе преслѣдователи пережидали въ Яромирѣ, такъ какъ опасались проникнуть далѣе въ чужую землю безъ всякаго разрѣшенія, а изъ Яромира въ случаѣ нужды легко было скрыться за польской границей. Отъ нимбургскаго трактирщика Зборовскій узналъ, куда направились бѣглецы. Чтобы привлечь горожанъ на свою сторону и возстановить ихъ противъ Дмитрія, Зборовскіе описывали причины бѣгства и преслѣдованія въ самыхъ ужасающихъ краскахъ: они разсказывали, будто бѣглый преступникъ умертвилъ въ Острогѣ множество народа, даже женщинъ и дѣвушекъ, какъ онъ похитилъ княжну и вмѣстѣ съ нею на 300,000 дукатовъ золота и серебра, и т. п. Этими баснями полякамъ удалось склонить на свою сторону трактирщика Мыслика, а затѣмъ чрезъ его посредство и нимбургскаго войта или „судью“ Адама Кухту. Новые друзья вскорѣ пришли къ единогласному рѣшенію, что безъ позволенія лысскаго коменданта ничего нельзя начинать. Нужно было какъ нибудь устранить это затрудненіе, и Адамъ Кухта вызвался помочь бѣдѣ.

Вечеромъ того же 31 января молодой Зборовскій, переодѣтый и на лошади, взятой у трактирщика, чтобы не быть узнаннымъ по своему польскому костюму, отправился по дорогѣ въ Лысу въ сопровожденіи Кухты, Мыслика и трактирнаго пахолка. Старый Зборовскій, поджидавшій нѣкоторыхъ поляковъ, двинулся туда же значительно позже ночью, взявъ въ проводники какого то еврея.

Около полуночи четверо передовыхъ прибыли въ Лысу, и нимбургскій войтъ постучался въ домъ Адама Кухара, куда ихъ тотчасъ же и впустили. Судья велѣлъ зажечь свѣчу и развести огонь въ печкѣ.

— Но, почтеннѣйшій тезка,—освѣдомился Адамъ Кухаръ у судьи Кухты:—куда же вы ѣдете?

— Въ Прагу, на ярмарку! былъ отвѣтъ.

Кухаръ вышелъ на минутку изъ комнаты по своему дѣлу. Когда онъ вернулся, Кухта попросилъ его проводить поляковъ къ коменданту замка. Этимъ панамъ зачѣмъ то нужно и конечно они будутъ очень благодарны. Кухаръ нимало не колеблясь отправился въ путь. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ явился наконецъ къ посѣтителямъ комендантъ, панъ Матвѣй Вахтель изъ Партенау, и поляки начали съ нимъ бесѣду.

Зборовскій разсказывалъ, что въ Лысѣ скрывается извѣстный убійца, объявленный въ Польшѣ лишеннымъ покровительства законовъ. Въ подтвержденіе онъ представилъ три королевскихъ декрета, писанные по-латыни. Гауптманъ недовольно проворчалъ, что никакой латыни не знаетъ. Нечего нарушать ночной покой. Утромъ онъ пригласитъ судью и присяжныхъ.

Этого было мало для Зборовскаго. До тѣхъ поръ преступникъ пожалуй умертвитъ похищенную княжну, замѣтилъ онъ.

Въ такомъ случаѣ, рѣшилъ панъ Вахтель, можно пожалуй отправиться туда и принять мѣры предосторожности, чтобы преступникъ не скрылся, но бить его они не смѣютъ,—онъ это запрещаетъ.

Ночные посѣтители возвратились въ домъ Кухара, куда между тѣмъ прибыло до двадцати поляковъ съ воеводою Зборовскимъ. Они расположились кругомъ на лавкахъ и вели бесѣду.

— Кто идетъ?—спросили они нимбургскаго войта при появленіи Кухара.

— Это трактирщикъ,—былъ отвѣтъ.

— Здорово, хозяинъ,—привѣтствовалъ его старый Зборовскій, сидѣвшій въ углу за столомъ.

— Здравствуйте,—отвѣтилъ чехъ.

Послѣ этого обсудили, какъ бы пригласить трактирщика Ливу, и въ то время, какъ Кухаръ вышелъ изъ комнаты, поляки отправили въ трактиръ своего посланца, Венцеля Коханека.

Послѣдній встрѣтилъ здѣсь женщину, которая помогала въ трактирѣ при пирушкѣ, Катерину Вискову, и попросилъ ее раз-

будить и вызвать къ нему хозяина. Катерина отказалась наотрѣзъ, хотя Коханекъ увѣрялъ, что у него важное дѣло и что онъ явился по приказанію коменданта. Но другая женщина, Конделька изъ Челяковицъ, оказалась сговорчивѣе, взяла свѣчу, отправилась съ Коханекомъ и разбудила хозяевъ.

Переговоры съ трактирщикомъ Мартыномъ Ливою пошли какъ по маслу, и когда настало утро, вѣроломный Лива явился къ полякамъ въ домъ Кухара и объявилъ:

— Спѣшите, Дмитрій уже всталъ!

Вся толпа поляковъ, съ нимбургскимъ войтомъ Кухтой во главѣ, немедленно двинулась въ путь. Мартынъ Лива поспѣшилъ къ своему дому впередъ и отворивъ дверь трактирнаго зала, вызвалъ, какъ сказано выше, жену: „Людмила, выдь-ка на минутку!“

Не успѣла хозяйка выйти за дверь, какъ въ комнатѣ раздались ружейные выстрѣлы. Одинъ челяковицкій горожанинъ и женщина были ранены, а двѣ пули ударились въ противоположную стѣну и застряли въ ней. Но Дмитрій остался невредимъ. Онъ кинулся къ двери, и хотя двое слугъ схватили его за одежу, но князь сбросилъ съ себя шубу и выскочилъ въ сѣни. Онъ былъ намѣренъ проникнуть въ комнату, гдѣ находилась Гальшка съ своей прислужницей. Но путь уже былъ прегражденъ, рубашка на князѣ была изорвана преслѣдователями и клочьями висѣла на голомъ тѣлѣ. Слуги Зборовскаго вытѣснили Дмитрія во дворъ трактира и одинъ изъ нихъ поразилъ князя ударомъ сзади. Ворота были заперты. Дмитрій пробовалъ выбить доску изъ воротъ, но враги настигли его и били прикладами и желѣзными шомполами „точно скотину“, по выраженію одного изъ свидѣтелей. Другой очевидецъ показалъ, что у воротъ какой то полякъ ударилъ князя по головѣ серебряной булавой. Третій свидѣтель видѣлъ, какъ Адамъ Кухта, нимбургскій войтъ, поразилъ князя въ голову ружейнымъ прикладомъ съ такою силою, что кровь ручьемъ полилась по обнаженному тѣлу несчастнаго.

— Стой, измѣнникъ, сдавайся,— вопилъ разсвирѣпѣвшій Кухта.

— Господа,—молилъ истекавшій кровью князь,—не убивайте меня, я вамъ ничего не сдѣлалъ.

Но Кухта приказалъ слугѣ наложить на князя оковы. Слуга повиновался. Несчастный прислонился къ стѣнѣ свиного хлѣва, такъ какъ былъ совершенно нагъ. Когда слуга передалъ на время свое ружье войту и подошелъ къ князю, послѣдній сказалъ:

— Иди, не бойся, я христіанинъ, и если боишься Бога, пожалѣй меня!

Слуга наложилъ на него желѣзныя оковы. Двое поляковъ схватили несчастнаго за руки и въ такомъ видѣ, совершенно обнаженнаго, ввели въ трактирную комнату.

Женщина, которая помогала супругамъ Ливамъ на празднествѣ и оставалась тѣмъ временемъ въ запертой поляками свѣтлицѣ вмѣстѣ съ другими женщинами и дѣвушками, видя, что „польскаго пана ведутъ какъ мать на свѣтъ родила“, отчаянно закричала злодѣямъ:

— Ради самаго Господа и Пресвятой Богородицы, что̀ вы дѣлаете, безстыдники!

Петръ Пекаръ, присутствовавшій вмѣстѣ съ другими при разговорѣ младшаго Зборовскаго съ комендантомъ, также просилъ войта Кухту не бить несчастнаго, который уже и безъ того находится въ оковахъ. Вѣдь комендантъ положительно воспретилъ бить преслѣдуемаго.

Но Кухта лишь презрительно разсмѣялся.

— Ты не вправѣ—стоналъ Дмитрій—такъ обращаться со мною, я этого не заслужилъ.

— Можешь жаловаться на меня,—отвѣчалъ безжалостно судья.

Несчастный старался какъ нибудь скрыть свою наготу отъ бывшихъ въ комнатѣ женщинъ. Его положили на столъ, но онъ былъ такъ израненъ и окровавленъ, что ничего не могъ видѣть вокругъ. Послѣ этого ему связали еще руки, сорвали съ шеи золотое ожереье и повѣсили взамѣнъ желѣзную цѣпь, издѣваясь, что она ему болѣе къ лицу, чѣмъ золотая.

— Измѣнникъ!—вскричалъ тогда панъ Мартынъ Зборовскій старшій, воевода калишскій, нанося несчастному пощечину:—

король одарилъ тебя милостями и поручилъ тебѣ пограничные замки, а ты вѣроломно и безчестно бросилъ ихъ. Прежде ты воевалъ съ татарами, а теперь воюешь съ женщинами!

Прочіе поляки также оскорбляли и издѣвались надъ беззащитнымъ. Но Дмитрій не отвѣчалъ имъ ни слова, только нимбургскому войту онъ сказалъ:

— Тебѣ я ничего не сдѣлалъ.

Наконецъ дали ему рубаху изъ тонкаго полотна, которую онъ однако отказался надѣть. Принесли простую рубаху,—онъ надѣлъ. Затѣмъ набросили ему на плечи волчью шкуру. Одинъ изъ челяковицкихъ горожанъ, нѣкто Чехель, съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на несчастнаго князя; Дмитрій подмѣтилъ это выраженіе сочувствія и знаками просилъ чеха подойти къ нему поближе. Чехель сперва не понялъ, чего тотъ хочетъ, пока одинъ изъ слугъ не сказалъ, что несчастный проситъ пить. Чехель хотѣлъ дать князю напиться, но Кухта грубо оттолкнулъ его.

— Но кто же онъ такой и въ чемъ его вина? спросилъ Чехель войта.

— О,—отвѣчалъ Кухта,—онъ перебилъ много женщинъ въ острожскомъ замкѣ, откуда родомъ княжна; другія отъ ужаса выбросились въ замковой ровъ; онъ заточилъ мать княжны въ подземелье и нѣсколько дней держалъ ее тамъ безъ пищи; умертвилъ двухъ замковыхъ слугъ, пробовавшихъ сопротивляться, а съ княжной, которая тамъ наверху, онъ сперва скитался нѣкоторое время по лѣсамъ. Такого молодца нечего жалѣть.

Тутъ только вспомнилъ Кухта о слугахъ князя Дмитрія. Одинъ слуга остался вѣренъ своему господину и находился при немъ, другой спрятался за печкой, а третьяго нашли въ сараѣ для скота. Ихъ привели, привязали другъ къ другу и всѣхъ трехъ заковали въ одинъ общій ошейникъ.

Наконецъ лысскій гражданинъ Индеръ спросилъ у другого:— Гдѣ же жена этого господина?—Ему отвѣчали, что наверху.

— Клянусь Богомъ,—замѣтилъ Индеръ Кухтѣ:—мнѣ жалко этого господина, что его такъ изранили.

— Какъ можно жалѣть такого злодѣя,—возразилъ Кухта:— зачѣмъ онъ убивалъ женщинъ и дѣвушекъ, выгналъ ихъ изъ замка и увезъ съ собою эту княжну?

Затѣмъ судья вмѣстѣ съ воеводою Зборовскимъ отправился къ Гальшкѣ. Несчастная княжна дважды упала въ ноги пану Мартыну. Воевода привѣтствовалъ ее по обычаю и повелъ рѣчь о событіи. По словамъ одного изъ свидѣтелей, воевода послѣ отвѣта княжны на свой вопросъ [1]), замѣтилъ только:— Дѣло дрянь!

Во время этого разговора явился наверхъ Венцель Коханекъ, чтобы добыть перевязокъ для раненаго. Зборовскій оставилъ княжну, сошелъ внизъ въ трактирную комнату и расплатился съ хозяиномъ. Поляки старались примириться съ гостями Ливы, которые были ранены во время свалки, и уплатили двоимъ изъ нихъ 15 копъ грошей вознагражденія. Конделька, разбудившая Ливу ночью, также желала получить на свою долю, но паны разсмѣялись ей въ лицо.

Зборовскому легко могла теперь прійти въ голову мысль, что своимъ звѣрскимъ образомъ дѣйствій въ чужой странѣ онъ создастъ себѣ не мало затрудненій. Поэтому онъ послалъ слугу къ коменданту, чтобы увѣдомить его обо всемъ происшедшемъ. Гауптманъ Вахтель, о добросовѣстности котораго этотъ случай свидѣтельствуетъ довольно курьезнымъ образомъ, потребовалъ отъ поляковъ лишь обѣщанія на честномъ словѣ, что они останутся въ Нимбургѣ и уѣдутъ оттуда не раньше, какъ предъявятъ ему грамоту на свободный проѣздъ отъ эрцгерцога Максимиліана, намѣстника въ Богеміи. Тогда Зборовскій явился въ замокъ лично. Вахтель стоялъ на своемъ, что до полученія грамоты не можетъ также разрѣшить и увоза Дмитрія изъ Нимбурга.

— Ну, хорошо,—отвѣчалъ воевода:—такъ какъ благодареніе Богу княжна осталась въ добромъ здравіи, то два-три дня отсрочки для меня ничего не значитъ.

---

[1]) Показаніе свид. Щаснаго (Феликса) Шветеля изъ Челяковицъ: Зборовскій спросилъ Гальшку: „steli poruŝeni?“ Княжна отвѣчала утвердительно. См. Шараневича: „Галышка, княжна Острожска“, стр. 72.— *Пр. пер.*

Возвратившись въ трактиръ, Зборовскій нашелъ своихъ слугъ за дѣятельными приготовленіями къ дорогѣ. Княжна съ прислужницей сошла внизъ и помѣстилась въ крытой повозкѣ. Четверо слугъ сняли кн. Дмитрія со стола, на которомъ онъ лежалъ, вынесли во дворъ и положили въ телегу. Поляки забрали себѣ сангушковыхъ лошадей, но на лучшаго коня сѣлъ Кухта и заявилъ:

— Ну, теперь онъ мой!

Затѣмъ весь кортежъ поспѣшно двинулся къ сосѣднему городу Нимбургу. По прибытіи поляковъ на нимбургскій рынокъ, вокругъ нихъ стала собираться толпа горожанъ. Кухта, въ качествѣ городоваго войта, подыскивалъ тѣмъ временемъ помѣщеніе для плѣнника. Дмитрій пластомъ лежалъ на своей телегѣ и былъ до такой степени покрытъ кровью, что невозможно было узнать его лицо. Онъ приподнялся и сталъ просить нимбургцевъ оказать ему защиту и покровительство. Онъ говорилъ окружившимъ телегу гражданамъ:

— Люди добрые, пожалѣйте меня Бога ради! Я отдаюсь на судъ его величества короля римскаго, ибо я его вассалъ. Ахъ, не давайте меня въ руки полякамъ. Если его величество король римскій велитъ меня казнить, охотно сложу тогда свою голову на плахѣ.

Между тѣмъ Адамъ Кухта распорядился отнести плѣнника въ домъ гражданина Венцеля Копецкаго. Въ то время, какъ Дмитрій лежалъ здѣсь, а Копецкій старался удалить любопытныхъ, желавшихъ проникнуть въ домъ, къ несчастному князю явилось двое нимбургскихъ гражданъ и долгое время бесѣдовали съ нимъ. Копецкій слышалъ только, какъ Дмитрій умолялъ своихъ собесѣдниковъ:—Люди добрые, сжальтесь надо мною! Вѣдь вы христіане,—не выдавайте меня полякамъ.

Служанка Копецкаго слышала еще, какъ плѣнникъ Богомъ заклиналъ гражданъ не выпускать его за черту городскихъ владѣній: они одни имѣютъ теперь надъ нимъ право суда и расправы. Пусть доведутъ обо всемъ до свѣдѣнія его величества, королевскихъ совѣтниковъ или эрцгерцога.

Граждане удалились. Нѣкоторое время спустя одинъ изъ

нихъ явился вновь. Дмитрій подозвалъ его къ себѣ и просилъ:— Ахъ, не выдавайте меня полякамъ, они умертвятъ меня на дорогѣ.

Тутъ подскочилъ одинъ изъ поляковъ и грозя желѣзнымъ шомполомъ закричалъ на нимбургца:

— Что ты тамъ болтаешь съ нимъ, развѣ это твое дѣло?

— Успокойся,—отвѣчалъ гражданинъ хладнокровно и вышелъ изъ дому.

Въ толпѣ, тѣснившейся передъ домомъ Конецкаго, нашелся добрый человѣкъ, который изъ сожалѣнія къ плѣннику послалъ за цирульникомъ для осмотра ранъ кн. Дмитрія. Цирульникъ приблизился уже къ князю съ своимъ снарядомъ, чтобы омыть и перевязать раны, но тутъ явился войтъ Кухта и рѣшительно объявилъ:

— Панъ воевода воспретилъ перевязывать.

Поляки и Кухта издѣвались надъ сердобольнымъ горожаниномъ, пригласившимъ цирульника, и обзывали его „мочеточиной“.

Подъ вечеръ явился молодой Зборовскій и глумился надъ плѣннымъ Сангушкомъ:

— Какъ могъ ты рѣшиться на такое дѣло? Не довольно развѣ было тебѣ какой нибудь простой шляхтянки? Тебѣ понадобилась непремѣнно княжна! Куда дѣвалъ ты ея добро и драгоцѣнности, которыя награбилъ?

Князь не отвѣчалъ своему мучителю ни единымъ словомъ.

Вечеромъ того же дня прибылъ изъ Лысы извѣстный уже намъ Венцель Коханекъ съ приказомъ отъ коменданта нимбургскому войту ни подъ какимъ видомъ не выпускать поляковъ изъ города, до полученія грамоты эрцгерцога. Кухта отвѣтилъ Коханеку, что поляки во всякомъ случаѣ не уѣдутъ до утра. Посланецъ успокоился и легъ спать. Но когда онъ проснулся на слѣдующій день утромъ и освѣдомился о воеводѣ, поляки были уже далеко за чертой городскихъ владѣній.

Когда все уже готово было утромъ къ отъѣзду, несчастный князь Дмитрій еще разъ взывалъ къ нимбургцамъ, что они не должны отпускать его съ поляками, такъ какъ имъ теперь принадлежитъ право суда. Еще разъ отдавалъ онъ себя на судъ

короля римскаго, эрцгерцога и королевскихъ совѣтниковъ. Пусть его задержатъ по крайней мѣрѣ до разрѣшенія дѣла въ королевскомъ совѣтѣ.

Лишь одинъ человѣкъ откликнулся на раздирающіе душу вопли князя. Нѣкто Канторекъ, тотъ самый, что наканунѣ пригласилъ цирульника, закричалъ Дмитрію, что позаботится дать знать куда слѣдуетъ. И дѣйствительно онъ нашелъ посланца, который немедленно отправился въ Прагу. Поляки не сказали на это ни слова.

Между тѣмъ они двинулись въ дальнѣйшій путь. Имъ пришлось сдѣлать въ этотъ и слѣдующій затѣмъ день пятьдесятъ миль, чтобы достичь наконецъ ближайшей цѣли путешествія, мѣстечка Яромира. Дмитрія везли подъ ближайшихъ наблюденіемъ нимбургскаго войта Кухты и молодого Зборовскаго,—отецъ послѣдняго сопровождалъ княжну Гальшку. Въ день св. Власія, 3 февраля, пріѣхали они въ Яромиръ и заняли гостинницу. Несчастнаго плѣнника, который два дня ѣхалъ въ жестокую стужу съ неперевязанными ранами и въ открытой повозкѣ, поляки заперли въ конюшнѣ, приковали на цѣпь и поставили часовыми нѣсколько татаръ изъ отряда воеводы Зборовскаго.

Тѣмъ временемъ изъ Праги пришелъ приказъ яромирскому войту и райцамъ не отпускать поляковъ изъ города, если имъ уже удалось уйти изъ Нимбурга. Яромирскій магистратъ далъ знать объ этомъ воеводѣ, но не принялъ никакихъ мѣръ для безопасности плѣнника.

Въ туже ночь необъяснимая смерть положила конецъ его невыносимымъ страданіямъ.

Только 4 февраля утромъ распорядился яромирскій войтъ открыть конюшню, ключъ отъ которой находился у татарскихъ часовыхъ, и глазамъ его представилась ужасающая картина. Кровавые останки князя были еще прикованы цѣпью. Войтъ велѣлъ изготовить гробъ на счетъ города и положить въ него тѣло. Но воеводѣ это не понравилось. Онъ приказалъ своимъ татарамъ снять саванъ и выбросить обнаженный трупъ на навозъ въ конюшню. Къ великому соблазну яромирскихъ обывателей, Зборовскій велѣлъ удалить гробъ изъ дома.

Но настроеніе яромирскихъ гражданъ было повидимому иное, нежели въ Нимбургѣ. Плѣнные слуги Сангушка успѣли сообщить имъ, что кн. Дмитрій, ихъ господинъ, получилъ согласіе на бракъ съ Гальшкой отъ дяди невѣсты, что онъ дважды вѣнчался съ нею по церковному обряду, католическому и греческому, такъ какъ самъ принадлежалъ къ греческой церкви. Кромѣ того, отецъ княжны передъ смертью самъ назначилъ Сангушка своимъ будущимъ зятемъ.

Послѣднее заявленіе конечно было лишено всякаго основанія, такъ какъ кн. Илья Острожскій не могъ знать передъ своею кончиною, родится ли у него сынъ или дочь.

Какъ держала себя княжна во время звѣрскихъ истязаній и мучительной агоніи своего мужа, мы не знаемъ. Одинъ за другимъ прибывали ея родственники, соединившіеся съ Зборовскимъ для преслѣдованія князя, панъ Янушъ Косцелецкій, панъ Андрей Косцелецкій, графъ Андрей и Лука Горки. Съ графомъ Андреемъ Горкою прибылъ отрядъ въ 200 человѣкъ, который былъ расквартированъ частью въ Находѣ, частью въ Глацѣ.

Только появленіе этихъ пановъ повидимому убѣдило кровожаднаго воеводу Зборовскаго, что поведеніе его останется безнаказаннымъ. Не ранѣе 7 февраля согласился онъ наконецъ выдать тѣло князя Дмитрія. Яромирскій магистратъ распорядился вновь надѣть на покойника саванъ и перенести тѣло въ домъ войта. Отпѣваніе совершалось на чешскомъ языкѣ. Массы народа толпились въ домѣ войта вокругъ тѣла усопшаго, и всѣмъ бросилось въ глаза, что, несмотря на жестокій морозъ, голова покойника не держалась неподвижно, но шаталась изъ стороны въ сторону. Общественное мнѣніе рѣшило, что шейные позвонки должны быть повреждены. Надпись надъ гробомъ князя въ церкви св. Николая въ Яромирѣ доказываетъ, что яромирскіе граждане нимало не сомнѣвались въ насильственной смерти Сангушка и убійцей считали Мартына Зборовскаго. Погребеніе оказалось возможнымъ совершить только 11 февраля. Тѣло было положено въ помянутой церкви въ особомъ склепѣ, гдѣ еще никого ранѣе не хоронили. Надъ гробомъ была затѣмъ воздвигнута украшенная гербомъ Сангушекъ плита съ такою надписью:

„Hoc loco conditur corpus clari Lithuaniae ducis Dimithr Sanduskowic ex magnifica Olgierdorum familia nati, capitanei Cyrkowiensis et Kanowiensis, quem perfide insidiose Martinus Zborowski trucidavit". (Здѣсь покоится прахъ славнаго литовскаго князя Дмитрія Сангушковича изъ знаменитаго ольгердова дома, старосты черкасскаго и каневскаго, вѣроломно и измѣнически умерщвленнаго Мартыномъ Зборовскимъ).

Въ 1860 году фамилія Сангушекъ распорядилась замуровать эту плиту въ церковную стѣну, а взамѣнъ поставила надъ гробомъ другую съ надписью, гдѣ уже не упоминается объ убійцѣ и убіеніи Дмитрія.

Между тѣмъ донесеніе сострадательнаго Канторека изъ Нимбурга въ Прагу не осталось безъ результата. Въ пятницу 9 февраля, за два дня до погребенія жертвы мстительности, явились въ Яромиръ по повелѣнію римскаго короля Фердинанда гауптманы ф. Колинъ и Подибрадъ съ 30 кнехтами. Самому городу это причинило только безпокойство и расходы, такъ какъ горожане обязаны были отапливать квартиры военныхъ и держать караулы во время свирѣпствовавшей въ ту пору жестокой стужи. Цѣль присылки военнаго отряда заключалась собственно въ томъ, чтобы не допустить ухода поляковъ изъ города. Слуги кн. Сангушка были также задержаны. Какой то полякъ упрекнулъ одного изъ этихъ слугъ, что онъ согласился отправиться въ путь съ такимъ измѣнникомъ, и получилъ отвѣтъ:

— Не думаю, чтобы кто либо изъ васъ могъ сравниться въ доблестяхъ съ покойнымъ. Не съ измѣнникомъ я отправился въ дорогу, но съ любимымъ господиномъ и княземъ.

Секретарь кн. Дмитрія, Янъ Ярославъ Зелинскій, былъ настигнутъ въ Глацѣ въ Силезіи и по требованію поляковъ подвергнутъ аресту при ратушѣ.

О кровавомъ исходѣ столкновенія королю Сигизмунду-Августу было донесено въ то время, когда онъ, покончивъ въ Кнышини судъ надъ Дмитріемъ, отправлялся въ Парчовъ, гдѣ по всей вѣроятности находилась королева Екатерина во время люблинскаго сейма. Онъ немедленно послалъ къ римскому королю просьбу отпустить задержанныхъ въ Яромирѣ поляковъ. Пови-

димому лишь послѣ предварительныхъ переговоровъ между королями, 3 марта, мѣсяцъ спустя послѣ прибытія поляковъ въ Яромиръ, явились сюда два коммиссара римскаго короля и на слѣдующій день объявили панамъ и предложили къ подписи такой приказъ: воевода калишскій, панъ Мартынъ Зборовскій, долженъ подписью и печатью обязаться за себя и своихъ потомковъ никогда не предпринимать ничего ко вреду для Богеміи и особенно города Яромира. Оба Косцелецкіе съ своей стороны должны дать подписку съ приложеніемъ печатей, что въ теченіи двухъ слѣдующихъ мѣсяцевъ представятъ свою родственницу, княжну Гальшку, къ королю польскому въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ она находилась въ ту пору, то есть, не выдавъ ее вновь за кого-либо замужъ.

Поляки подписали эти обязательства и безпрепятственно уѣхали изъ Яромира. Косцелецкіе отвезли Гальшку обратно къ кн. Беатѣ. 18 марта мать и дочь вновь встрѣтились въ Познани. Только Кухта, нимбургскій войтъ, не могъ уѣхать съ поляками, ради которыхъ покрылъ себя такимъ срамомъ. По повелѣнію короля римскаго, королевскій прокуроръ Петръ Хотекъ въ Прагѣ началъ противъ Кухты и нимбургскихъ райцевъ уголовный процессъ. Въ теченіи послѣдняго, трактирщикъ Мартынъ Лива и Венцель Коханекъ умерли. Но оставалось еще до 80 живыхъ свидѣтелей, на показаніяхъ которыхъ основанъ нашъ разсказъ. Хотя они расходились въ мелкихъ подробностяхъ, но всѣ единогласно признавали, что Кухта велъ себя самымъ недостойнымъ, предательскимъ образомъ. Онъ былъ обвиненъ и приговоренъ къ публичному сѣченію въ трехъ частяхъ Праги—старомъ, новомъ и еврейскомъ городѣ, и наложенію клейма раскаленными щипцами, послѣ чего палачъ долженъ былъ вывести его за городскія ворота. Этотъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ 1557 году.

Н. М.

(Окончаніе въ слѣд. №).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

149.

Повѣрья о томъ, что ужъ любитъ молоко и сосетъ коровъ.

Въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ особенности въ Малороссіи, въ славянскихъ странахъ, напр. въ Далмаціи, у галицкихъ поляковъ (*Gustawicz* въ Zbiór wiadom. V), въ Германіи среди нѣмцевъ весьма распространены повѣрья и сказанія, что ужъ любитъ молоко, сосетъ коровъ, забирается въ погреба и выпиваетъ молоко изъ кувшиновъ. Я слышалъ въ харьковской губ. разсказъ, что ужъ такъ любитъ коровье молоко, что иногда пьетъ его изъ миски вмѣстѣ съ крестьянскими дѣтьми, которыя отгоняютъ непрошеннаго гостя ложками. Любопытно, что весьма сходное сказаніе встрѣчается въ древнихъ скандинавскихъ сагахъ, гдѣ, вообще, ужъ выступаетъ, какъ у древнихъ литовцевъ, священнымъ животнымъ дома, spiritus familiaris. Въ скандинавскихъ сказаніяхъ дѣти вмѣстѣ съ ужемъ ѣдятъ молоко съ хлѣбомъ изъ одной и той же чашки и только сердятся на него за то, что молоко онъ пьетъ, а хлѣбныя крошки (Brocken) не трогаетъ (*Weinhold,* Altnord. Leben, 292). Въ латышской сказкѣ колдунья содержитъ у себя дома пропасть змѣй; вездѣ у нея были змѣи: и въ кровати, и въ избѣ, и въ хлѣвѣ, и во дворѣ; но никто не зналъ, на что ей змѣи. Наконецъ, одна старуха подстерегла ее и увидѣла, что какъ только хозяйка начинала кипятить молоко, тотчасъ подползали змѣи къ краю котла и выпускали молоко въ котелъ. А насосали онѣ это молоко отъ со-

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 1.

сѣднихъ коровъ (*Вс. Миллеръ*, Сборн. матер. по этн., II, 122). Словаки и чехи раздѣляютъ повѣрье о склонности ужа къ молоку. У словенцовъ существуетъ разсказъ, что въ одномъ мѣстѣ мать каждый день давала дѣвочкѣ на завтракъ жидкую молочную кашу. Дѣвочка обыкновенно выходила со своею мисочкою за порогъ и въ другомъ мѣстѣ не хотѣла ѣсть. Разъ отецъ замѣтилъ, что изъ подъ порога выползаетъ бѣлый ужъ и ѣстъ вмѣстѣ съ дѣвочкою, и слышалъ какъ дитя ему сказало: „ѣшь же и кашу, а не одно молоко". На другой день отецъ подстерегъ и убилъ ужа; но вмѣстѣ съ ужемъ умерла и дѣвочка. О подобныхъ случаяхъ разсказываютъ и въ Чехіи. Бываетъ, говорятъ, такой ужъ, что обовьется около ноги коровы и сосетъ ея молоко. Эта корова, несмотря на побои, не даетъ себя доить дома. Въ одномъ мѣстѣ на р. Вагѣ у хозяина была корова, которую сосалъ ужъ; хозяинъ продалъ ее; но корова убѣжала на прежнее мѣсто и стала поджидать ужа. Новый хозяинъ, увидѣвъ, что къ ней ползетъ бѣлый, толстый ужъ, убилъ его. Тутъ же издохла и корова (*Потебня*, О Долѣ, 22).

Къ этимъ повѣрьямъ и сказаніямъ примыкаютъ другія, такъ или иначе поставляющія ужа въ связь съ молокомъ. Въ черниговской губерніи записанъ слѣдующій разсказъ о мстительности ужа: Однажды мужикъ, поправляя свою комору, нашелъ подъ гнилымъ столбомъ яйца ужа, взялъ ихъ и спряталъ. Ужъ пополъзъ въ погребъ и впустилъ отраву въ молоко. Мужикъ не захотѣлъ уничтожить яица ужа и положилъ ихъ на прежне мѣсто. Провѣдавъ объ этомъ, ужъ быстро пополъзъ въ погребъ и вывернулъ отравленное молоко на землю (*Черниговскія Губ. Вѣд.*, 1859, № 22).

Въ виду цѣлаго ряда сказаній о томъ, что ужъ любитъ молоко и сосетъ коровъ, сказаній, встрѣчающихся у разныхъ народовъ, въ древности и въ новое время, въ высшей степени сходныхъ, передаваемыхъ часто отъ имени лицъ, будто-бы собственными глазами видѣвшихъ, какъ ужъ пилъ молоко вмѣстѣ съ дѣтьми, въ виду всего этого естественно возникаетъ мысль обратиться за разъясненіемъ къ тѣмъ зоологамъ, которые изучали образъ жизни и нравы ужей. Спеціалистъ по этой части зоологіи Линкъ говоритъ, что народное повѣрье о томъ, будто ужъ сосетъ молоко у коровъ, есть „одно изъ самыхъ бездоказательныхъ суевѣрій. Мнѣ давно уже

бросилось въ глаза, замѣчаетъ по этому поводу Линкъ, что ни одинъ изъ многихъ обыкновенныхъ ужей, которыхъ мнѣ удавалось наблюдать въ продолженіе года, не прикасался къ сосуду съ питьемъ, хотя они очень рѣшительно хватали твердую пищу. Ужей, которые сдѣлались настолько ручными, что поѣдали мышей и лягушекъ не только передъ моими глазами, но даже изъ моихъ рукъ, я оставлялъ безъ воды сначала по недѣлямъ, потомъ по мѣсяцамъ; я прекратилъ даже ихъ обыкновенное купанье, чтобы донельзя усилить ихъ жажду. Затѣмъ я предлагалъ имъ молоко во всѣхъ возможныхъ видахъ, парное, простывшее, кипяченое и кислое; все было напрасно; ни одинъ изъ нихъ не обращалъ даже вниманія на питье. Они скользили по чашкѣ съ полнымъ равнодушіемъ, видимо стараясь не запачкать ротъ въ жидкости, которую, по народному вѣрованію, перешедшему и въ науку, они такъ любятъ, что подвергаютъ изъ за нея опасности свою жизнь и свою свободу. Когда я попробовалъ окунуть ихъ ротъ въ молоко, то встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Когда я вливалъ имъ молоко въ ротъ, то они съ усиліемъ выплевывали его спѣнившимся; сколько разъ я ни повторялъ эти опыты, результатъ былъ постоянно одинъ и тотъ же: никогда мнѣ не удавалось заставить ужа выпить хотя бы одну каплю молока. Я вывелъ твердое убѣжденіе, что разсказы о томъ, будто змѣя пьетъ молоко, относятся къ области басенъ". Подобныя наблюденія дѣлалъ и Ленцъ за 23 года прежде Линка и получилъ тѣ же результаты (*Бремъ*, Иллюстр. жизнь живот., V, 211).

И такъ, повѣрья и сказанія объ ужѣ, сосущемъ коровъ, не имѣютъ подъ собой никакой реальной почвы. Для объясненія ихъ нужно обратиться къ миѳологіи. Изъ трехъ различныхъ миѳологическихъ гипотезъ о происхожденіи народныхъ сказаній о змѣяхъ: змѣй=молнія, змѣй=радуга, змѣй=домовой духъ, spiritus familiaris, мы въ настоящемъ случаѣ считаемъ наиболѣе вѣроятнымъ вторую гипотезу, что змѣй является символомъ радуги, и третью, что ужъ олицетворяетъ въ себѣ домоваго. „Радуга своею формою, говоритъ Аѳанасьевъ, наводила на сближеніе ея съ изгибающеюся небесною змѣею. Отсюда возникло представленіе о ней, какъ о гигантскомъ змѣѣ, пьющемъ моря, рѣки и озера, дугообразный хвостъ котораго блещетъ великолѣпными красками. Этотъ поэтическій образъ встрѣ-

чается у албанцевъ, литовцевъ и славянъ. Первые принимаютъ радугу за змѣю, которая, спускаясь на землю, пьетъ воду, и по яркости ея цвѣтовъ судятъ о будущемъ урожаѣ винограда, маслинъ и пшеницы. У литовцевъ радуга „Smakes“, въ Бѣлоруссіи „смокъ“=змѣй, буквально сосунъ. Линде въ своемъ словарѣ приводитъ названіе радуги „piavke“ (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр., I, 358). Первоначально на метафорическомъ языкѣ небесный змѣй—радуга—сосалъ небесную корову—тучу; затѣмъ поэтическій образъ получилъ бытовую реализацію и частное пріуроченіе въ сказаніяхъ о томъ, что змѣи, преимущественно ужъ, какъ змѣй ближайшій къ жилищу человѣка, любитъ молоко и сосетъ коровъ. Но разъ небесный миѳъ получилъ такое бытовое пріуроченіе, къ нему примѣшалось, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ надъ нимъ возобладало вѣрованіе въ домашняго духа, покровителя семьи, spiritus familiaris, для чего было вполнѣ достаточное основаніе въ томъ зоологическомъ фактѣ, что ужъ любитъ жилыя постройки и проживаетъ часто въ домѣ подъ поломъ или подъ печкой.

150.

Конь малыковатый.

Малорусскія народныя повѣрья и сказанія о животныхъ характерны въ томъ отношеніи, что выдѣляютъ привилегированный видъ изъ опредѣленнаго рода животнаго царства, придавая ему фантастическую окраску. Таковы: собака ярчукъ, пѣтухъ царикъ, змѣя царица, лягушка жаверъ, конь малыковатый. Въ чигиринскомъ у. говорятъ, что „малыковатый“ конь имѣетъ на шеѣ двѣ толстыя жилы, между которыми находится большая впадина. Такіе кони бываютъ сильные; они хороши для работы; но крестьяне бояться держать ихъ, потому что если такой конь издохнетъ въ конюшнѣ, то за нимъ издохнетъ девять другихъ лошадей (*Podbereski*, 72). Въ харьковской губерніи такихъ коней называютъ двужильными и узнаютъ ихъ по бугру на шеѣ. Когда „двужильная“ скотина издохнетъ, то ее вытягиваютъ не въ ворота, а прямо куда головой лежитъ. Лежитъ она къ плетню, нужно разламывать плетень; въ про-

тивномъ случаѣ, въ томъ же самомъ дворѣ пропадетъ еще двѣнадцать головъ скота (*Чубинскій*, I, 50). Проѣзжая какъ то на перекладной подъ г. Ахтыркой, я обратилъ вниманіе на одну изъ почтовыхъ лошадей: рослая, съ отвисшими большими ушами, она одинаково, скорымъ шагомъ хорошей рысистой лошади бѣжала по холмистой дорогѣ, безъ понуканій и подхлестываній. Когда я похвалилъ коня, ямщикъ согласился со мной, но съ сожалѣніемъ въ голосѣ замѣтилъ, что лошадь то двужильная... Здѣсь суевѣріе вызвано какой то особенностью въ лошадиной шеѣ, вѣроятно, хорошо извѣстной ветеринарамъ. Народъ требуетъ симметріи въ органическомъ строеніи животныхъ, не зная, что полная симметрія здѣсь рѣдкое явленіе.

151.

Повѣрья и обряды, связанные съ покупкой лошади.

Въ слободѣ Боромлѣ ахтырск. у. харьк. губ. я замѣтилъ слѣдующіе пріемы, повѣрья и обряды при покупкѣ лошади. Прежде всего осматриваютъ лошадь во всѣхъ статьяхъ: по зубамъ опредѣляютъ возрастъ; давятъ за ноздри, чтобы прыснула; щекочатъ подъ колѣнками, осматриваютъ ноги, преимущественно колѣнки и т. д.— обычные способы опредѣленія годности продаваемой лошади. Особенное вниманіе обращаютъ, чтобы у лошади не было „вовчакивъ“ — такъ называютъ какіе то крайніе зубы или наросты на зубахъ у молодыхъ лошадей, при существованіи которыхъ лошадь плохо ѣстъ и худѣетъ. Говорятъ, что „вовчаки“ сбиваются остріемъ долота. Самая любопытная часть торга состоитъ въ передачѣ лошади покупщику и водвореніи ея на новомъ мѣстѣ,—тутъ обнаруживаются остатки глубокой старины. Сначала продавецъ и покупщикъ бьютъ по рукамъ, обернувъ руки полой. Деньги, назначенныя на могорычъ, кладутъ въ шапку. Могорычъ состоитъ или въ бутылкѣ водки, или чаще въ нѣсколькихъ бутылкахъ квасу (по 8, 10 и 12 коп. за бутылку). Запивъ могорычи, продавецъ бросаетъ на лошадь землей и напутствуетъ покупателя пожеланіями. Вводя во дворъ новаго коня—его обливаютъ въ воротахъ водой и затѣмъ смотрятъ, что

онъ будетъ дѣлать во дворѣ въ первое время; если онъ вымочится —дурной признакъ, пользы отъ него будетъ мало. Если новый конь вялъ и мало ѣстъ, то совершается обрядная его продажа, на подобіе того, какъ продаютъ хилаго ребенка (см. 82 § „Культ. перež.“). Въ ближайшіе дни замѣчаютъ, нѣтъ ли косы въ гривѣ лошади, что служитъ признакомъ расположенія къ ней домоваго. Косой считается одна или нѣсколько завитушекъ волосъ. Если косу эту отрѣзать—лошадь ослѣпнетъ.

У галицкихъ поляковъ сходныя повѣрья связаны съ покупкой коровы, напр. бросаютъ въ нее землей, деньгами (*Gustawicz*, въ Zbiór wiadom, V, 109).

152.

Повѣрья о пчелахъ.

Въ „Степовыхъ думахъ та спивахъ“ И. И. Манжуры есть два превосходныя стихотворенія о пчеловодствѣ: „На пасици“ и „Бджолы“. Въ нихъ вѣрно схвачены типичныя черты малорусской пасики, главные интересы и заботы пчеловода и общія народныя воззрѣнія на пчелу и пчеловодство. Въ стихотвореніи „На пасици“ старикъ пасичникъ весной:

Выставывъ бджилоньку яру,
Святою водою кропывъ
И взятку на божу отару
У Господа щыро просывъ.

Въ стихотвореніи—„Бджолы“—„бджилка свята вулыки темни, трухляви кида, свиту шукае, простору, льется изъ вичокъ неначе вода... Гулко та весело сила гуде въ ссяеви раннёму литнимъ, дружно, охоче на пашу иде, въ небови тоне блакитнимъ... Царына ій, синожаты, садки квитомъ усимъ поступылись... Въ кожную квитку загляне вона, наче и утомы немае; носе та носе, и краю не зна, людямъ та Богови дбае“. Насколько вѣрна эта поэтическая характеристика пчелы общенароднымъ о ней представленіямъ, можно видѣть изъ слѣдующаго народнаго сказанія о пчелѣ; „Бжола просила у Бога, щобъ брать изъ цвиту препитаніе. Такъ Богъ

давъ ій уси цвиты до моря, до востока: „Ходы по свиту; изъ усихъ рикъ, изъ усихъ берегивъ избирай Богу хвиру (воскъ?), и людямъ дбай, и соби дбай“ (*Кулишъ*, Зап. о юж. Р. II, 33). Въ малорусскихъ колядкахъ въ числѣ пожеланій домохозяину упоминается дерево, въ серединѣ котораго „въ борти пчолонки, яри пчолоньки Богу на хвалу“. (*Потебня*, Колядки, 24). Вѣроятно, изъ малорусской колядки эта „корысть“ вошла въ великорусскую свадебную пѣсню (ib. 228). Тотъ же поэтическій мотивъ встрѣчается и въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ: „изъ недара (дерева) челе лете“ (ib. 477).

Пчелы, какъ производительницы воска, восхваляются уже въ древнѣйшихъ физіологахъ. Такъ, въ армянскомъ физіологѣ, составленномъ, какъ полагаютъ, въ IV или V вѣкѣ по греческой рукописи, говорится о пчелѣ: „она никогда не отдыхаетъ; если ты думаешь, что она спитъ, ошибаешься; она тихо обдумываетъ, какъ устроить ячейки въ ульѣ, а устроивъ работаетъ день и ночь, чтобы наполнить эти ячейки благовоннымъ сокомъ разныхъ растеній. Она знаетъ, что работаетъ не только для себя одной, но что будетъ польза и всему роду человѣческому. Кромѣ того не бездѣлица и то, что она разливаетъ свѣтъ въ мірѣ (дѣлая воскъ)... Что касается насъ, то мы, одаренные смысломъ, должны подражать пчелѣ“... (*Мочульскій*, Происх. физіолога, 61).

Малорусскія народныя сказанія относятся къ пчелѣ съ большимъ уваженіемъ. По однимъ сказаніямъ свв. Зосима и Савватій вынесли пчелъ изъ горы, по другимъ—изъ какой то идольской страны, по третьимъ—даже изъ рая. Распространено, между прочимъ, сказаніе, что пчела просила Бога, чтобы укушеніе ея было смертельно для людей; но Богъ сказалъ: „какъ укусишь—умирай сама; ты, пчелка, будешь подобна свѣчѣ и канону“ (*П. И.*, въ Харьк. Сборн., 1888, 97; *Драг.*, Малор. пред., 12; *Melusine*, 1888, 221; *Rulikowski*, въ Zbior wiad. do antrop. krajowej, III, 102). Съ этимъ сказаніемъ сходны сказанія болгарскія и черкесскія о пребываніи пчелы въ раю (*Melus.*, ib.) [1]. Обычный малорусскій эпитетъ пчелы „святая“ можетъ происходить или отъ употребленія

[1]) Осетины дигорцы почитаютъ пчелъ и молятся ихъ покровителю Аниголу (ангелу?) (*Вс. Миллеръ*, Осет. этюды, I, 97).

воска на церковныя свѣчи или отъ сказанія, что она или предки ея жили въ раю. У чеховъ существуетъ другое объясненіе святости пчелъ: пчелы прилетали къ распятому Христу и пили выступившій на его лицѣ потъ. Нѣмцы, вѣроятно на основаніи подобной легенды, даютъ пчелѣ названія божья птица, Herrgottsvögel, Marienvögel (*Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. III, 785).

Въ одной южно-славянской легендѣ Спаситель во время странствованія по землѣ былъ раненъ скупой женщиной. Изъ его раны вышло нѣчто въ родѣ мухи. „Посмотри, Петръ, сказалъ Іисусъ, это маленькое существо есть пчела. Она всегда будетъ приготовлять воскъ, безъ котораго не обойдется ни одно церковное служеніе. Подобный разсказъ встрѣчается среди кельтическаго населенія Валлиса. Въ книгѣ Дуллъ-Гвентъ (сводѣ законовъ) говорится о божественномъ происхожденіи пчелы. Дворянское сословіе (Adel) пчелъ вышло изъ рая послѣ грѣхопаденія первыхъ людей. Богъ благословилъ пчелъ, и потому ни одна обѣдня не можетъ быть безъ восковыхъ свѣчей (*Landau*, въ Zeitschr. f. vergleich. Litteraturgeschichte, 1889, 245).

Немногочисленныя и короткія малорусскія сказанія о пчелахъ покоятся всецѣло на религіозныхъ христіанскихъ легендахъ. Замѣчанія Де-Губернатиса о миѳическомъ значеніи пчелы, какъ символа солнца, луны, души, если только замѣчанія эти вѣрны, относятся къ повѣрьямъ индійскимъ и греческимъ (*De-Guber.*, Die Thiere, 506 — 511). Замѣчанія *Аѳанасьева* (I, 385) и *Потебни* (Колядки, 226) о миѳическомъ значеніи меда и пчелъ имѣютъ самостоятельное значеніе для объясненія нѣкоторыхъ древнѣйшихъ представленій аріо-европейскихъ народовъ, не касаясь современныхъ малорусскихъ народныхъ повѣрій о пчелахъ.

153.

Повѣрья о саранчѣ.

По народнымъ повѣрьямъ, саранча—Божіе наказаніе (*Чубинскій*, I, 67; *П. И.*, въ Харьк. Сборн., 1888, 97). Въ Холмской Руси говорятъ, что саранча имѣетъ на своихъ крыльяхъ над

пись, которая измѣняется: за какія прегрѣшенія людскія посылаетъ ее Богъ, то такого рода и надпись на ея крыльяхъ (*Чубинскій*. I, 67). Подобное сказаніе я слышалъ въ харьк. губ., съ добавкой, что надпись на еврейскомъ языкѣ, а смыслъ ея тотъ, что саранча поѣстъ хлѣбъ и выс....ъ, причемъ въ послѣдней подробности обнаруживается уже попытка къ созданію этимологической легенды. Припоминаю, что подобнаго рода сказанія о саранчѣ были отмѣчены въ „Основѣ“. Повѣрье о томъ, что саранча—Божіе наказаніе было такъ сильно въ Малороссіи, что народъ отказывался истреблять ее, на что указываетъ, между прочимъ, любопытное отношеніе курскаго намѣстника генерала Свистунова въ бѣлгородскую духовную консисторію въ 1779 г.: „Корочанскаго уѣзда частный смотритель сотникъ Лофицкій, увѣдомляя о налетѣвшей въ городъ Корочу саранчѣ, между прочимъ, упоминаетъ, что простолюдины, именуя ту саранчу силою Божіею, отказываются ее уничтожать и дѣтямъ своимъ, къ убіенію ея устремляющимся, дѣлать то запрещаютъ, разсказывая притомъ, якобы въ прежнія времена истребляющіе саранчу иные послѣпли, иные разлабленіе и другія болѣзни потерпѣли“. Усматривая въ этомъ „суевѣріе и сущее невѣжество“ и опасаясь, что отъ такого заблужденія народа можетъ послѣдовать не токмо неисполненіе Правительствующаго Сената указовъ объ истребленіи саранчи, но явное попущеніе той саранчѣ, какъ нынѣ, къ пожранію ею хлѣба и всего того, на что она нападаетъ, къ неминуемому и всеобщему вреду, Свистуновъ предлагаетъ консисторіи распорядиться, чтобы священники увѣщали народъ оставить ложное мнѣніе о саранчѣ, какъ Божіемъ наказаніи, увѣщали „съ лучшею прилежностью и безъ малѣйшаго отлагательства“. Консисторія сдѣлала предписаніе въ этомъ смыслѣ. (*Лебедевъ*, Историч. разыск. III, 38).

Въ Украинѣ и въ Запорожьѣ саранча появлялась періодически, по нѣсколько лѣтъ въ—рядъ. Появленіе саранчи сопровождалось такимъ опустошеніемъ полей, что даже иностранцы, проживавшіе въ Украинѣ, усматривали въ ней бичъ Божій. Такъ, инженеръ Бопланъ, бывшій въ Украинѣ въ половинѣ XVII в., говоритъ: „Безчисленное множество саранчи въ Украинѣ припоминаетъ мнѣ наказаніе, ниспосланное Всевышнимъ на Египетъ при Фараонѣ. Я видѣлъ, какъ бичъ сей терзалъ Украину въ продолженіи нѣсколь-

кихъ лѣтъ сряду, особенно въ 1645 и 1646 годахъ. Саранча летитъ не тысячами, не милліонами, но тучами, занимая пространство на 5 или на 6 миль въ длину и на 2 или на 3 мили въ ширину. Приносимая въ Украину почти ежегодно изъ Татаріи, Черкессіи, Бассы и Мингреліи восточнымъ или юго-восточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корнѣ и траву на лугахъ: гдѣ только тучи ея пронесутся или остановятся для отдохновенія, такъ чрезъ два часа не остается ни былинки, и дороговизна на съѣстные припасы бываетъ ужасная. Бѣдствія увеличиваются въ триста разъ болѣе, когда саранча не пропадаетъ до наступленія осени... Нѣтъ словъ для выраженія количества саранчи: она совершенно наполняетъ воздухъ и помрачаетъ свѣтъ дневной. Полетъ ея лучше всего сравнить съ снѣжными хлопьями, разсыпаемыми вьюгою во всѣ стороны. Когда она сядетъ, все поле покрывается ею и раздается только шумъ, который она производитъ, пожирая растенія; оголивъ поле въ часъ или два, туча поднимается и летитъ далѣе по вѣтру. Въ это время исчезаетъ свѣтъ солнца и небо покрывается какъ будто мрачными облаками. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1646 года я долженъ былъ остановиться на двѣ недѣли въ недавно построенномъ Новоградѣ, гдѣ заложена была мною крѣпость: увидѣвъ тамъ безчисленное множество саранчи, я не опомнился отъ удивленія. Гадина вывелась въ окрестностяхъ Новограда весною и не могла еще хорошо летать, но покрывала землю и наполняла воздухъ такъ, что я не могъ безъ свѣчей обѣдать въ моей комнатѣ. Домы, конюшни, даже хлѣва и погреба были набиты ею. Чтобы выжить сію незванную гостью изъ комнаты, я жегъ порохъ, курилъ сѣрою, но все безъ пользы: какъ скоро отворяли дверь, безчисленное множество насѣкомыхъ вылетало и прилетало въ одно время. На улицѣ они кидались въ лицо, садились на носъ, щеки, брови, даже падали въ ротъ, если кто хотѣлъ вымолвить слово. Это неудобство еще незначительно въ сравненіи съ безпокойствомъ во время обѣда: разрѣзывая мясо на тарелкѣ, вы по неволѣ давите саранчу, и едва раскроете ротъ, чтобы проглотить кусокъ, въ ту же минуту должны выплевывать влетѣвшую гадину. Люди самые опытные приведены были въ отчаяніе неописаннымъ множествомъ саранчи: надобно быть самому очевидцемъ, чтобы судить объ этомъ наказаніи. Опустошивъ

въ двѣ недѣли окрестности Новограда и получивъ силу летать, саранча отправилась по вѣтру въ другія области. Я видѣлъ ночлегъ ея: кучи насѣкомыхъ покрывали дорогу слоемъ на четыре дюйма въ толщину такъ, что лошади наши останавливались и только подъ сильными ударами плети передвигали ноги: поднявъ уши и фыркая, онѣ переступали съ большимъ страхомъ. Гадина, давимая колесами повозокъ и лошадиными копытами, испускала смрадъ нестерпимый, для головы весьма вредный; я принужденъ былъ безпрерывно держать у носа платокъ, намоченный уксусомъ. Свиньи съ жадностью пожираютъ саранчу и отъѣдаются весьма скоро; но никто не употребляетъ ихъ въ пищу, единственно по отвращенію къ гадинѣ, которая наноситъ столь большой вредъ. Саранча живетъ не болѣе шести съ половиною мѣсяцевъ, но распложается и на слѣдующій годъ: октябрь мѣсяцъ останавливаетъ полетъ ея; тогда каждое насѣкомое выкапываетъ хвостомъ яму и, положивъ въ оную до 300 яицъ, зарываетъ ихъ ногами; послѣ сего умираетъ. Ни дождь во время несенія яицъ, ни сильный зимній холодъ не истребляютъ зародышей; весною же, въ половинѣ апрѣля, когда солнечные лучи нагрѣваютъ землю, саранча вылупляется изъ яицъ и расползается, но не прежде шести недѣль получаетъ способность летать; до того же времени отходитъ не далеко отъ мѣста своего рожденія. Укрѣпясь въ силахъ, она направляетъ свой полетъ по вѣтру; постоянный вѣтеръ сѣверо-западный вгоняетъ ее въ Черное море, а вѣтры другихъ странъ разносятъ бичъ сей по Украйнѣ"... По словамъ Боплана, только сильный дождь истребляетъ саранчу; но такъ какъ лѣто въ Украинѣ обыкновенно бываетъ сухое, то народъ страдаетъ отъ саранчи до октября мѣсяца. Любопытно, что Бопланъ приводитъ въ концѣ своей замѣтки о саранчѣ народное повѣрье о надписи на ея крыльяхъ, сохранившееся до позднѣйшаго времени. „Люди свѣдущіе въ языкѣ халдейскомъ, говоритъ Бопланъ, разсказывали мнѣ, что на крыльяхъ саранчи халдейскими буквами начертана надпись: „Гнѣвъ Божій". (*Бопланъ*, Опис. Укр. 85—89).

Въ XVIII ст. Малороссія часто страдала отъ саранчи. Въ 1745 и 1746 году саранчи особенно много было на Украинѣ; въ 1748 и 1749 годахъ для истребленія ея „бывшіе малороссійскіе

полки всѣ были въ поле выведены и сами ихъ полковники и старшины, употребляя и прочихъ обывателей, истребляли саранчу, то зарывая ее во рвы, то сожигая, то метлами побивая... Словомъ сказать, истребленіе саранчи всѣхъ начальниковъ и жителей занимало и за первое дѣло почиталось и уважалось". Такъ говоритъ неизвѣстный авторъ „Замѣчаній до Малой Россіи принадлежащихъ", предлагающій при этомъ и самыя мѣры противъ этого страшнаго бича Малороссіи.

И въ текущемъ столѣтіи саранча неоднократно производила большія опустошенія въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи. Такъ, въ 1822 г. въ Крыму отродилось несмѣтное число саранчи, занявшей большія пространства полей. Она двинулась на сѣверъ и сѣла въ волчанскомъ уѣздѣ у слободы Шиповатой. На пути она сожрала всю зелень и оставила по себѣ слѣдъ какъ на пожарищѣ. Для уничтоженія ея принимали различныя мѣры: загоняли табуны лошадей и ротатый скотъ топтать ее, копали впереди частые рвы и и засыпали землей, окладывали соломой и жгли; но никакія средства не уничтожали плодовитаго насѣкомаго. Саранча страшными колоннами затмевала солнце. На поля Шиповатой она сѣла тогда, когда хлѣбъ былъ уже собранъ, кромѣ гречихи и проса, которыя она и съѣла. Въ 1822 году саранча густыми тучами пролетѣла по староб. у., истребляя все на поляхъ и лугахъ. Саранча садилась на нихъ толстыми слоями, но лишь на короткое время. Въ 1842 г. около Ильина дня на западѣ отъ Щурова изюмск. у., показалась громадная необыкновенная туча: то была саранча, но уже сытая. Перелетѣвъ черезъ села, пошла она въ лѣсъ, идущій по лѣвому берегу Донца. Въ лѣсу она садилась и обламывала деревья. Была прежде саранча, была и послѣ того въ изюмскомъ уѣздѣ, но такой сильной никогда не было, говорили щуровскіе старики. Въ окрестностяхъ Чугуева 1 августа 1824 г. пролетала саранча въ такомъ множествѣ, что закрывала свѣтъ дневной и, сѣвъ на деревья, обломала вѣтви толстыхъ деревьевъ. Хлѣба не истребила. Въ 1824 г. въ село Уды харьк. у. прилетѣла съ юго-востока саранча, но не повредила хлѣба. Въ 1823—1824 годахъ саранча подъ Люботинымъ валков. у. истребила до 200 десятинъ хлѣба (*Архіеп. Филаретъ*, Ист. стат. опис. харьк. епархіи).

Съ малорусскимъ сказаніемъ о надписи на крыльяхъ саранчи весьма сходно арабское сказаніе о томъ, что Магометъ прочелъ на крыльяхъ саранчи надпись на еврейскомъ языкѣ: „мы войско великаго Бога; каждая изъ насъ кладетъ по 99 яичекъ; но еслибы клали 100, то опустошили бы всю вселенную". Устрашенный Магометъ вознесъ горячую молитву къ Богу. Съ тѣхъ поръ слова этой молитвы, написанныя на бумагѣ и вложенныя въ тростникъ посреди поля или сада, отвращаютъ отъ нихъ саранчу (*Certeux*, въ Revue des trad. popul. 1888, 589).

Оригинально ли малорусское сказаніе о надписи на крыльяхъ саранчи, или оно заимствовано малороссами съ мусульманскаго Востока? Вопросъ остается открытымъ. Если сказаніе это зашло въ южную Русь съ Востока, что весьма возможно, то это переселеніе сказанія произошло въ давнее время, не позже начала XVII вѣка.

Саранча во многихъ мѣстахъ употребляется въ пищу. Арабы ѣдятъ ее съ наслажденіемъ. Моисей разрѣшилъ евреямъ употреблять въ пищу четыре вида саранчи. Въ южной Франціи также ѣдятъ этихъ насѣкомыхъ. Любопытно, что въ Африкѣ, гдѣ негры съ удовольствіемъ ѣдятъ саранчу, существуетъ прямо противоположное на нее воззрѣніе, какъ на даръ Божій.

154.

Зиньске щеня.

Въ Малороссіи повсемѣстно вѣрятъ въ цѣлительное свойство крота („зиньске щеня"). Кто задавитъ крота двумя пальцами, большимъ и малымъ, тотъ съ успѣхомъ можетъ лѣчить опухоли шеи (*Чуб.* I, 54). Въ Галиціи говорятъ, что нужно поймать крота въ день св. Войцѣха или наканунѣ и его саломъ намазать кнутъ, которымъ бьютъ лошадей или выгоняютъ въ поле рогатый скотъ; лошади и коровы будутъ тогда здоровыя и толстыя (*Gustav.*, въ V т. „Zbior wiadom.", 140). По другому сходному повѣрью для того, чтобы скотъ былъ здоровъ, нужно закопать крота при входѣ въ коровникъ или конюшню. Въ Коломыѣ и въ нѣкоторыхъ людскихъ болѣзняхъ совѣтуютъ разорвать крота, вытереть лицо и

грудь его кровью и съѣсть его сердце (ib. 140). У поляковъ распространены такія же повѣрья о цѣлебномъ значеніи крота (*Siarkovski*, въ III т. Zbiòr wiadom. 26, *Udziela*, въ X т. Zbior wiadom. 100). Въ Германіи существуетъ повѣрье, что перемежающуюся лихорадку можно вылѣчить, давъ кроту умереть у себя на ладони. „Многія старыя бабы, говоритъ Бремъ, убѣждены, что достаточно одного возложенія руки, освященной смертью крота, чтобы лѣчить болѣзни". Въ старину также приписывали цѣлебныя свойства крови крота, его внутренностямъ, даже мѣху (*Бремъ*, Иллюстр. жизнь живот. I, 706). Повѣрья эти могли возникнуть у разныхъ народовъ самостоятельно, изъ общенародныхъ психологическихъ мотивовъ, напр., сближенія толстаго по формѣ крота съ опухшей шеей или перенесенія понятія о толстотѣ крота на толстоту животнаго вообще.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ біографіи Т. Г. Шевченка. Въ мартовской книжкѣ «Кіевской Старины» 1888 г. были помѣщены нѣкоторыя свѣдѣнія объ исторіи освобожденія изъ крѣпостной зависимости родныхъ Шевченка. Свѣдѣнія эти, однако, далеко нельзя назвать полными, и роль, какъ общества пособія литераторамъ, такъ и редактора одного изъ повременныхъ изданій того времени, не вполнѣ выяснены. Благодаря любезному вниманію къ моей просьбѣ, я получилъ какъ отъ сына редактора упомянутаго изданія, нынѣ профессора кіевскаго университета, Н. А. Оболонскаго, такъ и отъ В. И. Семевскаго, какъ бумаги, такъ и словесныя разъясненія, дополняющія то, что разсказано было г. Н. Д. Н. въ «Кіевск. Стар.».

Несомнѣнно, иниціатива возбужденія вопроса объ освобожденіи родныхъ Шевченка исходила отъ редактора журнала «Народное Чтеніе» [1]) А. Оболонскаго, который находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ Т. Г. Шевченко и принималъ въ немъ живое участіе. Въ журналѣ его Шевченку помѣщалъ свои произведенія, здѣсь же, по просьбѣ редактора, помѣстилъ онъ и свою автобіографію.

Въ редакціи «Народнаго Чтенія», видимо, и былъ возбужденъ вопросъ объ освобожденіи родныхъ Шевченка и рѣшено было дѣйствовать при посредствѣ литературнаго фонда. Сдѣлать предложеніе о томъ въ засѣданіи комитета общества взялся И. С. Тургеневъ. Немедленно же по окончаніи засѣданія, свѣдѣнія о которомъ Тургеневъ получилъ отъ Кавелина, онъ съ Я. Полонскимъ пріѣхалъ въ редакцію и письменно сообщилъ о томъ А. Оболонскому въ нѣсколькихъ строчкахъ [2]).

[1]) Онъ выходилъ въ Петербургѣ въ 1859—60 г.

[2]) Письмо это безъ даты находится у г. Н. А. Оболонскаго, который намѣренъ пожертвовать его съ другими письмами въ Императорскую публичную библіотеку.

Что происходило въ засѣданіи комитета, о томъ даютъ намъ ясное указаніе помѣщаемые ниже протоколы засѣданій общества, за доставленіе которыхъ мы приносимъ искреннюю благодарность В. И. Семевскому.

И. –й.

№ 156. *Изъ книги «Журналовъ комитета общ. для пособія нужд. лит. и ученымъ» 1859—64 гг.* Журналъ 16 засѣданія комитета общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, бывшаго 21 марта 1860 года присутствовали: предсѣдатель Е. П. Ковалевскій. Члены: П. В. Анненковъ, А. Д. Галаховъ, А. В. Дружининъ, С. С. Дудышкинъ, А. П. Заблоцкій, А. А. Краевскій, Е. И. Ламанскій и Н. Г. Чернышевскій...

И. С. Тургеневъ предложилъ комитету ходатайствовать объ отпускѣ на волю родныхъ извѣстнаго литератора Шевченко, крѣпостныхъ людей помѣщика кіевской губерніи, чигиринскаго уѣзда Валерія Эразмовича Фліорковскаго. Опредѣлено: хотя подобное ходатайство не входитъ собственно въ дѣйствія общества, исчисленныя въ уставѣ, но такъ какъ оно, будучи самымъ человѣколюбивымъ и просвѣщеннымъ, имѣетъ притомъ цѣлію доставить истинное утѣшеніе литератору, пріобрѣтшему своимъ талантомъ видное мѣсто въ современной литературѣ, то комитетъ положилъ написать отъ имени всѣхъ своихъ членовъ письмо къ означенному помѣщику и просить его объ увольненіи родныхъ гг. Шевченко, изъ уваженія къ его литературнымъ заслугамъ и вообще къ литературѣ. Письмо это, подписанное всѣми членами комитета, уже отправлено по адресу...

№ 313. Журналъ 24 засѣданія комитета общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ бывшаго 13 сентября 1860 года: присутствовали: предсѣдатель Е. П. Ковалевскій, помощникъ К. Д. Кавелинъ. Члены: П. В. Анненковъ, А. Д. Галаховъ, А. В. Дружининъ, А. П. Заблоцкій, А. А. Краевскій, Е. И. Ламанскій, Н. Г. Чернышевскій...

Читаны письма г. Валерія Эразмовича Фліорковскаго отъ 19 мая, 6 іюня и 21 августа по предмету ходатайства комитета общества объ освобожденіи изъ крѣпостнаго состоянія родственниковъ Т. Гр. Шевченки; первымъ изъ этихъ писемъ г. Фліорковскій сообщаетъ о готовности своей исполнить желаніе комитета; вторымъ увѣдомляетъ объ отказѣ Шевченокъ отъ сдѣланнаго имъ предложенія даровой свободы, а третьимъ о принятіи ими этого предложенія и о заключеніи съ ними 10 іюля условія о пользованіи землею; вмѣстѣ съ

тѣмъ, г. Фліорковскій доставилъ копіи съ благодарственнаго письма къ нему отъ Т. Г. Шевченки, отвѣта къ нему и условія съ освобожденными Шевченками. Изъ этого условія видно, между прочимъ, что часть банковаго долга на имѣніи, причитающаяся на семейство Шевченокъ (состоящее изъ 11 душъ), и составляющая около 900 р. сер. принята г. Фліорковскимъ на себя; за тѣмъ, г. предсѣдатель сообщилъ комитету отвѣтъ свой на это письмо, въ коемъ, выражая г. Фліорковскому, отъ имени всѣхъ членовъ комитета, чувствительнѣйшую признательность за устройство судьбы семейства г. Шевченокъ, онъ проситъ его пріискать для нихъ участокъ земли, за который общество охотно взнесетъ деньги...

Изъ книги «Входящія бумаги» 1859—60 г. На бланкѣ № 208. 19 марта 1860 г. М. г. Валерій Эразмовичъ! Мы нижеподписавшіеся, члены комитета общества литераторовъ и ученыхъ, обращаемся къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, въ надеждѣ, что вы примите ее во вниманіе и, если будетъ возможно, исполните.

Уважаемый и любимый сочленъ нашего общества, извѣстный всей Россіи поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко имѣетъ между крѣпостными вашими крестьянами кіевской губерніи, звенигородскаго уѣзда, въ селѣ Кириловкѣ, двухъ родныхъ братьевъ, Никиту и Іосифа и сестру Ирину. Онъ очень желаетъ, чтобы они получили свободу и горюетъ въ разлукѣ съ ними. Не откажите, милостивый государь, великодушно исполнить это горячее желаніе Тараса Григорьевича, и отпустите братьевъ его и сестру на волю. Хотя онъ и знаетъ, что въ скоромъ времени, съ прекращеніемъ крѣпостнаго состоянія, они получатъ свободу, но такъ тоскуетъ по нихъ, что готовъ даже, если вы потребуете, внести за нихъ выкупъ, лишь бы только скорѣе имѣть ихъ при себѣ.

Если вы, милостивый государь, убѣдившись этою нашею усерднѣйшею просьбою, согласитесь отпустить на волю родныхъ г. Шевченко, но не иначе, какъ за выкупъ, то покорнѣйше васъ просимъ увѣдомить насъ, какую именно сумму желаете вы получить за нихъ, чтобъ мы могли извѣстить объ этомъ г. Шевченко. Какъ бы вы ни отпустили ихъ на волю, даромъ или за вознагражденіе, во всякомъ случаѣ и наше общество и всѣ любители русской литературы были бы вамъ за это глубоко и искренно благодарны. Въ ожиданіи отвѣта, покорнѣйше просимъ васъ, м. г., принять увѣреніе въ совершенномъ нашемъ къ вамъ уваженіи и преданности.

(Слѣдуютъ подписи всѣхъ членовъ комитета, съ означеніемъ ихъ званія въ обществѣ и общественнаго положенія, т. е. чина, или званія редактора такого то журнала, сотрудника журнала, профессора и проч.). Адрессъ В. Э. Фліорковскаго. Кіевской губерніи, чигиринскаго уѣзда, въ селѣ Жаботинѣ. Отвѣтъ можетъ быть написанъ по слѣдующему адрессу: въ С.-Петербургъ, предсѣдателю общества для вспоможенія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, его пр-ву Егору Петровичу Ковалевскому, близь Пѣвческаго моста, въ домѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

В. Э. Фліорковскому. 8 сентября 1860. № 543. М. г. Валерій Эразмовичъ! Не ожидая собранія комитета общества, которымъ я имѣю честь предсѣдательствовать, спѣшу принести вамъ чувствительнѣйшую признательность за согласіе ваше устроить судьбу родственниковъ Т. Г. Шевченко, вполнѣ убѣжденный въ томъ, что члены комитета раздѣлятъ со мною эти чувства.

Позвольте тѣмъ не менѣе надѣяться, милостивый государь, что вы найдете средство, если не въ вашемъ имѣніи, то хоть по сосѣдству пріискать для семейства Шевченокъ участокъ земли, за который общество охотно взнесетъ деньги.

Предъидущее письмо ваше не могло быть напечатано, на основаніи § устава общества, воспрещающаго всякое оглашеніе лицъ, получающихъ денежное пособіе.

Письмо 1781 г., глуховскаго адвоката изъ Петербурга, о тамошней жизни[1]). М. Г. Степанъ Ивановичъ. По сколзкости здѣшняго народа, доводится мнѣ царапатця такъ какъ коту по лду: въ обращеніяхъ, принужденно должно скриватся картъ, видя грозу болшаго количества въ призахъ либо робертахъ денегъ; а къ бытію въ домахъ, предѣлъ поста хранить отъ поползновенія мясоедства и нинѣ за ординарное время болше вездѣ употребляемаго, почему и доводитця силитця и отъ того, и отъ другого. Изъ писма брата П. Гр., увѣдомился я о упорствѣ Гамалѣевой, кое надѣюсь властію губернатора и силою колл. (коллежскаго?) закона можетъ преломитца, каковой побѣды усердно желаю. За совершеніе дѣла, незнаю какого, отъ галанскихъ посланныковъ Алекс. Андре. (Безбородко) подарено 6,000 р. (шесть тысячъ рублей) и брилиантовый перстень въ 4,000 р. (сие

[1]) Письмо писано къ Степ. Ивановичу Лашкевичу (т. XIX, стр. 696, прадѣду умерш. редактора „Кіевс. Стар.“, изъ бумагъ котораго это письмо и взято. *Ред.*

сохранѣте предъ кимъ надобно); да чуть ли на ево канцелярію тысячы рублей не дано. А за симъ надѣюсь и я получить резолюцію (отъ Безбородко?), которую съ клятвою предво Осип. Артем. (Лашкевичемъ?) и П(етромъ) Васил. Завадовскимъ, на сей неделѣ обѣщалъ винесть отъ государынѣ.—Здѣшние люди ни о чемъ не скучаютъ: въ долгъ каретамы ѣздятъ, въ долгъ и ядятъ, и ходятъ и щоголяютъ. Когда жъ и имѣніе за векселѣ беруть, то тогда удовлетворяетъ себя непризнаваніемъ въ свѣтѣ Бога. Имѣя отсель достовѣрнаго путешественника въ Глуховъ Семена Осиповича Марченка, покупляющаго здѣсь на новые суды и расправы, приборы всякие (виключая правди, коей несискалъ), неупускаю вамъ, м. г., свидѣтелствовать мое нижаишое почтеніе, зъ сохраненіемъ вѣрности и доброжелателства того, съ коимъ есмъ васъ м-аго г-ря! покорнѣйшій слуга Семенъ Дубовикъ. Марта 1 д, 1781 года. С.-Шѣтербургъ. Здесь уже поговариваютъ о поносной смерти Аграфыни Павловны.

Убійство упыря въ Кіевщинѣ во время чумы 1770 года. Извѣстный авторъ книги «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу», Аѳанасьевъ, обобщивъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ народныя вѣрованія малороссовъ и бѣлоруссовъ въ упырей, пришелъ къ тому выводу, что упыри—это злобные, блуждающіе мертвецы, которые при жизни своей были колдунами, вовкулаками и вообще людьми отверженными церковью, каковы: самоубійцы, опойцы, еретики, богоотступники и проклятые родителями [1]). Относительно же дѣятельности упырей и ихъ враждебныхъ вчинаній, отражающихся на людяхъ, у того же изслѣдователя даннаго вопроса, да и у многихъ другихъ находимъ, между прочимъ, согласное утвержденіе, что упыри и упырицы бываютъ виновниками чумы и другихъ эпидемическихъ болѣзней, засухи, неурожаевъ и вообще всякихъ общественныхъ бѣдствій [2]).

Масса собранныхъ до сихъ поръ данныхъ объ упыряхъ, если не вполнѣ подходитъ подъ такое опредѣленіе, то во всякомъ случаѣ не идетъ съ нимъ въ разрѣзъ. Казалось. поэтому, что для полнаго уясненія дѣла нужно только озаботиться о накопленіи большаго числа народныхъ разсказовъ объ упыряхъ, видѣнныхъ разными лицами въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ. Тогда бы данное выше опредѣленіе

---

[1]) Аѳанасьевъ, „Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу", 1869, т. III, стр. 557.

[2]) П. Ефименко. „Упыри" (изъ исторіи народныхъ вѣрованій). „Кіев. Ст.", 1883, іюнь, стр. 373.

упыря можно было еще болѣе расширить, оставляя неизмѣнной его сущность.

Между тѣмъ, очевидно, въ народныхъ разсказахъ объ упыряхъ могутъ встрѣчаться и такіе, которые не согласны съ приведеннымъ выше опредѣленіемъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ найденный нами документъ объ упырѣ-попѣ. Попъ въ нашемъ случаѣ вовсе не является какимъ нибудь отверженцемъ церкви, а напротивъ, состоитъ приходскимъ священникомъ въ своемъ селѣ. И вотъ при такихъ то условіяхъ крестьяне изъ его паствы признали въ немъ въ 1770 г. упыря, накликающаго на ихъ село чуму, и въ концѣ концевъ, убили его.

Документъ, заключающій въ себѣ изложеніе этого дѣла, находится въ ряду документовъ о гайдамакахъ, судившихся въ Коднѣ или Трояновѣ предъ военно-судной коммиссіей непосредственно послѣ коліивщины въ 1768 и въ слѣдующіе затѣмъ годы. При отсутствіи въ то время въ Украинѣ иныхъ судовъ, кромѣ экономическихъ, т. е. частно-владѣльческихъ, всѣ сколько нибудь важныя дѣла, хотя бы и не относившіяся къ недавнему возстанію, попадали также къ кодненской коммиссіи. Попало туда потому же и интересующее насъ дѣло о попѣ.

Обвиняемымъ въ убійствѣ попа предсталъ предъ военно-судной коммиссіей 26-лѣтній крестьянинъ села Войтовки, ключа уманскаго, Леско Ковбасюкъ. По показаніямъ его, дѣло происходило такимъ образомъ [1]).

Во время повѣтрія въ 1770 году, когда оно проникло и въ Войтовку, между крестьянами послѣдней возникли частые толки о томъ, что по селу что то ходитъ, отворяетъ окна и «надыхуе» чрезъ нихъ въ хаты, отчего народу мретъ больше, чѣмъ бы мерло безъ этого. Нѣсколько человѣкъ изъ громады, въ виду такихъ толковъ, поставили себѣ цѣлью выслѣдить виновника народнаго бѣдствія. Вскорѣ на одномъ изъ ихъ сборищъ было заявлено нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ, что они видѣли ходящаго по селу упыря, что на упыря этого съ остервенѣніемъ нападали собаки, а скотъ при видѣ его стремительно убѣгалъ. Дослѣдили при этомъ и во что былъ одѣтъ упырь: онъ былъ въ бѣлой рубахѣ и въ синихъ (granatowych) суконныхъ штанахъ, отъ колѣнъ подштукованныхъ бѣлымъ сукномъ. А въ такомъ одѣяніи, какъ всѣмъ было извѣстно, ходилъ обыкновенно приходскій войтовскій попъ—о. Васыль. Тогда у всѣхъ яви-

[1]) Кодненская книга, стр. 342—343.

лось подозрѣніе, что ходитъ по селу по ночамъ не иной кто, какъ попъ. Обратились съ вопросомъ объ этомъ къ самому батюшкѣ, но онъ категорично отрицалъ взводимое на него обвиненіе. Тогда спросили попадью, ходитъ ли батюшка ночью по селу—и она тотчасъ заявила, что ходитъ и что у него бываетъ по ночамъ его уже умершая сестра вмѣстѣ съ другими мертвецами, причемъ всѣ они толкутся съ шумомъ по комнатѣ и клацаютъ ртами, какъ будто что ѣдятъ. Въ виду такого показанія сдѣлали очную ставку попадьѣ съ попомъ, ея мужемъ, требуя, чтобы она сказанное ею повторила въ его присутствіи. Она повторила, добавивъ: «не запирайся, попе, бо сама правда, що ты ходышъ по селу въ ночи». Попъ однако стоялъ на своемъ, отрицая навѣтъ. И громада даже начала сомнѣваться въ основательности своего подозрѣнія. Но тутъ выступила на сцену попова кухарка. Она опредѣленно заявила, что попъ навѣрное ходитъ по селу по ночамъ, и что сама она это нѣсколько разъ видѣла. Участь попа показаніемъ кухарки была рѣшена.

Тринадцать человѣкъ громадянъ сперва пошли и выкопали на кладбищѣ яму, а затѣмъ явились къ попу и въ то время, какъ пономарь выпустилъ попа изъ плебаніи (приходского дома), они тотчасъ же кинулись на него и стали бить дрючьями. Избивъ его до полусмерти, добыли носилки, положили его на нихъ и отнесли къ выкопанной ямѣ. Тамъ, пробивъ его осиновымъ коломъ отъ плеча къ плечу «на вылетъ», бросили въ яму и, не слушая мольбы попа, заживо закидали его землей.

Повѣтріе послѣ этого, по показаніямъ Ковбасюка, тотчасъ затихло. Изъ участниковъ убійства на судъ попалъ только Ковбасюкъ, потому что остальные поумирали отъ повѣтрія, хотя и ослабшаго послѣ убійства упыря. Свою вину Ковбасюкъ не считалъ значительной: онъ только три раза ударилъ попа дрючкомъ.

Кодненская коммиссія нашла возможнымъ отпустить Ковбасюка безъ наказанія. Въ данномъ случаѣ, она, конечно, руководилась не сознаніемъ, что подсудимый совершилъ только нѣчто обязательное въ силу его міросозерцанія, а тѣмъ, что убитъ былъ «схизматицкій» попъ и что преслѣдовать за такое дѣяніе, какъ убійство православнаго, да еще попа, было бы слишкомъ наивно для католиковъ и поляковъ, еще такъ недавно много потерпѣвшихъ отъ православнаго населенія Украины [1]).

Я. Ш.

[1]) Приводимъ и точную копію изложеннаго документа:

Запорожскій старшина Антонъ Головатый въ Кіевѣ [1]). Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1773 г. въ кіев. губ. канц. явился запорожскій писарь Павелъ Попатенко и предъявилъ указъ гос. ст. конторы, которымъ велѣно было выдать полковому старшинѣ Антону Головатому, ѣздившему въ С.-Петербургъ по войсковымъ дѣламъ, прогонныя деньги отъ Кіева до Сѣчи Запорожской. Указъ этотъ съ порученіемъ получить по немъ деньги передалъ Попатенку самъ Головатый, спѣшившій, по полученному имъ въ пути изъ Коша ордеру въ Сѣчь.

---

18 Julia 1772 ano w Kodni.

Lesko Kołbasiuk ze wsi Wuytowki Humanski rodem z Braclawia z oyca Iwana, matki Jawdochy Taranow, sam lat mający 26, będąc wdowym, wzięnty w sekwestr o zaboystwo popa Wasyla, parocha wsi Wuytowki Humanski.

Pytany Lesko, iak to tego popa zabil.

Rp (responsował) iż pod czas powietrza w przeszlym roku grassującego Wujtowce wzieli ludzie mocno szemrae, że po wsi coś chodzi y do chalup okna otwiera y nadyhuie, przez co jeszcze bardzi ludzie umierają. A gdy się usadzilo na to ludzie kilkunastu, aby tego dość mogli. W czym oni między sobą umowiwszy się (o czym ia nie wiem, a nim teho widzia(ch), mowiąc, żesmy widzieli chodzącego upiera, ktorego psy mocno uganiali, y przed nim bydlo pierzchkalo; ktory byl ubrany w koszuli biiley y spodniach sukiennych granatowych, od kolan suknem bialym nadsztukowanych; ktory to pop Wuytowki w takim że samym ubierze chodził. Na ktorego to popa cala gromada miala subpozycyą że to on chodźi. O co mowili popowi, czego on się zapieral, a gdy to samo opowiedzieli popadyi—zaraz sama przyznala, że on chodzi y siostra jego, iuż umarla, w nocy u niego bywa z innemi umarlymi y po nocy się po chalupie po omachu tłubą kla(c)zaią iakoby co iedli. Y gdy te samę popadyą gromada wziąszy zaprowadzili do popa a iey wlasnego mąża ktora mu na oczy to samo wymowiala, ze „popie nie zapieray si· bo sama prawda, że ty chodzisz". Do czego sie pop przyznać nie chcial, czemu gromada nie bardzo dowierzala, aby to prawda byla. Ale gdy to samo kucharka popowa potwierdzila, że nie inacy, ale tak w samy prawdzie, że ten pop chodzi gdym kilka razy widzia-la,—tak zebrawszy się ludzi z gromady 13 poszli nayprzod wykopali jamę a potym do popa. Z ktoremi to ludzmi y ja bylem, umowiwszy się popa zabic. I gdy popa palamarz z plebanji na podwurze wyprowadzil, tak my go zaraz wziąli druczem okrywac, a potym przyniesli mary, wzieli go na mary żywego y do wykopany jamy zaniesli, przebiwszy go kolem osikowym z plec na wylot y ieszcze żywego w dol wrzucili, nic nie dbając na popa prosbe, żywego na cmentarzu zakopali. Potym zaraz powietrze ustalo. Za ktorego to popa mnie w sekwestr wzięto bom sie tylko, sam żywy zostal, a tam ci, co go bili, y żywego zakopali, powietrzem powymierali. Ktoregom to popa ja tylko razy trzy kijem uderzyl. Do haydamactwa a ni też zlodzieystwa żadnego nie przyznaie.—Lesko Kolbasiuk wypuszczony. Кодненская книга, стр. 342—343.

[1]) 1777 г. К. Г. К. Дѣло по указу Ст. Конторы отъ 13 февр. 1775 г. о „выдачѣ Зап. Войска депутатамъ войсковымъ старшинамъ Бѣлому и Машинскому и съ нимъ будучимъ отъ Кіева до Сѣчи на три подводы прогонныхъ денегъ".

К. г. канцелярія Попатенку денегъ не выдала, такъ какъ онъ не представилъ письменной довѣренности, да и въ указѣ не было сказано, на сколько лошадей слѣдовало выдать прогоны, и объ этомъ рапортовала въ г. ст. контору, откуда послѣдовало предписаніе выдать прогоны на три лошади Головатому или кому онъ письменно довѣритъ. Но Головатый за этими деньгами не являлся.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1774 г. послѣдовалъ новый указъ о выдачѣ прогоновъ отъ Кіева до Сѣчи Зап. на три ямскія подводы «присланному въ Пр. Сенатъ по войсковымъ нуждамъ отъ Зап. Низ. Войска полк. старшинѣ Антону Головатому съ обрѣтающимися при немъ асауломъ, двумя атаманами и четырмя казаками». Но и на этотъ разъ Головатый въ Кіевъ вовремя не являлся и только въ іюнѣ 1777 г. уже по разрушеніи Сѣчи Запор. предъявилъ въ кіев. губ. канц. требованіе о выдачѣ слѣдовавшихъ ему по прежнимъ двумъ и еще по одному отъ 13 февр. 1775 г. указамъ денегъ. кіев. губ. канцелярія затруднилась выдать эти деньги и, составивъ обстоятельную «справку» о прежнихъ двухъ указахъ, обратилась за разрѣшеніемъ въ Ст. Контору, прописывая въ заключеніе такъ:

«Въ высоч. же имян., за подписаніемъ собственныя Е. И. В. руки, манифестѣ, состоявшемся августа 3 дня 1775 года, по каковымъ обстоятельствамъ Сѣчь Запорожская, по самодержавной Е. И. В. власти, уже разрушена со истребленіемъ на будущее время и самого названія запорожскихъ козаковъ, между прочаго повелѣно: возвѣщаемъ Е. И. В. вѣрнымъ и любезнымъ подданнымъ всѣ показанные во ономъ манифестѣ обстоятельства, можетъ Е. И. В. въ то же время имъ объявить, что нѣтъ теперь болѣе Сѣчи Запорожской въ политическомъ ея уродствѣ, слѣдовательно же и козаковъ сего имени,—и ежели повелѣно будетъ предписанному бывшаго Войска Зап. старшинѣ Головатому повелѣнные вышеписанными указами неполученные имъ отъ Кіева до бывшей Запорожской Сѣчи всего по тѣмъ тремъ указамъ на девять подводъ прогонные деньги изъ к. г. к. выдать, то оныхъ слѣдуетъ: отъ Кіева до Барышполя на 33 версты по 1 к.— 2 р. 97 к., а отъ Барышполя до бывшей Запорожской Сѣчи на 467 верстъ по денге на версту на каждую подводу 21 р. 1½ к., всего отъ Кіева до бывшей Зап. Сѣчи на 500 верстъ 23 р. 98½ к.

Самъ же Головатый представилъ въ К. Г. К. нижеслѣдующую письменную «сказку», собственноручно имъ подписанную.

«1777 года іюня 16 въ Кіевской Губернской Канцеляріи бывшій въ Санктпетербургѣ отъ войска запорожского депутатомъ полковой

старшина Антонъ Головатой, явясь при подаче данного ему съ ево товарыщи изъ госуд. статсъ-конторы отъ 13 февраля прошлого 1775 года о выдаче ему Головатому съ товарыщи отъ Кіева до бывшей запорожской Сечи на три подводы прогонныхъ денегъ указа; объявилъ, что онъ старшина Головатой съ товарыщи, по полученіи того изъ статсъ-конторы въ 1775 году указа, его светлостью княземъ Г. А. Потемкинымъ съ вышеписанного 13 февраля 1775 года задержаны и находились въ Москве до полученія отъ г. генералъ поручика и кав. Петра Абрамовича Текелья о разрушеніи бывшей Сечи запорожской репорта іюня по 13 число того же 1775 года, а того же іюня 16, получа отъ его светлости къ означенному г. ген. пор. Текельи ордеръ, отправлены были прямо въ бывшую Сечъ запорожскую въ находившійся тогда тамо подъ управленіемъ его, г. генерала и кав. Текельи, россійскихъ войскъ корпусъ и, побывъ въ томъ корпусе чрезъ четырѣ дни, по даннымъ ему и прописаннымъ въ указѣ товарищамъ его отъ реченного г. ген. пор. и кав. Текельи пашпортамъ, поехали каждой въ домы свои, а онъ Головатой въ городъ Самаръ, где определенъ былъ къ сочиненію ревизіи и находился декабря по 19 число; а того жъ 19 декабря определенъ губернскимъ земскимъ комисаромъ маіоромъ Сухановымъ въ томъ городе Самарѣ началникомъ и былъ 776 году марта по 26 д., въ якой должности будучи заболелъ и по освобожденіи отъ болезни мая 3 дня определенъ ордеромъ г. генералъ маіора и кав. Василья Алексеевича Черткова для искорененія шатающихся разбойниковъ, и кромѣ оной положенной ему должности находился тамо въ разныхъ, по ордерамъ вышеписанного маіора Суханова, комисіяхъ 777 году мая по 1 д.; а какъ пріехалъ г. ген. м. и кав. В. А. Чертковъ въ г. Самаръ, то по прозбе ево Головатого отъ ево, г. ген. м. Черткова, данъ былъ для проезду въ Кіевъ пашпортъ, съ которымъ пріехалъ онъ и явился съ вышеписаннымъ указомъ, даннымъ ему Головатому съ товарыщи изъ статсъ-конторы, въ кіев. губ. канцелярію.

Да въ прошлыхъ 773, 774 годахъ посыланъ же былъ отъ оного жъ войска запорожского въ Санктпетербургъ къ высочайшему двору по общимъ войсковымъ нуждамъ и при возвращеніи ево, по взнесенной отъ него Головатого въ пр. сенатъ прозбѣ, посланными изъ оного сената въ Гос. Ст. Контору, а изъ оной и въ Кіев. Губ. Канцелярію, указами предписано отпустить ему Головатому съ находящимися при немъ отъ Санктпетербурга до Кіева и отъ Кіева до бывшей Сечи запорожской прогонные денги, что подлежитъ на оз-

наченное въ техъ указахъ подводъ число; но оныхъ въ тогдашнее время за скорымъ отъ С.-Петербурга чрезъ Белгородъ съ самонужнейшими отправленіями, а после того за бытностію въ разныхъ коммисіяхъ, и по нынѣ не получалъ; оной же Головатой отъ прописанныхъ въ ст. конторскомъ указе товарыщей ево въ пріеме изъ Кіев. Губ. Канц. принадлежащихъ имъ отъ Кіева до бывшей зап. Сечи на три лошади прогонныхъ денегъ поверенныхъ писемъ не имеетъ, потому что, какъ выданная ему Головатому съ ево товарыщи изъ запорожского Коша при отправленіи въ С.-Петербургъ депутатомъ денежная казна была въ сохраненіи ево Головатого, и въ расходе оной ответствовалъ и ращетъ учинилъ и что онъ Головатой на платежъ отъ С.-Петербурга до бывшей Сечи зап. за взымаемые, какъ подъ ево Головатого, такъ и подъ товарыщей ево, подводы прогонные денги платилъ онъ свои собственные, почему, равно и что оные ево товарыщи грамоте читать и писать не умеютъ, тотъ ст. конторскій указъ для полученія по оному изъ Кіев. Губ. Канц. подлежащаго числа денегъ ему Головатому препоручили. Къ сей сказки бывшей Сечи запорожской старшина полковій Антонъ Головатій подписался».

Изъ «дѣла» не видно, получилъ ли и когда свои деньги Головатый, такъ какъ и отвѣта ст. конторы въ дѣлѣ не имѣется.

Собщ. **А. Андр.**

Отрывокъ изъ записокъ русскаго паломника первой половины XVII—вѣка, о Кіевѣ. Въ 1620 году, какъ извѣстно, возстановлена въ Кіевѣ православная іерархія: въ санъ кіевскаго митрополита 15 августа сего года посвященъ іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ Іовъ Борецкій.

Съ этого времени возобновилось снова паломничество въ Кіевъ изъ московской Руси. Мы имѣемъ достаточное количество «паломническихъ записокъ» русскихъ людей въ Царьградъ, Іерусалимъ и Аѳонскую гору; неужели не сохранилось ни одного паломническаго описанія Кіева первой половины XVII вѣка съ его храмами, пещерами и почивающими въ нихъ св. подвижниками? «Радуйся богоспасаемый граде Кіеве, содержащь сокровища твоя въ нѣдрахъ твоихъ,—святыя постницы же и мученицы», равно воспѣвалось и въ московской, какъ и въ тогдашней литовской Руси—и влекло туда богомольцевъ изъ обѣихъ половинъ православной Руси.

Долгіе поиски мои таковыхъ записокъ, наконецъ, увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. Въ одномъ сборникѣ XVII вѣка, относящемся

по письму къ 1640 году, (слѣдовательно, когда въ Кіевѣ былъ уже митрополитомъ приснопамятный для него архипастырь Петръ Могила (1631—1647), нашелъ я начало паломническихъ записокъ неизвѣстнаго, но несомнѣнно русскаго (изъ московской Руси) человѣка, слѣдующаго содержанія:

«Въ Кіевѣ, въ монастырѣ Пречистые Богородицы Печерскіе, въ пещерѣ, вшедъ святаго мѣста [1]) на лѣвой сторонѣ лежатъ два друга затворника [2]) А з смоленъска Днѣпромъ въ монастырь печерскій преплылъ митрополитъ [3]) и лежитъ въ пещерѣ на правой сторонѣ, а за митрополитомъ лежитъ на той же сторонѣ *Исаакій*; затворникъ бѣ 7 лѣтъ, а 30 лѣтъ, въ пещерѣ дѣлалъ голубники [4]), другой *Марко нетлѣнная риза* [5]), на правой сторонѣ. Да въ пещерѣ лежатъ 12 человѣкъ вкупѣ, которые дѣлали храмъ Пречистые Богородицы. Святые отцы *Антоній* и *Θеодосій* лежатъ во плоти, а изъ главъ у нихъ мvро идетъ [6]). Да еще человѣкъ именемъ *Чеботокъ*, въ пещерѣ вкопалъ себя по плечи [7]) и сказалъ предъ Спасомъ: до тѣхъ мѣстъ не изыду отъ сего святаго мѣста дондеже земля обновится къ страшному и проведному дне судному; якоже Богъ благоволитъ, тако и будетъ»...

Сими словами, къ крайнему нашему сожалѣнію, прерываются записки русскаго богомольца, обѣщавшіе по своему началу, любопытную передачу своеобразнымъ языкомъ, мѣстныхъ кіевскихъ преданій первой половины XVII вѣка, о подвигахъ кіевскихъ святыхъ, почивающихъ въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ Кіевской лавры.

---

[1]) Т. е. войдя въ святое мѣсто, у самаго входа.

[2]) Θеофилъ и Іоаннъ.

[3]) Св. Меркурій епископъ смоленскій.

[4]) *Голубники*, по объясненію одного монаха, полагавшаго начало въ Кіево-Печерской Лаврѣ,—гнѣзда для голубей, которые плетутъ изъ житенной соломы, на подобіе шапки или чашки; ремесломъ этимъ, сказывалъ О. Т. кормятся убогіе люди въ Кіевѣ и доселѣ. Такіе плетенные гнѣзда продавались де въ мое время отъ 1 до 5 копѣекъ; ихъ подвѣшиваютъ въ зданіяхъ къ стропиламъ, подъ застрѣхи. И такъ, народъ помимо письменныхъ источниковъ (Печерскаго Патерика) приписывалъ своимъ древнимъ народнымъ героямъ занятія, которыми самъ занимался въ данное время.

[5]) Маркъ гробокопатель.

[6]) Это показаніе не вѣрно. Мощи св. первоначальниковъ Печерской обители, опущены въ землю еще во время Батыева нашествія, и съ тѣхъ поръ не почиваютъ на вскрытіи.

[7]) Здѣсь очевидно смѣшаны двое святыхъ: Илья Муромецъ, который по народному преданію, точно именовался *Чеботкомъ*, и *Іоаннъ* многострадальный.

Можетъ быть кто нибудь будетъ счастливѣе насъ и найдетъ эти записки въ ихъ цѣлостномъ видѣ, пока же сообщаю этотъ отрывокъ въ доказательство того, что народная письменность еще далеко не вся приведена въ извѣстность и что есть чего искать въ многочисленныхъ сборникахъ, сохранившихся мѣстами въ монастыряхъ и у частныхъ лицъ, любящихъ «поминать дни древнія и поучаться въ нихъ».

Архимандритъ **Леонидъ**.

Память объ Антонѣ Головатомъ въ с. Слободзеѣ тираспольскаго уѣзда. Въ с. Слободзеѣ херсонской губ., тираспольскаго уѣзда, расположенномъ надъ р. Днѣстромъ, понынѣ сохраняются слѣды жительства въ ней запорожцевъ. Въ Михайловской церкви (въ селѣ двѣ церкви Михайловская и Успенская) находятся слѣд. церковныя вещи: 1) напрестольный серебряный крестъ, укрѣпленный на широкой серебряной подставкѣ; на каймѣ у основанія подставки вырѣзано: «1793 года марта л. (30) сему кр҃ту бистъ ктиторъ господинъ полковникъ и кавалеръ верночерноморскаго воиска судѧ Антонъ Головатій Слободзею вцерковъ архистратига Михаила † Запоминъ свои исвоихъ родителей ѿ судіи и кавалера Антона Головатаго». 2) Дарохранительница, на коей вырѣзано: «1792». 3) Напрестольное большое Евангеліе. На внутренней сторонѣ переплета сохранился списокъ лицъ, принявшихъ участіе въ покупкѣ Евангелія. Къ сожалѣнію можно разобрать только двѣ фамиліи: Антона Головатаго и Горжевскаго. Противъ каждой фамиліи выставлена вѣсовая цифра (фунтами, лотами и золотниками). Деньги даны «карбованцами». На наружныхъ украшеніяхъ обозначенъ годъ «1791».

Въ церкви находится также много церковныхъ книгъ, пожертвованныхъ Антономъ Головатымъ. По нимъ еще и теперь совершаютъ богослуженіе.

У мѣстнаго крестьянина Ивана Великаго сохраняется актъ 1793г., по которому принадлежащая ему усадьба была нѣкогда куплена купцомъ Егоромъ Клеповымъ у Антона Головатаго.

Въ слободзейскихъ плавняхъ находится возвышенное мѣсто, шириною приблизительно ¼ версты, а длиною отъ ½ до ¾ версты. Круто спускается къ западу и сѣверо-западу, на востокъ же отлого. Эта возвышенность называется крестьянами «Кременчугъ». Почему оно такъ называется—никто изъ крестьянъ не знаетъ.

Крестьне утверждаютъ, что оно насыпано, такъ какъ при рытьѣ ямъ земля оказывается «зворушенной».—

Въ настоящее время «Кременчугъ» засаженъ садами, а отчасти находится подъ лѣсомъ.

Сообщ. **Н. Кирица.**

Замѣтка объ археологической выставкѣ VIII съѣзда въ Москвѣ. Археологическая выставка VIII съѣзда, размѣстившаяся въ десяти залахъ Историческаго Музея, представляетъ большое разнообразіе по выбору предметовъ древности. Многіе отдѣлы выставки представляются интересными, по древности выставленныхъ памятниковъ или по новымъ даннымъ коллекціямъ. Надлежащую оцѣнку выставки можемъ найти лишь при коллективномъ трудѣ ученыхъ разныхъ спеціальностей, въ особенности со стороны изслѣдователей курганныхъ раскопокъ и церковныхъ древностей. Коллекціи тверскаго музея обрисовываютъ исторію края въ памятникахъ быта. Громадная коллекція церковныхъ древностей Постникова (№№ 3223) даетъ цѣнный матеріалъ для нагляднаго изученія иконъ греческаго, новгородскаго и московскаго письма. Коллекціи плановъ и древностей Каракарума и семирѣченской области, представленныя г. Ядринцевымъ, бросаютъ свѣтъ на исторію христіанства (несторіанства) въ Азіи и представляютъ кромѣ того драгоцѣнныя данныя для проникновенія въ древнѣйшую исторію монголовъ.

Для читателей «Кіевской Старины» наибольшій интересъ представляютъ несомнѣнно памятники южно-русской старины; но таковыхъ, къ сожалѣнію, оказывается очень немного на выставкѣ. Все выставленное по этой части къ тому же отличается раздробленностью, отрывочностью и случайностью появленія на выставкѣ. Въ первой залѣ помѣщается богатая коллекція старинныхъ русскихъ женскихъ одеждъ и головныхъ уборовъ (676 №№) Н. Л. Шабельской; въ этой коллекціи нѣтъ ни одного предмета изъ южной Россіи. Въ той же залѣ помѣщаются двѣ коллекціи стариннаго оружія разныхъ народовъ, и опять таки изъ 218 №№ нѣтъ ни одного южно-русскаго. Въ собраніяхъ тверскаго и рязанскаго музеевъ во 2 залѣ, въ собраніяхъ древностей сѣверныхъ русскихъ монастырей въ 3 и 4 залахъ также, понятно, ничего нельзя найти южно-русскаго. Въ громадной коллекціи иконъ и крестовъ Постникова, занявшей 2 обширныя залы изъ 3223 №№ южно-русскаго опять ничего. Очевидно, южно-русскіе коллекціо-

неры остались глухи къ приглашенію московскаго археологическаго общества принять участіе въ выставкѣ, что, быть можетъ, объясняется дальностью разстоянія, излишней опасливостью за цѣлость вещей и малымъ развитіемъ интереса къ старинѣ на югѣ Россіи.

Въ коллекціи церковныхъ вещей и старопечатныхъ книгъ *С. Т. Большакова* обращаютъ вниманіе 30 книгъ южно-русской печати XVI—XVIII ст. разныхъ типографій, въ томъ числѣ Новый Завѣтъ острожскаго изд. 1581 г., Апостолъ львовскаго изд. 1579 г., Шестодневъ виленскаго изд. Гарабурды 1582 г., Маргаритъ острож. изд. 1596 г., Грамматика Мелетія Смотрицкаго 1619 г., Исторія Варлаама и Іоасафа 1637 г., Требникъ Петра Могилы 1646 г. и мн. др.

Въ коллекціи И. Л. Силина выставлено около 20 южно-русскихъ старопечатныхъ книгъ, острожскія изданія: Апокристъ (1596 г.), Книжица (1598 г.), Сборникъ (1588 г.), Библія (1581 г.); виленскія: Статутъ Литовскій (1588 г.), Служебникъ (1617 г.) и др.

Въ коллекціи І. А. Хайновскаго находятся растворчатые кресты, складни, иконки съ первыхъ временъ христіанства на Руси, серебряныя серьги и браслеты, кіевскія гривны, украшенія съ похороннаго наряда жены Романа Мстиславича половины XII в., охотничій рогъ польскаго короля Владислава IV, памятники быта полянъ въ до-христіанскую эпоху (бусы, серьги, кольца и пр.).

Коллекціи И. А. Зарѣцкаго и Г. Л. Скадовскаго первобытныхъ южно-русскихъ древностей (скиѳскихъ), первая изъ харьк. губ., вторая изъ херсонской.

Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской состоитъ изъ скиѳскихъ и малорусскихъ древностей. Къ послѣднимъ относятся изящный бѣлый кувшинъ—куманецъ съ рисунками, хрустальная сулейка кіевскаго митроп. Тимофея Щербацкаго половины прошлаго вѣка, старинный церковный сосудъ изъ красной мѣди для храненія освященной воды, старинная пороховница и нѣск. др.

Коллекція проф. Прахова: «Археологическая поѣздка на Волынь въ 1886 г.», небольшая по количеству, но очень показная по выбору и распредѣленію предметовъ: нѣсколько рукописныхъ евангелій съ раскрашенными заставками и въ дорогихъ окладахъ, остатки кафельнаго пола изъ «Старой каѳедры» собора Владиміро-Волынскаго, кирпичъ изъ Старой каѳедры XI или XII в. съ нацарапанной человѣческой фигурой, серебряныя позлащенныя подвѣски къ иконамъ (ex voto, т. е. обѣтныя) XVI, XVII и XVIII ст., серебряный позлащеный кубокъ XVI в., найденный подъ поломъ Кіево-Златоверхо-Михайлов-

скаго монастыря, сосудъ изъ золоченнаго серебра въ видѣ улитки XVIII в. изъ ризницы Почаевской лавры, дарственная запись кн. Ѳеодора Ив. Ярославича 1508 г., булла папы Бенедикта XIV 1751 г.

Особо помѣщено *надгробіе* изъ темнолиловаго и бѣлаго мрамора князя Димитрія Козѣки въ церкви Зимно близъ г. Владиміра-Волынскаго съ русской и тожественной латинской надписями: «зде лежитъ тѣло шляхетно вроженаго князя Дмитрѧ Козѣки, который у вымѣнью своемъ Зѧмличохъ далъ духа своего до хвалы божей вроку 1583, мѣсяца сентября 19 дня вионедѣлокъ вов единную годину, вѣкъ живота его 45 лѣтъ». Среди надписей гербъ.

Обращаетъ еще вниманіе *козацкое знамя* XVIII в., найденное въ архивѣ церкви села Сенчанскихъ Скоробогатокъ лохвицкаго уѣзда полт. губ. Знамя большое; на голубомъ шолковомъ фонѣ вышито изображеніе козака въ полномъ вооруженіи, а вокругъ него изображены пушки, ядра, копья и трубы.

Кромѣ того выставлены археологическая карта кіевской губ., составленная В. Б. Антоновичемъ и археологическая карта харьковской губ., составленная Д. И. Багалѣемъ.

Въ коллекціи иконъ Большакова находится одна старинная (XVII в.) икона «Церковь» кіевской работы, рѣзная изъ дерева.

X.

Всеподданнѣйшій рапортъ о состояніи университета св. Владиміра въ 1835 г. Въ январьской книгѣ текущаго года, въ замѣткѣ о состояніи кіевскаго учебнаго округа въ 1835 году, было указано, что къ царскому пріѣзду въ октябрѣ того года былъ приготовленъ всеподданнѣйшій рапортъ не только о состояніи округа, но и о состояніи недавно открытаго университета. Рапортъ этотъ приготовленъ былъ ректоромъ университета М. Максимовичемъ; онъ имѣется у насъ въ рукахъ первоначально въ черновомъ видѣ, затѣмъ въ переписанномъ набѣло, но еще разъ исправленномъ, и наконецъ—въ чистомъ экземплярѣ, скрѣпленномъ собственноручною подписью Максимовича. Очевидно, это тотъ экземпляръ, которому не суждено было 11 октября 1835 года быть поданнымъ царю даже въ то время, когда—по выраженію Максимовича—«государь благоволилъ принять у себя въ залѣ весь corpus universitatis» [1]). Этотъ рапортъ состоитъ изъ 5

[1]) Объ этомъ см. „Исторія императ. унив. св. Владиміра“ Владимірскаго-Буданова. Т. I, стр. 288—293.

отдѣловъ, которые знакомятъ насъ съ состояніемъ университета въ краткихъ цифровыхъ данныхъ. Считаемъ нелишнимъ напечать его въ цѣльномъ видѣ, какъ документъ, имѣющій интересъ и по своей исторіи, и по своему содержанію.

Всеподданнѣйшій рапортъ о состояніи Императорскаго университета св. Владиміра 11 октября 1835 года.

А. Чиновники университета.

1) Преподаватели наукъ и языковъ		24
а) Профессоровъ богословія	2.	
б) Профессоровъ ординарныхъ, (въ томъ числѣ ректоръ университета)	12.	
в) Профессоръ экстра-ординарный	1.	
г) Адъюнктовъ	3.	
д) Неимѣющихъ университетскихъ званій . . .	3.	
е) Лекторовъ новѣйшихъ языковъ	3.	
2) Учителей искусствъ.		5.
3) Инспекторъ студентовъ и 2 помощника его		3.
4) Чиновниковъ присутственныхъ мѣстъ университета: (совѣтникъ, синдикъ, 2 секретаря, кассиръ и бухгалтеръ) . .		6.
5) Библіотекарь, помощникъ его и секретарь библіотеки. .		3.
6) Врачъ, экзекуторъ и экономъ		3.
7) Канцелярскихъ служителей		13.
Всего. .		57.

Б. Студенты университета.

1) Принятыхъ въ 1-мъ учебномъ году.		55.
въ томъ числѣ казеннокоштныхъ	12.	
2) Принятыхъ въ 2-мъ учебномъ году.		68.
въ томъ числѣ казеннокоштныхъ	11.	
Итого: казеннокоштныхъ. . .		23.
своекоштныхъ		100.
Всего .		123.

В. Коллекціи университета.

1) Библіотека . . . . . томовъ		44,552.
2) Минцъ кабинетъ . . . . . монетъ и медалей		20,032.
а) Древнихъ . . .	8,636.	
б) Новыхъ	11,396.	

3)	Кабинетъ физическій	снарядовъ . .	264.
4)	« механическій	моделей .	441.
		и рисунковъ	1,665.
5)	« геодезическій	предметовъ .	78.
6)	« архитектурный	предметовъ	316.
		рисунковъ..	229.
7)	« агрономическій	штукъ	100.
8)	« химическій	веществъ . .	1,200.
9)	« минералогическій	штуфовъ . . .	17,969.
10)	« зоологическій	видовъ	12,655.
11)	« живописи	предметовъ . .	448.
12)	« скульптурный	штукъ	65.
13)	« гравировальный	штукъ	1,457.
14)	ботаническій садъ	видовъ	15,392.
15)	гербарій	видовъ	5,000.

Г. Заведенія при университетѣ.

1) Церковь . . } принадлежавшія главному штабу 1-й арміи; поступа-
2) Типографія } ютъ въ вѣдомство университета къ 1-му ноября сего г.
3) Литографія: поступила отъ главнаго штаба 20 августа 1835 года.
4) Больница. . . . на 20-ть кроватей.
5) Манежъ . . . . на 11 ть лошадей.

Д. Капиталы и годичный доходъ университета на ассигнаціи.

	Капитальныя суммы.	Годичный доходъ 1835 г.
1) Изъ государственнаго казначейства	— —	122,700 р. —
2) Изъ капитула императорскихъ и царскихъ орденовъ.	— —	12,900 р. —
3) Изъ общаго училищнаго фундуша	— —	31,212 р. —
4) Съ недвижимыхъ имѣній. . . .	— —	17,094 р. 7 к.
5) Изъ кіевскаго приказа общественнаго призрѣнія, отъ пожертвованнаго дворянствомъ кіевской губерніи и всемилостивѣйше университету св. Владиміра присвоеннаго капитала	260,473 р. 40 к.	13,023 р. 67 к.

	Капитальныя суммы.	Годичный доходъ 1835 г.
6) Отъ пожертвованнаго частными лицами капитала	1,331,978 р. 17 к.	77,448 р. 97 к.
Итого	1,592,451 р. 57 к.	274,378 р. 70 к.
Сверхъ сего при университетѣ св. Владиміра имѣются еще капиталы, оставшіеся отъ волынскаго лицея		
1) Съ частныхъ пожертвованій на госпиталь и хирургическое учебное заведеніе	206,504 р. 38 к.	11,923 р. 34 к.
2) Съ частныхъ же пожертвованій на институтъ гувернантокъ . . .	2,991 р. 60 к.	119 р. 66 к.
Итого	209,495 р. 98 к.	12,043 р. —
Всего вообще	1,801,947 р. 55 к.	286,421 р. 70 к.

Ректоръ Михаилъ Максимовичъ.

Безспорно, не было бы лишено интереса подробное сопоставленіе всѣхъ данныхъ этого рапорта съ таковыми же въ современномъ положеніи университета св. Владиміра; но во 1-хъ, это вывело бы насъ далеко за предѣлы замѣтки, а во 2-хъ, потребовало бы многихъ мелочныхъ справокъ, достать которыя мы затрудняемся. Только послѣдній отдѣлъ рапорта «Капиталы и годичный доходъ университета», интересный по солиднымъ размѣрамъ капитальныхъ суммъ, можетъ быть съ большимъ удобствомъ сравненъ съ современными данными, т. к. въ приложеніяхъ къ «Исторіи университета св. Владиміра» помѣщенъ подробный списокъ капиталовъ, числящихся теперь при университетѣ. Впрочемъ, и въ этомъ отдѣлѣ встрѣчается для насъ много недоразумѣній, которыя—мы въ этомъ вполнѣ увѣрены—могутъ быть легко разъяснены компетентными лицами университетской администраціи. Прежде всего обращаемъ вниманіе на то, что намъ не совсѣмъ понятна разница суммы первой статьи этого отдѣла (изъ государственнаго казначейства ассигновано на 1835 годъ—122,700 р.) и таковой же суммы, показанной въ «Исторіи университета св. Владиміра», гдѣ говорится, что по штату 1833 г. было ассигновано 248,890 р. ас. (см. приложеніе 1-е). Почему изъ ассигнованной суммы поступило въ дѣйствительности меньше половины, рѣшить не беремся.

Что касается 2-й статьи, то она со введеніемъ въ дѣйствіе устава 1863 г. прекращена выдачею.

Въ остальныхъ статьяхъ, при имѣющихся теперь печатныхъ данныхъ, разобраться довольно трудно, во 1-хъ потому, что въ приложеніяхъ къ «Исторіи университета св. Владиміра», гдѣ перечислены всѣ капиталы, пожертвованные еще на волынскій лицей, а затѣмъ переданные университету св. Владиміра, суммы переведены съ ассигнаціоннаго счета на серебро, а во 2-хъ потому, что итоги во многихъ мѣстахъ сведены неправильно, а самое главное — потому, что судьбы нѣкоторыхъ капиталовъ совершенно нельзя опредѣлить. Мы раньше всего остановимся на 6-ой статьѣ, гдѣ говорится о пожертвованныхъ капиталахъ частными лицами. Если перевести 1,331,978 р. 17 к. ассигнаціонныхъ на серебро, то, считая 100 единицъ ассигнац. равными 28,57 на серебро, получимъ сумму 380,536 р. 16 к., которые, очевидно, составляютъ итогъ не всѣхъ капиталовъ, перечисленыхъ въ указанномъ приложеніи, т. к. тамъ сумма показана въ 462,580 р. 27½ к. и 3362 р. червонцами. Поэтому, вѣроятно, надо причислить сюда и дальнѣйшія двѣ статьи, представляющіе капиталы спеціальные, но тоже пожертвованные еще волынскому лицею, а именно: 206,504 р. 48 к. ассигнац. (58,998 р. 19 к. на серебро) на госпиталь и хирургич. учебное заведеніе, а также 2991 р. 60 к. ассигнац. (864 р. 70 к. на серебро) на институтъ гувернантокъ, хотя и тогда не получимъ всей суммы, показанной въ приложеніи къ «Исторіи университета», а все таки довольно близкую къ ней (440,389 р. 5 к.). Разница, такимъ образомъ, получается въ 22 тыс. съ небольшимъ; на эту разницу приходится отчислить недвижимыя имѣнія, принадлежавшія университету.—Впрочемъ, трудно думать, чтобы недвижимыя имѣнія ежегодный доходъ съ которыхъ показанъ въ 17,094 р. 7 к. ассигнац. (т. е. 4883 р. 77 к. на серебро), реализованы были только въ суммѣ 22 тысячъ рублей. Повторяемъ еще разъ, что окончательно распутать этотъ счетъ, при наличности печатныхъ данныхъ объ университетскихъ капиталахъ, нѣтъ возможности. Нечего и говорить о томъ, что 3-я статья ежегоднаго дохода (31,212 р. ассигнац. изъ общаго училищнаго фундуша) теперь совсѣмъ отсутствуетъ, но когда и какъ она прекращена—отвѣтить трудно. Что же касается пятой статьи, гдѣ показанъ капиталъ, пожертвованный кіевскимъ дворянствомъ, то статью эту только и можно сопоставить въ приложеніи къ «Исторіи университета» съ такъ называемымъ *гимназическимъ* капиталомъ, но только онъ слишкомъ рѣзко разнится отъ упомянутаго въ рапортѣ, а именно:

въ приложеніи—31,494 р. 21 к. на серебро, въ рапортѣ—260,473 р. 40 к. ассигнац., что равняется 74,417 р. 25 к. на серебро.

Дополнимъ наши данныя о матеріальномъ положеніи университета св. Владиміра въ 1835 году еще нѣкоторыми свѣдѣніями о приходѣ, расходѣ суммы и объ остаткахъ къ 1 октября, о чемъ сохранилась въ бумагахъ Максимовича вѣдомость, очевидно тоже составлявшаяся по случаю царскаго пріѣзда. Въ этой вѣдомости находимъ, во 1-хъ, остатокъ къ 1 января 1835 г. (6,955 р. 49 3/4 к. ассигнац. + 29,689 р. 7 1/2 к. на серебро + 220 червонцевъ, сверхъ того, билетами 6997 р. 21 к. на серебро), во 2-хъ, приходъ въ 1835 г. по 1 окт. (110,653 р. 15 3/4 к. ассигнац. + 44,344 р. 45 к. на серебро + 248 червонц., и сверхъ того, билетами на ассигнаціи 47,157 р. 99 к. и на серебро 22, 508 р.), въ 3-хъ, расходъ за тотъ же срокъ (95,680 р. 26 3/4 к. на ассигнац. + 55,094 р. 82 1/2 к. на серебро + 30 червонцевъ, а сверхъ того билетами 1218 р. 22 к. на серебро), и въ 4-хъ, остатокъ 1 января 1833 г. (21,928 р. 38 3/4 к. ассигн. + 18,938 р. 69 3/4 к. на серебро + 438 червонцевъ, а сверхъ того билетами 47,157 р. 99 к. ассигн. и 28,286 р. 99 к. на серебро). Суммы эти, вѣроятно, въ громадномъ большинствѣ, не представляютъ капитальныхъ поступленій, а только ежегодные доходы, т. к. въ другой вѣдомости мы находимъ роспись оклада доходовъ на 1835 г., гдѣ цифровыя данныя приближаются къ только что указаннымъ.

Конечно, мы не имѣли въ виду нашей замѣткой распутать этотъ очень сложный вопросъ объ имущественномъ состояніи и положеніи университета св. Владиміра,—для этого нужны иныя данныя и иныя условія; мы хотѣли только по поводу всеподданнѣйшаго рапорта 1835 года сдѣлать нѣсколько первоначальныхъ набросковъ для сопоставленія капиталовъ, принадлежавшихъ университету полъ вѣка назадъ, съ тѣмъ, что имѣется теперь. Чтобы показать до какой степени трудно было бъ во всѣхъ подробностяхъ опредѣлить все, касающееся капиталовъ университета св. Владиміра, мы приведемъ еще одну справку изъ журнала «Сѣверный Вѣстникъ» 1804 г.: «Г. статскій совѣтникъ Павелъ Григорьевичъ Демидовъ письмомъ своимъ отъ 21-го марта 1803 г. къ г-ну министру народ. просвѣщ. изъявилъ желаніе употребить въ пользу предназначаемыхъ университетовъ въ Кіевѣ и Тобольскѣ 100 тысячъ руб. съ тѣмъ, чтобъ большая половина оныхъ осталась вѣчнымъ для нихъ капиталомъ, и доходы употребляемы были единственно на содержаніе неимущихъ учениковъ. Капиталъ сей внесенъ въ сохранную казну московскаго

воспитательнаго дома, дабы обращеніемъ своимъ до открытія сихъ заведеній возрасталъ въ пользу оныхъ». (Ч. 2-я, отд. «Разныя извѣстія«, стр. 237-я). Что сталось съ этимъ капиталомъ,—былъ ли онъ, дѣйствительно внесенъ въ сохранную казну, и куда затѣмъ былъ направленъ—это вопросы, на которые отвѣтъ найти въ печатныхъ данныхъ нельзя; видно только, что его нѣтъ среди всякихъ капиталовъ университета св. Владиміра.

В. Науменко.

КЪ РИСУНКАМЪ ШЕВЧЕНКА.

Начиная съ настоящаго номера, мы разсчитываемъ помѣстить въ нашемъ журналѣ рядъ снимковъ-фототипій съ рисунковъ Шевченка, заимствованныхъ изъ двухъ альбомовъ его, относящихся къ 1843 и 1844 годамъ. Объ этихъ альбомахъ, входящихъ въ составъ богатой коллекціи предметовъ старины, культуры и искусства южнаго края, принадлежащей В. В. Тарновскому, мы сообщали уже на страницахъ „Кіевской Старины“ (1886 г. № 2). Оба альбома любезно предоставлены теперь владѣльцемъ ихъ для снятія снимковъ редакціи нашего журнала.

Четыре снимка видовъ историческихъ мѣстностей Малороссіи, нынѣ помѣщаемые, взяты изъ дорожнаго альбома поэта 1844 года.

Въ это время—разцвѣтъ его творчества,—Шевченко числился рисовальщикомъ при кіевской археографической коммиссіи и, странствуя по родному краю, заносилъ карандашомъ, акварелью и сепіей въ дорожную книжку виды мѣстностей, отмѣченныхъ чѣмъ нибудь въ его трагической исторіи, уцѣлѣвшіе отъ разрушенія памятники, храмы, старосвѣтскія постройки, бывшія свидѣтелями давнихъ дней. Справедливо думая, что памятники эти такіе же документы прошлаго, какъ и архивныя бумаги, но документы образные, осязательные, срисовываніемъ ихъ поэтъ думалъ послужить дѣлу историческаго изученія. Но силы его не могли сосредочиться на одномъ хоть и бурномъ, но мертвомъ прошедшемъ. Живая жизнь, окружающая дѣйствительность съ ея вопіющими къ небу неправдами, жизнь и судьба живыхъ людей отрывали отъ спокойной работы мысли поэта. Рисовальщи-

комъ коммиссіи онъ оставался кажется всего полгода и отдался опять той свободѣ дѣятельности, въ которой единственными руководителями его являлись вдохновенье и сердце.

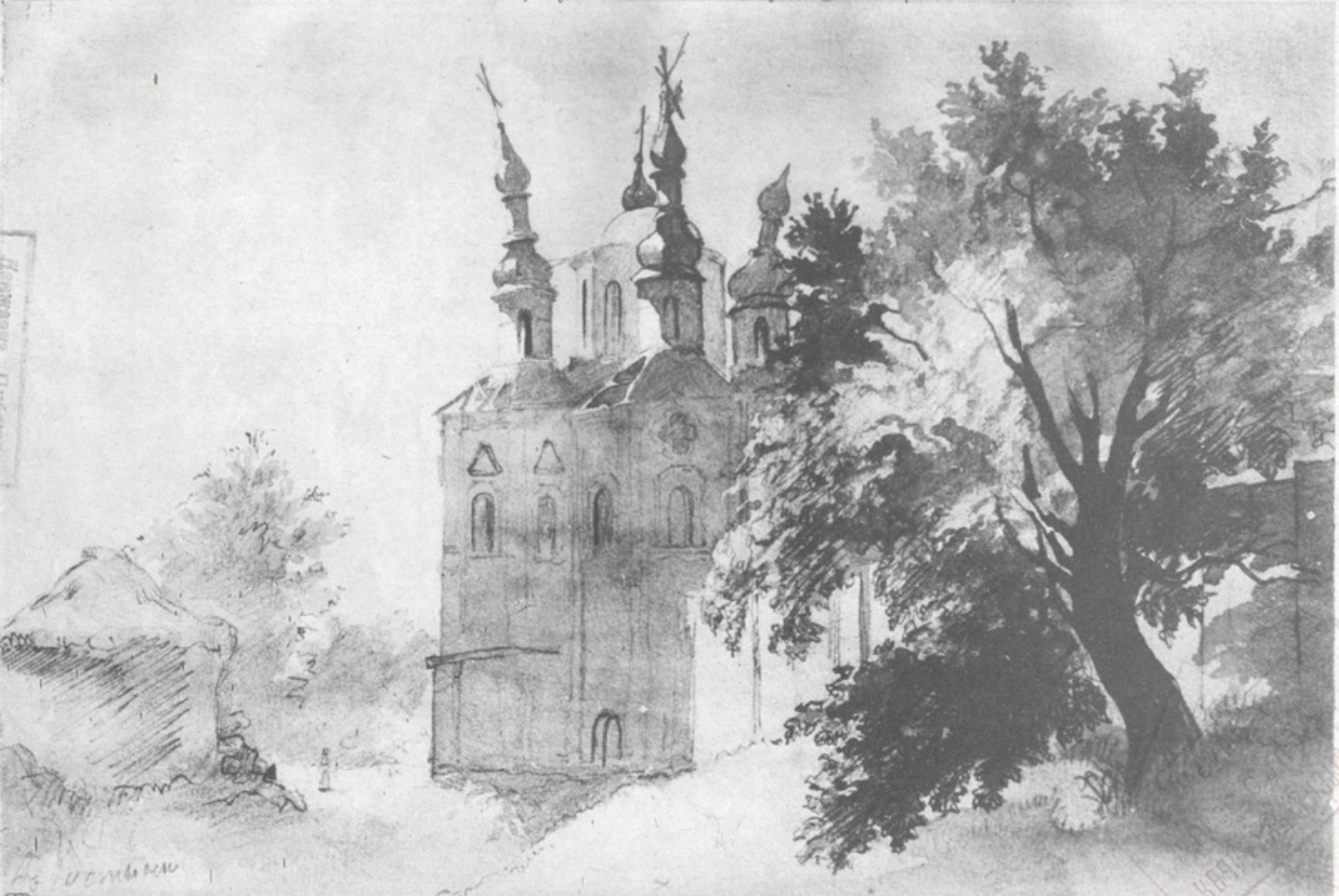
Художественныя работы Шевченка дополняютъ во многомъ представленья наши о его внутреннемъ мірѣ, въ особенности въ эти важнѣйшіе годы его существованья, отмѣченныя всею полнотою жизни, всѣмъ разцвѣтомъ души. Вмѣстѣ съ его письмами, его прозой онѣ вводятъ насъ въ ту таинственную лабораторію, гдѣ зрѣли его мысли и чувство и откуда вылетали крылатыя созданья его поэзіи. Онъ не только описываетъ сельскую жизнь, ея печали и радости, страданья неволи, образы, созданные фантазіей народа, но старается возсоздать и внѣшній обликъ сельскаго люда, природу края, памятники его былаго. Въ стихахъ и рисункахъ его можно наити множество аналогій. Въ „Живописной Украинѣ“ онъ рисуетъ пріемъ Хмельницкимъ пословъ съ дарами отъ государей по той же самой загадачной и патетической „Исторіи Русовъ“, по которой въ „Кобзарѣ“ воспѣваетъ Подкову, Тарасову ночь и морскіе походы козаковъ. Одни и тѣ-же тревожащіе его образы онъ силится передать и кистью, и перомъ и въ трудѣ его одно дополняетъ другое.

На этихъ самыхъ страницахъ намъ не разъ случалось писать о картинахъ, рисункахъ, офортахъ и иллюстраціяхъ Шевченка съ цѣлью привести въ извѣстность ихъ наличность. Наибольшее число рисунковъ Шевченка находится теперь въ рукахъ гг. В. В. Тарновскаго, В. М. Лазаревскаго, ген. Каховскаго, Л. М. Жемчужникова и А. В. Прахова. У другихъ собирателей рисунки разсѣяны по нѣсколько штукъ. Альбомъ экспедиціи Бутакова принадлежитъ вдовѣ покойнаго адмирала. Собираньемъ офортовъ Шевченка заняты многіе любители гравюры въ провинціи и въ столицахъ. Въ этой отрасли, съ точки зрѣнія чистаго искусства, знатоки признаютъ за поэтомъ большія заслуги и вполнѣ компетентные люди называютъ его лучшимъ офортистомъ русской школы.

Альбомъ, изъ котораго заимствованы печатаемые въ этой книгѣ четыре вида, заключаетъ въ себѣ всего восемнадцать зарисованныхъ листковъ. Три вида Густынскаго монастыря (видъ

главнаго храма, до „реставраціи“, брама съ развалиной бывшей на ней церкви во имя св. Варвары и видъ трапезной церкви) сняты, вѣроятно, въ 1844 году, о чемъ есть свѣдѣнье въ повѣсти Шевченка „Музыкантъ“. Чигиринъ съ субботовскаго шляху долженъ быть помѣченъ одной датой, что и стихотворенье подъ этимъ заглавіемъ, запечатлѣнное такою грустью. Густынскій монастырь, простоявшій сохранно въ своей старосвѣтской прочности съ XVII вѣка по 40-е годы XIX-го и видѣвшій всякіе виды до упраздненія его Императрицею Екатериной II, въ концѣ сороковыхъ годовъ подвергся варварской „реставраціи“, предпринятой переведеннымъ туда послѣ открытія монастыря изъ Нижняго Новгорода настоятелемъ Паисіемъ. Внѣшнія передѣлки измѣнили значительно его наружный видъ, работа маляровъ уничтожила старинныя его фрески, до портрета Мих. Вишневецкаго включительно, фамильный склепъ Горленковъ, двухъ полковниковъ прилуцкихъ и ихъ потомковъ, находившійся подъ алтаремъ главнаго храма былъ опустошенъ, кости снесены въ одно мѣсто и замурованы, Шаты образовъ, съ гербами Самойловичей и Горленковъ перелиты и „обновлены“ усердіемъ прилуцкаго купца Тарасевича... Шевченко засталъ обитель еще до всѣхъ этихъ проявленій вандализма. Вскорѣ тамъ упокоился прахъ дружески расположеннаго къ поэту и уважаемаго имъ почтеннаго князя Н. Г. Репнина.

Слѣдующіе рисунки альбома изображаютъ: три церкви въ Переяславѣ (св. Михаила, Вознесенскій соборъ, построенный Мазепой, и церковь Покрова, построенную полковникомъ Мировичемъ), Андруши (село и архіерейская дача подъ Переяславомъ). Старинныя постройки (комора въ селѣ Потокахъ и полуразрушенная каплица безъ означенья мѣстности), могильные кресты въ Субботовѣ, Богдановы руины и церковь, строенную будто бы тоже Хмельницкимъ тамъ же, два правобережныхъ монастыря (Чигиринскій и знаменитый Мотронинъ). Село Вьюгонище переясл. уѣзда, крестьянскую хату въ томъ же уѣздѣ и церковную колокольню въ с. Васильевкѣ. Мы надѣемся представить современемъ въ копіяхъ наиболѣе характерные изъ этихъ рисунковъ, такъ же какъ и нѣсколько снимковъ бытовыхъ сценъ и типовъ изъ другаго альбома Шевченка.



Библіографія.

Гиляревскій А., свящ. Русскій путешественникъ по св. мѣстамъ Василій Григоровичъ Барскій. М. 1889. Стр. 2+108 + 2 нен. 8° (Оттискъ изъ «Чтеній въ Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія» 1889 г.) ц. 50 к.

Брошюра о. Гиляревскаго не представляетъ, да и не можетъ, конечно, представлять ничего новаго съ фактической стороны о Барскомъ, всѣ свѣдѣнія о которомъ основаны исключительно на давно извѣстныхъ въ печати его «Запискахъ», съ прибавленіемъ нѣсколькихъ писемъ, его и къ нему. Задача автора была иная, и онъ далъ весьма недурную характеристику кіевскаго путешественника и его литературнаго труда, — сжатую, хотя и не безъ нѣсколькихъ повтореній, впрочемъ почти неизбѣжныхъ, и довольно рельефную, несмотря на нѣкоторыя отдѣльныя неясности. Послѣднихъ мы въ вину автору не ставимъ, ибо онѣ нимало не обличаютъ неясности мысли, а зависятъ только отъ способовъ выраженія, принятыхъ въ этой области русской письменности. Замѣтимъ мимоходомъ, что нѣкоторая двойственность слога въ нашей литературѣ вообще, а съ другой стороны у писателей духовныхъ, происходящая главнымъ образомъ отъ различія школы, какую проходятъ дѣятели той и другой, и неодинаковой постановки и пріемовъ преподаванія, приноситъ обѣимъ, а затѣмъ и всему развитію русской общественной мысли, значительную невыгоду. Средній читатель, привыкшій въ журнальныхъ и особенно критическихъ статьяхъ къ массѣ иностранныхъ словъ, громкихъ фразъ и эффектныхъ выраженій, отказывается понимать совершенно сходныя по существу мысли, выраженныя на страницахъ изданій духовныхъ преднамѣренно обезличеннымъ языкомъ, а нерѣдко еще уснащеннымъ лишними архаизмами спеціальнаго оттѣнка, обзываетъ все это безъ разбора «схоластикой» и отво-

рачивается отъ здороваго зерна изъ за его оболочки. Въ то же время, средній же, но спеціальной среды, читатель, привычный къ иной рѣчи, готовъ увидѣть чуть не ересь въ какомъ нибудь разсужденіи, которое онъ находитъ вполнѣ основательнымъ на страницахъ духовнаго журнала, если бы тѣ же слова переложить на обыденный языкъ общихъ литературныхъ изданій. Примѣры увидимъ ниже.

На «Запискахъ» Барскаго и его личности мы не остановимся со стороны литературно-исторической, въ виду существующей уже очень обстоятельной разработки предмета. Но для нѣкоторыхъ замѣчаній по его поводу, которыя намъ кажутся имѣющими немаловажный современный и жизненный интересъ, напомнимъ главныя особенности «Странствованій», пользуясь изложеніемъ о. Гиляревскаго а тѣмъ самымъ дадимъ отчетъ и о его работѣ. Первыя главы ея передаютъ хронологически свѣдѣнія о путешественникѣ-кіевлянинѣ, согласно біографическому очерку, приложенному къ послѣднему, роскошному изданію «Странствованій» Русскаго Палестинскаго общества, и о самихъ его путешествіяхъ, а именно: 1) Дѣтство и воспитаніе Барскаго; 2) Паломничество Б. по западноевропейскимъ странамъ и 3) Странствованіе Б. по св. мѣстамъ Востока. Далѣе слѣдуетъ обзоръ его «трудовъ съ цѣлію самообразованія», направленныхъ прежде всего на изученіе греческаго языка, а затѣмъ на историко-археологическіе памятники, вещественные и литературные, преимущественно византійскіе, и на другіе языки, какъ напр. арабскій и староболгарскій. Конечно, опредѣляющей и ближайшей задачей изученій Барскаго были предметы церковные, въ частности обрядовые, но онъ не замыкался въ нихъ исключительно, а отводилъ въ своихъ описаніяхъ довольно широкое мѣсто природѣ, экономическимъ условіямъ и бытовымъ особенностямъ посѣщенныхъ имъ странъ. Въ «характеристикѣ личности Барскаго» авторъ приходитъ къ выводу, что у него, на почвѣ господствующаго настроенія религіознаго, преобладаетъ благодушное, оптимистическое міровоззрѣніе, благодаря чему онъ безъ горечи повѣствуетъ о своихъ многочисленныхъ невзгодахъ, а въ собственномъ образѣ жизни руководствуется самими строгими правилами, не чувствуя отъ нихъ, при склонности довольствоваться малымъ, особеннаго стѣсненія. Оптимизмъ не закрываетъ отъ него отрицательныхъ сторонъ дѣйствительности, не исключая и сферы религіозной жизни на православномъ Востокѣ, даже въ средѣ духовенства и иночествующей братіи, но онъ не склоненъ къ рѣзкой обличительной проповѣди, а готовыя сорваться слова осужденія нерѣдко опускаетъ пред-

намѣренно, не таясь съ этимъ. Этими чертами мягкосердечнаго сангвиника, человѣка глубоко религіознаго, беззавѣтно-любящаго далекую родину, при достаточной наблюдательности, пытливости ума, но невысокой образовательной подготовкѣ, опредѣляется характеръ и самое содержаніе единственнаго, но очень обширнаго труда Барскаго, на «оцѣнкѣ» котораго преимущественно останавливается о. Гиляревскій. Онъ тоже прямо указываетъ, что «на описаніи странствованій всецѣло отразился личный характеръ Барскаго», и видитъ «основу» описаній въ «любознательности автора, его необычайномъ трудолюбіи, добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу и искреннемъ благочестіи». Другія черты тоже отмѣчены, только не въ тѣхъ выраженіяхъ, какія употребила бы въ данномъ мѣстѣ критика общелитературная.

Сближая кіевскаго паломника первой половины XVIII в. съ его древнѣйшими предшественниками «по религіозно нравственному направленію наблюдательности, простотѣ и безъискусственности описаній» (72), а также въ томъ, что у него, «описываемая дѣйствительность не сочинена, а пережита душою живою, сердцемъ чуткимъ, отзывчивымъ на все истинное, доброе и прекрасное» (77), иначе сказать по непосредственности религіознаго чувства, о. Гиляревскій находитъ отличительныя особенности его отъ нихъ во «*всесторонности наблюдающей мысли*» (курс. подл.), т. е. въ отсутствіи узкой спеціализаціи умственныхъ интересовъ, а также въ строгомъ разграниченіи Барскимъ наблюдаемой дѣйствительности отъ вызваннаго ею въ немъ личнаго настроенія. Чувствуя не менѣе глубоко, чѣмъ паломники древнерусскіе, Барскій свободенъ однако отъ ихъ недостатка — видѣть вещи сквозь призму своей пылкой фантазіи. Ему же душевная восторженность не препятствуетъ оставаться объективно спокойнымъ въ наблюденіи и изображеніи, «вслѣдствіе чего въ своихъ отношеніяхъ къ дѣйствительности онъ *всегда строго положителенъ* (курс. подл.), т. е. съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ реалистомъ, не впадая при этомъ, добавимъ еще, въ протокольную сухость, какою грѣшатъ одновременные паломники великороссы, какъ напр. Сухановъ и даже болѣе непосредственный Лукьяновъ. Особенно выгодно, на нашъ взглядъ, отличаетъ Барскаго не отъ однихъ древнѣйшихъ, но и отъ большинства болѣе позднихъ русскихъ паломниковъ-писателей,—свобода его отъ напыщенности и дѣланныхъ восторговъ... Другія же указанныя о. Гиляревскимъ черты его описаній надо признавать не въ такой абсолютной степени, какъ говорится о нихъ въ разбираемой брошюрѣ, а преимущественно въ сравненіи съ другими однородными

произведеніями. Существенный литературный недостатокъ Барскаго, слабость его научныхъ знаній и подготовки, не оттѣненъ достаточно, хотя наиболѣе рѣзкій общій фактъ не ускользнулъ отъ вниманія автора. Говоря о критическомъ отношеніи Б. къ слышаннымъ отъ разныхъ лицъ сказаніямъ и преданіямъ, онъ оговаривается, что Б. болѣе довѣрчиво заноситъ разсказы очевидцевъ, а изъ другихъ—предпочитаетъ согласные съ письменными источниками, послѣдніе же принимаетъ на вѣру, безъ всякаго въ нихъ сомнѣнія и даже попытокъ провѣрки. Черта любопытная и вполнѣ понятная, несмотря на видимую противоположность отношенія его къ источникамъ различныхъ категорій. По природному складу ума Барскій былъ склоненъ къ критицизму, но именно слабость знаній и сознаніе самой этой слабости останавливаютъ его на полудорогѣ. Къ сказаніямъ устнымъ онъ относится вполнѣ свободно, отвергая ихъ не по одному лишь несходству съ письменными свидѣтельствами, но и по ихъ внутренней несостоятельности, на основаніи одного логическаго разбора, ко всему же писанному относится съ почтительнымъ легковѣріемъ, далеко не соотвѣтствующимъ не только общему уровню науки въ его время, но даже и тому на какомъ стояла она даже въ тогдашнихъ кіевскихъ и львовскихъ школахъ, именно въ критицизмѣ ушедшихъ недалеко. Барскій столь же далеко не достигъ еще и ихъ уровня.

Самый способъ писанія Барскаго, по горячимъ слѣдамъ, дѣлаетъ различныя части его труда весьма несоразмѣрными по достоинству. Болѣе раннія его части не могутъ понятно, итти литературно въ сравненіе съ позднѣйшими, писанными болѣе опытнымъ перомъ, умомъ созрѣвшимъ и обогатившимся массою новыхъ свѣдѣній. Это различіе очень важно для тѣхъ соображеній практическаго характера, которыхъ желаемъ теперь коснуться. О. Гиляревскій въ разныхъ мѣстахъ неоднократно указываетъ высокое достоинство «путешествій» Барскаго, какъ матеріала для поучительнаго народнаго чтенія, и выражаетъ желаніе, чтобы оно было сдѣлано общедоступнымъ въ болѣе простомъ и дешевомъ изданіи, чѣмъ Палестинскаго общества (ц. 40 р.). Вполнѣ раздѣляя взглядъ о. Гиляревскаго, скажемъ даже болѣе, что изъ массы «поучительныхъ» книгъ для народа, изданныхъ до настоящей минуты, и въ частности путешествій по св. мѣстамъ Востока или ихъ описаній, можно выбрать развѣ очень и очень немногое, что могло бы сравниться съ сочиненіемъ Барскаго и по живости чувства, нерѣдко, къ сожалѣнію, замѣняемаго у другихъ суррогатомъ подкожнаго жара, ни по доступ-

ности и понятности грамотному простолюдину, несмотря на устарѣлость, тогда какъ однородныя новыя произведенія нерѣдко грѣшатъ насыщенной невразумительностью. Но думается намъ, что и удешевленное изданіе Барскаго, не можетъ стать вполнѣ народнымъ, по самому своему объему. Сокращать же его въ форму пересказа, какъ находитъ и о. Г—скій, почти невозможно. Наиболѣе практичнымъ исходомъ было бы изданіе отдѣльными дешевыми брошюрами цѣльныхъ и законченныхъ по содержанію отрывковъ, выбранныхъ, разумѣется, умѣлою рукою, и преимущественно изъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ паломника. Такой способъ изданія, которое обогатило бы значительно нашу литературу для народа, не потребовалъ бы и значительныхъ средствъ, вполнѣ доступенъ частнымъ лицамъ, и было бы очень желательно, если бы иниціативу этого дѣла взялъ на себя кто-либо изъ современныхъ продставителей стариннаго кіевскаго рода Григоровичей-Барскихъ, занимавшихъ и занимающихъ невыдающееся по блеску,но почетное мѣсто въ рядахъ мѣстныхъ «гражданъ».

Ив. Новицкій.

Кубанское казачье войско. 1696—1888 г. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ. Изданъ подъ редакціей дѣйств. члена кубанскаго областнаго статист. комитета Е. Д. Фелицына, при участіи Ф. А. Щербины, почетнаго члена того же комитета. (Воронежъ, 1888. Стр. 438. Съ художественными приложеніями и планомъ г. Екатеринодара. Ц. 4 р.)

Книга, заглавіе которой выписано выше, принадлежитъ, повидимому, къ разряду юбилейныхъ изданій, но сильно ошибется тотъ, кто, изъ понятнаго чувства недовѣрія къ юбилейнымъ сочиненіямъ, не поинтересуется настоящимъ сборникомъ гг. Щербины и Фелицына.

Авторы приступили къ своему труду послѣ тщательнаго и разносторонняго ознакомленія съ предметомъ. Ф. А. Щербина еще въ 1883—4 гг. напечаталъ въ «Кіевской Старинѣ» три очерка о бѣглыхъ и крѣпостныхъ въ Черноморіи, о колонизаціи кубанской области и самоуправленіи кубанскихъ козаковъ, отличающіеся свойственными тому неутомимому изслѣдователю тщательностью и серьезностью разработки трактуемыхъ вопросовъ. Е. Д. Фелицынъ также работалъ надъ исторіей колонизаціи кубанской области (т. VIII Изв. кавк. отд. геогр. общ.). Настоящая работа составлена на основаніи какъ ранѣе изданныхъ, такъ отчасти и архивныхъ матеріаловъ и представляетъ крупную заслугу по изученію края.

Книга разбивается на двѣ части: «Историческій очеркъ кубанскаго казачьяго войска» (стр. 1—240), принадлежащій перу г. Щербины, и біографіи кошевыхъ, войсковыхъ и наказныхъ атамановъ, съ 1788—1888 гг., составленныя г. Фелицынымъ (стр. 243—384). Кромѣ того, въ приложеніяхъ описаны знамена, регаліи, знаки отличія и жалованныя грамоты войску (стр. 367—426) и указанъ строевой составъ войска (стр. 429—438). Безспорно, самой интересной и поучительной частью книги является статья г. Щербины.

Черноморское козачье войско было непосредственнымъ продолжателемъ воинскихъ трудовъ и традицій запорожской Сѣчи. Поэтому г. Щербина изложенію исторіи собственно черноморскаго, впослѣдствіи кубанскаго, войска предпосылаетъ очеркъ вопроса о происхожденіи козачества, дѣятельности запорожской Сѣчи и донскаго козачества и паденія Сѣчи (стр. 1—34). Авторъ руководствуется въ этомъ случаѣ изданными ранѣе изслѣдованіями, но сводитъ ихъ въ картину цѣльную и поистинѣ художественную. Такими же качествами отмѣчены дальнѣйшіе очерки г. Щербины, гдѣ трактуется образованіе черноморскаго войска, участіе козаковъ во второй турецкой кампаніи, переселеніе черноморцевъ за Кубань, колонизація края, самоуправленіе и землевладѣніе войска, экономическій и религіозный бытъ черноморцевъ, линейная служба и роль пластуновъ, способы и характерные эпизоды борьбы съ горцами, участіе козаковъ въ крымской кампаніи, колонизація т. наз. старой линіи и самоуправленіе линейныхъ козаковъ, ихъ землевладѣніе, экономическій бытъ, національныя особенности и зачатки школьнаго дѣла, пограничная служба и дѣятельность пластуновъ и линейцевъ, характеръ борьбы ихъ съ горцами, колонизація Закубанья, измѣненія въ формахъ козачьяго землевладѣнія, наконецъ, внутреннее развитіе козачества послѣ образованія въ 1860 году кубанскаго войска изъ бывшаго черноморскаго и части кавказскаго линейнаго войскъ (другая часть отошла къ терскому войску). Уже изъ этого простого перечисленія видно, насколько серьезно отнесся г. Щербина къ своей многосторонней задачѣ. Двоякая роль кубанскихъ козаковъ—какъ колонизаторовъ и защитниковъ окраинъ русскаго государства—обрисована авторомъ въ очеркахъ, привлекающихъ читателя своею цѣльностью и художественной обработкой; но наряду съ этими казовыми сторонами заслугъ козачества читатель имѣетъ возможность ознакомиться съ чертами быта, нарушающими традиціонный строй жизни козаковъ: выдѣленіемъ козачьей аристократіи, земельной неурядицей, возникновеніемъ, въ послѣднее время,

кулачества и всякаго рода иной эксплуатаціи народнаго труда, словомъ, со всѣми тѣми признаками времени, которые, въ другихъ формахъ, характеризуютъ историческій процессъ во всѣхъ обширныхъ территоріяхъ нашего отечества.

Самое свойство предположенной задачи, въ предѣлахъ краткаго историческаго очерка, не позволяло автору остановиться на послѣднихъ вопросахъ съ подробностью, которой они безспорно заслуживаютъ, обставить свои выводы болѣе разносторонними статистическими данными, если таковыя, впрочемъ, уже собраны; въ юбилейномъ изданіи достаточно отмѣтить подобные вопросы, для дальнѣйшаго точнаго ихъ изученія и всесторонней статистической разработки, и конечно, подобная задача не могла входить въ кругъ собственно историческихъ изученій въ данномъ случаѣ.

Добытыя ранѣе точныя цифровыя данныя для внутренней исторіи войска внесены въ очеркъ г. Щербины съ великимъ вниманіемъ и интересомъ къ предмету. Безпристрастная критика не можетъ не признать, что подобнаго рода соединеніе точныхъ изученій вопроса съ яркостью изображенія внѣшнихъ формъ жизни, художественностью очерка отдѣльныхъ эпизодовъ и личностей, цѣльностью и тщательностью обработки всѣхъ важнѣйшихъ сторонъ быта изучаемой обширной группы населенія—весьма рѣдко встрѣчаются въ историческихъ трудахъ нашего времени. Прибавимъ къ этому, что очеркъ г. Щербины написанъ языкомъ простымъ и увлекательнымъ.

Не меньшей тщательностью и безпристрастіемъ отличаются и біографическіе очерки г. Фелицына, который, къ счастью, не увлекся задачей пѣть диѳирамбы тамъ, гдѣ для нихъ въ дѣйствительности представляется весьма мало основаній. Съ особеннымъ интересомъ читаются біографіи атамановъ Бѣлаго, Чепѣги, Головатаго, Котляревскаго, Бурсака, Матвѣева, Безкровнаго, Завадовскаго, Рашпиля, Кухаренка, дѣйствовавшихъ съ 1788 по 1856 г., Круковскаго, Кармалина и кн. Дондукова-Корсакова. Очерки г. Фелицына служатъ прекраснымъ дополненіемъ работы г. Щербины.

Многочисленныя художественныя приложенія въ книгѣ исполнены весьма недурно, и все изданіе заслуживаетъ стать настольной книгой у жителя кубанской области. **Н. М.**

Д. И. Эварницкій. Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ и новороссійскаго края. С.-Петербургъ 1889 г.

Новая книга извѣстнаго изслѣдователя запорожской старины и автора большаго сочиненія о «Запорожьѣ» содержитъ въ себѣ рядъ статей, большею частью прежде печатавшихся въ періодическихъ изданіяхъ. Очерковъ числомъ одиннадцать. Исторіи самого запорожскаго коша и внутреннихъ отношеній его членовъ между собою касаются разсказы: «Выборъ войсковой старшины у запорожскихъ козаковъ», «Суды, наказанія и казни», «Одежда и вооруженіе запорожскихъ козаковъ», «Куда дѣвались запорожскіе войсковые клейноды», наконецъ, «Замѣчательная страница въ исторіи запор. козаковъ» (эпизодъ изъ временъ Дорошенка). Всѣ эти разсказы невелики, страницъ въ десятокъ каждый, но написаны легко и занимательно. Гораздо больше по объему статьи: о Синельниковѣ (этотъ очеркъ печатается въ третій разъ, въ третьей редакціи по мѣрѣ накопленія у автора матеріаловъ), «о лѣсахъ въ предѣлахъ запорож. вольностей», «о мѣстечкѣ Котовка и селѣ Лычково екат. губ.» Наконецъ, въ сборникѣ г. Эварницкаго находимъ рѳсказни Проворы объ Ильѣ Муромцѣ и «баечки» неизвѣстнаго крестьянина во время поѣздки автора по бывшимъ запорожскимъ вольностямъ. Книга оканчивается разсказомъ о «двадцати-семи-милліонномъ кладѣ» и 12 документами въ видѣ приложенія, какъ матеріала для исторіи запорожскаго края. Среди этого матеріала мы встрѣчаемъ двѣ грамоты Дан. Апостолу, аттестаты запорожской старшины и другіе документы. «Очерки» разсчитаны на среднюю публику, написаны популярно и живымъ языкомъ, безъ лишнихъ претензій, читаются съ интересомъ и удовольствіемъ.

Нѣкоторые, впрочемъ незначительные, промахи хотя и объясняются характеромъ сборника, какъ книги для легкаго чтенія, но могли быть очень удобно устранены самимъ авторомъ при внимательномъ пересмотрѣ своихъ очерковъ. Напримѣръ, авторъ увѣряетъ, что «первыя указанія объ оружіи у запорожскихъ козаковъ находимъ у Якова Собѣсскаго начала XVII вѣка» (стр. 104). Читатель въ правѣ усомниться. Развѣ такъ? Казалось бы, что низовые козаки и являются на памяти исторіи съ оружіемъ въ рукахъ... Мы имѣемъ свѣдѣнія объ оружіи у запорожскихъ козаковъ хотя бы отъ Э. Лассоты (1594 г.)[1]). Лассота даже выставляетъ преимущества козаковъ,

[1]) Э. Лассота изд. Бруна стр. 30, 44, 51 и др.

какъ выгодныхъ союзниковъ, потому что «они имѣютъ свою аммуницію и орудія, съ которыми многіе изъ нихъ умѣютъ обращаться и потому назначеніе и содержаніе особыхъ оружейниковъ становится при нихъ излишнимъ» [1]). Наконецъ, самъ авторъ противорѣчитъ своимъ словамъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ ему приходится говорить объ укрѣпленіяхъ на островѣ Хортицѣ въ XVI в. [2]). Въ актахъ о козакахъ разбросано значительное количество свѣдѣній объ оружіи у запорожцевъ въ XVI вѣкѣ, начиная съ первыхъ извѣстій о Запорожьѣ, которыя могутъ быть отодвинуты съ полной вѣроятностью къ половинѣ XVI-го вѣка [3]). Неменѣе странными кажутся намъ ссылки г. Эварницкаго на разсказы извѣстнаго запорожца Никиты Коржа. Авторъ «Очерковъ» дѣлаетъ ссылки на это повѣствованіе во многихъ мѣстахъ своего сборника: одинъ разъ онъ дѣлаетъ ссылку на «Изустныя преданія Коржа» [4]), другой разъ на статью Ж. М. Н. П. «Никита Коржъ» [5]), затѣмъ на соч. Скальковскаго «Ист. Нов. Сѣчи» [6]), соч. еп. Гавріила «Н. Коржъ» [7]), наконецъ на брошюру «Устныя повѣствованія Коржа» [8])... Читатель можетъ придти къ заключенію, что въ исторической литературѣ есть четыре, а то и пять разсказовъ Н. Коржа о запорожцахъ, разсказовъ, чѣмъ нибудь существеннымъ отличающихся другъ отъ друга, такъ какъ г. Эварницкій, выписывая слова Н. Коржа, дѣлаетъ такія разнообразныя ссылки. Ничуть не бывало. Сказаніе Н. Коржа—одно и варіантовъ не имѣетъ. Самый полный текстъ напечатанъ въ брошюрѣ, изданной преосв. Гавріиломъ въ Одессѣ и перепечатанной въ собраніи его сочиненій. (М. 1854 г., ч. II, от. I). Статьи въ Журналѣ М. Н. П. (1838 и 1839 гг.) тотъ же текстъ повѣствованія Коржа, только напечатанный г. Скальковскимъ съ значительными пропусками [9]). Отрывки этого же сказанія помѣщены въ

---

[1]) Ibid. 51.

[2]) Эварницкаго. Запорожье... I, 267.

[3]) Акты Ю. и Зап. Р. т. II. № 130.

[4]) Жур. Мин. Нар. Пр. 1839 г. кн. II (Эварн. 96).

[5]) 1838 г. XVIII (Эварн. 87).

[6]) Изд. 1885 г. (Эварн. 91)

[7]) Изд. 1854 г. (Эварн. 158)

[8]) Изд. 1842 г. въ Одессѣ (Эварн. 95).

[9]) Два текста сказанія Н. Коржа больше всего отличаются другъ друга: текстъ еп. Гавріила (Од. 1842 и Соб. соч. 1854) и текстъ Скальковскаго (Статьи въ Ж. М. Н. П.). Текстъ Скальковскаго не имѣетъ никакихъ дополненій сравнительно съ текстомъ Гавріила, только пропуски: отмѣтимъ ихъ для устраненія лишней работы при справкахъ со сказаніями Н. Коржа. У Скальковскаго нѣтъ главъ

сочиненіи Скальковскаго «О новой Сѣчи». Такимъ образомъ всѣ разнородныя ссылки г. Эварницкаго слѣдовало бы свесть къ одному изданію, и именно къ изданію еп. Гавріила, какъ самому полному; тогда бы авторъ избѣжалъ лишней работы розы скивать отрывки сочиненій Коржа, а читатель могъ бы не сомнѣваться, что текстъ повѣствованія Коржа всего на всего одинъ.

Не останавливаемся на другихъ неточностяхъ автора, такъ какъ не имѣемъ ни времени, ни мѣста. При нѣкоторыхъ недостаткахъ работы спѣшнаго характера книга г. Эварницкаго навѣрное найдетъ значительный кругъ читателей среди людей запросто и безхитростно интересующихся прошлою исторіей своего края и будетъ прочтена ими не безъ пользы и удовольствія.

И. Ж.

Волынскій народный календарь на 1890 годъ. Годъ второй. Изданіе Ѳ. И. Досинчука. Житомиръ. 1889 г.

Второй годъ «Волынскаго календаря» г. Досинчука оказался нѣсколько лучше перваго, о курьезахъ котораго говорилось въ «Кіевской Старинѣ». Календарь на 1890 г. распадается на слѣдующіе отдѣлы:

„О началѣ селенія Михайловки“ (Брошюра Гавр. ст. 4—9), о „Началѣ города Екатеринослава“ (Гавр. ст. 55—61), „О путешествіи императрицы“ (Гавр ст. 61—77). Опуская послѣднія двѣ главы, Скальковскій говоритъ, что онъ сдѣлалъ это потому, что подробности ихъ невѣрны и не любопытны (Ж. М. Н. П. 1839 г. с. 201). Нѣтъ въ Ж. М. Н. П. подробностей о предкахъ (Гавр. стр. 1), о женитьбѣ и послѣд. годахъ жизни Коржа (ст. 3). Любопытный анахронизмъ Коржа, упоминавшаго о Хмельницкомъ послѣ Мазепы (Гавр. стр. 10), разсказъ о нежеланіи одного запорожца вмѣсто смерти жениться на некрасивой дѣвушкѣ (Гавр. 24) опущенъ въ Ж. М. Н. П., какъ и разсказъ объ испугѣ Текелія передъ запорожцами (стр. 49). Глава XI (Гавр. 84—94) о стародревнихъ запорожскихъ селеніяхъ, бывшихъ до атакованія Сѣчи, передана кратко на трехъ страницахъ; разсказъ о характерникахъ (Гавр. 22) перенесенъ изъ главы о казняхъ къ главѣ объ атакованіи Сѣчи (Ж. М. Н. П. 1838 г. XVIII, стр. 502). Самъ г. Скальковскій замѣчаетъ о своей передачѣ повѣствованій Н. Коржа, „что хотя здѣсь тщательно списывались всѣ разсказы Коржа, въ его духѣ и выраженіяхъ, но для избѣжанія *монотонности* все, что онъ, по обыкновенію украинцевъ, повторялъ слишкомъ часто, съ прикрасою восклицаній разнаго рода на малороссійскомъ языкѣ“, имъ, г. Скальковскимъ, опущено (Ж. М. Н. П. 1839, II, 185) Брошюрой преосв. Гавріила изд. въ Одессѣ 1842 г., какъ самымъ полнымъ текстомъ разсказа Н. Коржа, и удобнѣе всего пользоваться, не прибѣгая къ разнымъ яко бы варіантамъ повѣствованія.

общекалендарныя свѣдѣнія, статьи касающіяся Волыни, справочный мѣстный отдѣлъ (цѣликомъ перепечатанный изъ «Памятной книжки волынской губ.»), и наконецъ справочныя свѣдѣнія, общія всѣмъ календарямъ.

Намъ, конечно, интереснѣе всего остановиться на второмъ отдѣлѣ, посвященномъ Волыни. На 25 страничкахъ мы здѣсь находимъ слѣдующія статьи: *Волынь*, *Присоединеніе Малороссіи*, *Современное положеніе школьнаго дѣла въ Волынской губ.*, *Реформаторъ*, *О причинахъ, мѣшающихъ успѣхамъ въ сельскомъ хозяйствѣ*. Первая статья начинается такъ: «*Прелестна* наша Волынь! Господь далъ ей *хорошенькую* землю, которая родитъ много хлѣба, въ ней обширные луга и пастбища, есть вездѣ достаточно воды и множество лѣса...» Далѣе мы встрѣчаемъ такія выраженія: «русскіе государи *прогнали отъ насъ злочестивую унію*» или «да, прекрасна наша Волынь, хлѣбородна и, такъ сказать, *молокомъ и медомъ текущая*». Чѣмъ дальше, тѣмъ больше поражаемся мы выраженіями и слогомъ г. Досинчука: «сердце радуется, когда *зайдемъ* теперь въ храмъ Божій и увидимъ *уже* составленные хоры *изъ* учениковъ и ученицъ, когда они чистыми своими *голосками*, *какъ ангелы(,) поютъ славу Богу*» или «*въ 1839 г. исчезла унія* и русскій народъ *принялъ опять свою православную вѣру*, *отрекся отъ папства и всѣхъ слугъ его*». Такимъ слогомъ написана вся первая статейка, трактующая о пользѣ ученія и грамотности и неизвѣстно почему озаглавленная «Волынь». Вторая статья «Присоединеніе Малороссіи» есть пересказъ по учебнику всѣмъ извѣстныхъ событій, при чемъ мы впервые узнаемъ изъ него, что «тогда (нѣсколько столѣтій тому назадъ) Малороссія представляла необозримую равнину, *населенную бродячими выходцами изъ московскаго государства и Литвы, эти выходцы назывались козаками*», что «подъ руководствомъ умнаго Богдана козаки *всюду* били поляковъ и *достигли*, *наконецъ*, *того*, *что воротили себѣ всѣ прежнія права и вольности*».—Изъ остальныхъ статеекъ лучшая и болѣе удачно составленная (впрочемъ, безъ указанія источниковъ)—«Реформаторъ», но къ Волыни она не имѣетъ почти никакого отношенія.

Что касается справочнаго отдѣла, то онъ очень неполонъ: мы ожидали тутъ найти извѣстія о дѣятельности губернскаго статистическаго комитета, общества врачей, братствъ: владиміро-волынскаго, кирилло-меѳодіевскаго и другихъ, о благотворительныхъ учрежденіяхъ, о житомирской публичной и о другихъ библіотекахъ и т. п. Адресъ-календарь также неполонъ. Г. Досинчуку не мѣшало бы ознакомиться

съ программою «Харьковскаго календаря», въ которомъ мѣстный отдѣлъ и вообще распредѣленіе свѣдѣній вполнѣ соотвѣтствуютъ цѣлямъ областнаго календаря. Вообще желательно видѣть въ «Волынскомъ календарѣ» болѣе волынскаго и, если приходится помѣщать статьи историческаго и бытоваго характера, касающіяся мѣстнаго края, то составленіе ихъ нужно поручать людямъ, умѣющимъ взяться за дѣло. **Арк. Л—нко.**

Памятная книжка волынской губерніи на 1890 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическаго комитета. Составлена подъ редакціей члена-секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. Житомиръ. 1889 г.

Въ прошломъ году волынскій статистическій комитетъ издалъ только свою «Памятную книжку» на 1890 г., по содержанію почти не отличающуюся отъ прежнихъ годовъ; опущенъ въ ней только списокъ населенныхъ мѣстностей волынской губ. и немного пополненъ справочный отдѣлъ, въ общемъ довольно полный. Въ матеріалахъ по статистикѣ опубликованы статистическія свѣдѣнія о волынской губ. за 1888 г., расположенныя по таблицамъ въ томъ же порядкѣ, какъ и въ прежніе годы. Въ этихъ таблицахъ, по нашему мнѣнію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, необходимо, кромѣ голыхъ цифръ, вычислить процентное отношеніе, напр. на стр. 13 нужно исчислить процентное отношеніе населенія по вѣроисповѣданіямъ, что не мѣшало бы сдѣлать также въ таблицахъ на стр. 24—29.

При сравненіи новыхъ статистическихъ данныхъ за 1888 г. съ прежними, находимыми въ «Памятныхъ книжкахъ» за прошлые годы, мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчаемся съ явленіями необъяснимыми. Приведемъ примѣры. При увеличеніи общей цифры населенія мы ожидали бы и большаго прироста населенія, а между тѣмъ, по статистическимъ даннымъ, находимымъ въ «Памятныхъ книжкахъ», приростъ населенія въ волынской губ. въ 1886 г. равнялся 45,081 чел., въ 1887 г приростъ составлялъ всего 43,672 чел., а 1888 г.—38,735 чел.—Ничѣмъ также мы не можемъ объяснить себѣ малаго прироста еврейскаго населенія и даже процентнаго его уменьшенія съ каждымъ годомъ; такъ, въ 1886 г. евреевъ считалось 300,761, или 13,54% всего населенія губерніи; въ 1887 г. евреевъ было 305,350, или 13,48%, а 1888 г. евреевъ насчитывается 309,750, или всего 13,44%; между тѣмъ, извѣстно, что приростъ еврейскаго населенія гораздо сильнѣе прироста населенія другихъ національностей.

Приведемъ нѣкоторыя, болѣе важныя и интересныя цифры. Все населеніе волынской губ. въ 1888 г. равнялось 2,303,602 чел., которые по вѣроисповѣданіямъ распредѣлялись такъ: православныхъ 1,684,951 (73,15%), раскольниковъ 5,808 (0,25%), католиковъ 188,648 (8,19%), протестантовъ 99,711 (4,33%), гусситовъ 9,614 (0,41%), баптистовъ 4,762 (0,21%), евреевъ 309,750 (13,44%), караимовъ 101, магометанъ 457 (0,02%).

Учащихся въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ волынской губ. въ 1888 г. было 56,206 (больше противу прежняго года на 2,700 чел.), т. е. 1 учащійся на 40,9 чел. всего населенія; изъ нихъ учащихся мальчиковъ — 45,537, т. е. 1 учащійся мальчикъ на 25,54 д. мужскаго населенія. Будемъ надѣяться, что просвѣщеніе больше и больше будетъ озарять Волынь и что не такъ далеко время, когда всѣ волостные старшины у насъ будутъ грамотны, и прекратятся случаи, когда (какъ въ 1882) изъ 207 старшинъ было 148 неграмотныхъ.

Въ заключеніе пожелаемъ волынскому статистическому комитету новыхъ силъ, могущихъ расширить его дѣятельность изданіемъ цѣнныхъ книгъ по мѣстной исторіи и изученіемъ судебъ волынскаго края. **Арк. Л—нко.**

Харьковскій Сборникъ. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому Календарю» на 1889 годъ. Выпускъ 3-й. Изданіе Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Подъ редакціей члена-секретаря Комитета В. И. Касперова. Харьковъ. 1889. 8°. 68 + 268 стр.

Означенный Сборникъ раздѣляется на два отдѣла: статистико-экономическій и литературно-научный. Первый отдѣлъ посвященъ экономическому состоянію харьковской губерніи за 1887 годъ. Въ немъ читатель можетъ почерпнуть весьма интересныя и обстоятельныя свѣдѣнія о земледѣліи, промышленности заводской и фабричной, торговлѣ и промыслахъ населенія харьковской губерніи, въ статьяхъ гг. Демидова, Савицкаго, Могиленскаго и Касперова, о растительности харьковской губерніи и сосѣднихъ съ нею мѣстностей, въ статьѣ г. Павловича. Не менѣе, если не болѣе, интереса представляетъ второй отдѣлъ Сборника. Изъ восемнадцати статей, помѣщенныхъ въ этой части изданія, за исключеніемъ одной—двухъ, всѣ представля-

ютъ собою собраніе сырыхъ матеріаловъ по исторіи, археологіи, этнографіи края, собранныхъ и снабженныхъ примѣчаніями составителей сборника. Обратимъ вниманіе на сообщеніе г. П. И. «Народные обычаи, повѣрья, примѣты, пословицы и загадки, относящіеся къ малорусской хатѣ». Эти матеріалы собраны частью лично авторомъ въ г. Купянскѣ, частью же сообщены изъ купянскаго уѣзда гг. учителями и учительницами сельскихъ училищъ. Рядомъ съ этой статьей, по интересу для этнографа, вполнѣ можетъ стать перепечатанное «Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ въ Малой Россіи и въ Слободской Украинской губерніи и въ Великороссійскихъ слободахъ, населенныхъ малороссіянами, употребляемыхъ», «сочиненное Григоріемъ Калиновскимъ, армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, состоящихъ въ Украинской Дивизіи, прапорщикомъ. Въ С.-Петербургѣ. Печатано при Артиллерійскомъ и Инженерномъ Шляхетномъ Корпусѣ у содержателя типографіи Х. Ф. Клена 1776 года». Эта книжечка является первымъ по времени трудомъ по малорусской этнографіи. Трудъ этотъ весьма важенъ въ томъ отношеніи, что заключенные въ немъ матеріалы собраны сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ и потому даютъ намъ свѣдѣнія о такихъ обычаяхъ, которые въ настоящее время совершенно не существуютъ у малорусскаго народа. Въ описанныхъ Калиновскимъ свадебныхъ обрядахъ встрѣчаются черты глубочайшей древности. Книжечка Калиновскаго была перепечатана въ Архивѣ Калачова, но, такъ какъ послѣднее изданіе сдѣлалось теперь также библіографическою рѣдкостью, то нельзя не поблагодарить харьковскій статистическій комитетъ за переизданіе этихъ интересныхъ матеріаловъ. Краткость отчета не дозволяетъ намъ входить въ разборъ собранныхъ этнографическихъ данныхъ; скажемъ только, что этнографическіе матеріалы, собранные въ харьковской губерніи, какъ въ такой мѣстности, гдѣ великорусское и малорусское племя съ давняго времени вело совмѣстную жизнь, эти матеріалы являются весьма цѣнными для сравнительной этнографіи, для выясненія процессовъ взаимнаго культурнаго вліянія племенъ и внѣдренія чуждыхъ инородныхъ элементовъ въ бытъ славянскаго племени во времена глубокой древности. Книжка Калиновскаго переиздана съ предисловіемъ г. Н. С. Для исторической географіи края мы находимъ свѣдѣнія въ статьяхъ: 1) «Описаніе слободской украинской губер.» и 2) «Обозрѣніе слободско-украинской губ.» неизвѣстнаго автора и неизвѣстнаго года». Въ первой мы находимъ объяснительный текстъ, приложенный къ «Атласу слободской-

украинской губерніи, сочиненному по раздѣленіи оной вновь на десять уѣздовъ въ 1802 г.» Этотъ «Атласъ» хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Онъ былъ просмотрѣнъ Д. И. Багалѣемъ, который, сличивъ его объяснительный текстъ съ ранѣе изданнымъ «Топографическимъ описаніемъ 1788 г.», пришелъ къ убѣжденію, что въ объяснительномъ текстѣ есть нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія, ненаходимыя въ «Топографическомъ описаніи». Дѣйствительно, и то, и другое представляютъ изъ себя весьма цѣнные источники для географіи, статистики и т. д. слободско-украинской губерніи за вторую половину XVIII и начало XIX столѣтія. Изданіе объяснительнаго текста снабжено предисловіемъ Д. И. Багалѣя. Отмѣтимъ также статьи г. А. Ѳ. Селиванова: 1) «О поѣздкѣ въ с. Михайловку лебединскаго уѣзда, харьковской губерніи» и «Поѣздка въ изюмскій уѣздъ харьковской губерніи», интересныя по сообщаемымъ въ нихъ свѣдѣніямъ о мѣстныхъ архивахъ и древностяхъ. Укажемъ еще на замѣтку о. протоіерея Н. Лащенкова «Къ біографіи Г. Ѳ. Квитки», въ которой точно, на основаніи документальныхъ данныхъ, опредѣляется время поступленія Г. Ѳ. въ монахи, какъ извѣстно, на весьма короткій срокъ. Къ концу «Сборника» приложено «Извѣщеніе отъ историко-филологическаго общества при харьковскомъ университетѣ», представляющее собою программу для собиранія историческихъ, этнографическихъ, археологическихъ матеріаловъ, съ приглашеніемъ доставлять ихъ означенному обществу.—Въ заключеніе отчета о «Сборникѣ» не можемъ не пожелать, чтобы онъ продолжалъ издаваться и въ слѣдующіе годы и заключалъ бы въ себѣ столько же и такихъ же интересныхъ свѣдѣній, какъ и въ 1889.

П. Г.

Обозрѣніе журналовъ.

1) „Библіографъ“ 1889 г. № 4—9; 2) Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго права 1889 г. № 5—12; 3) „Колосья“ 1889 г. № 5—12; 4) „Русскій Вѣстникъ“ 1889 г. № 5—12; 5) „Сѣверный Вѣстникъ“ 1889 г. № 9—12; 6) Труды Кіевской Духовной Академіи 1889 г. № 9—12; 7) „Экономическій Журналъ“ 1889 г. № 4—12 8) „Юридическій Вѣстникъ“ 1889 г. № 2—12. Сверхъ того, разсмотрѣны слѣдующіе журналы, въ которыхъ, впрочемъ, не оказалось ничего для библіографич. указателя: 1) „Пантеонъ литературы“ 1889 г. № 5—12; 2) „Странникъ“ 1889 г. № 9—12; 3) „Чтенія въ Общ. любит. Дух. Просвѣщ.“ 1889 г. № 7—12; 4) „Христіанское Чтеніе“ 1889 г. № 9—12; 5) „Университ. Извѣстія“ (Кіевскія) 1889 г. № 3—11; 6) „Православный Собесѣдникъ“ 1889 г. № 1—12.

Библіографъ, вѣстникъ литературы, науки и искусства. 1889 г. №№ 4—9. № 4—5. Историко-литературные матеріалы. № 5, Замѣчанія митрополита Евгенія на «Опытъ россійской библіографіи» Сопикова, ч. 1. № 6. Письмо митрополита Евгенія П. П. Бекетову. Говорится о посылкѣ въ Общество исторіи и древностей нѣкоторыхъ грамотъ. Письмо извлечено изъ рукописей Кіево-Софійской библіотеки.

№ 7. Вопросы Н. М. Карамзина и отвѣты митрополита Евгенія. Дѣло идетъ о новгородскомъ князѣ Владимірѣ Ярославичѣ и о гробѣ его и его матери. № 8. Письмо митрополита Евгенія къ Н. М. Карамзину. Всѣ письма сообщены г. Шмурло.

№ 6—7. «Историко-литературные матеріалы», Шмурло: № 9—Письмо К. Ѳ. Калайдовича А. Ѳ. Малиновскому, касающееся такъ называемой Супрасльской рукописи. № 10. Два письма митрополита Евгенія А. Ѳ. Малиновскому,—между прочимъ идетъ рѣчь о той же рукописи.

№ 8—9. Въ отдѣлѣ «Критика и Библіографія» находимъ рецензію на книгу В. Д. Дабижа «Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ».

Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права. 1889 г. №№ 1—12. *И. Пуцилло. Устройство быта сельскихъ чиншевиковъ на основаніи вновь изданнаго положенія* (№ 6, отд. замѣтокъ, стр. 1—28). Авторъ, частью на основаніи личныхъ наблюденій, характеризуетъ экономическое и юридическое положеніе сельскихъ чиншевиковъ юго-западнаго края, неизвѣстно почему приписываетъ чиншевикамъ поджоги помѣщичьихъ экономій въ кіевской и подольской губерніяхъ, даетъ скудный очеркъ источниковъ чиншеваго права, излагаетъ выводы изслѣдованія г. Гантовера о вѣчно-чиншевомъ владѣніи и затѣмъ разбираетъ новое положеніе по статьямъ, снабжая ихъ своими случайными замѣтками; нѣкоторые существенные недостатки новаго закона, клонящіеся къ явной невыгодѣ чиншевиковъ, указаны также авторомъ.

Колосья. 1889 г. № 5—12. *Казачекъ, Повѣсть изъ быта черноморскихъ козаковъ.* Начало повѣсти относится къ 1840 году. *И. Кавказскаго-Подольскаго* (№ 10, стр. 193—244).

Скиво-сарматскія древности (изъ археологическихъ раскопокъ въ Южной Россіи). Небольшая замѣтка по поводу книги *гр. И. Толстого и Н. Кондакова* «Русскія древности въ памятникахъ искусства», вып. 2-ой. (№ 11, стр. 282—287).

Русскій Вѣстникъ. 1889 г. № 5—12. *Къ 50-лѣтію возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ. И. Филевича* (№ 7, стр. 1—24). По поводу этого юбилейнаго событія разсматривается, собственно говоря, вопросъ политическій—о польско-русской распрѣ.

Разсказы изъ жизни Червоной Руси В. Ив. Хиляка (№ 8, стр. 40—112). Въ началѣ статьи находимъ краткія этнографическія характеристики жителей Червоной Руси, а затѣмъ помѣщены не въ подлинномъ видѣ, а съ поддѣлкой языка разсказы Хиляка: «Дьячекъ Ефремъ», «Почтовый рожокъ», «Два старика».

Депутаты втораго призыва. Н. Семенова (№ 8, стр. 146—178; № 9, стр. 196—235). Тутъ въ протокольной формѣ передается совѣщаніе редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому вопросу, когда подготовлялось въ 1860 г. освобожденіе крестьянъ. Воспроизводятся пренія, происходившія въ засѣданіяхъ совмѣстно съ депутатами отъ кіевской и виленской коммиссіи.

Въ отдѣлѣ «Новости литературы» помѣщенъ отзывъ о книгѣ *И. Толстого и Н. Кондакова* «Русскія древности въ памятникахъ искусства». Вып. I (№ 5, стр. 318—320).

Сѣверный Вѣстникъ. 1889 г. № 9—12. *Изъ провинціальной печати* (№ 9, стр. 92—107). Здѣсь данъ достаточно подробный отчетъ и разборъ проекта г. Модзелевскаго, землевладѣльца подольской губерніи, объ участіи сельскихъ рабочихъ въ прибыляхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій. Въ противоположность польской газетѣ «Słowo» и публицистамъ газеты «Кіевское Слово» (1889 г., № 729), авторъ считаетъ проектъ г. Модзелевскаго не соотвѣтствующимъ положенію нашего края и слабымъ въ томъ отношеніи, что рабочій ставится въ положеніе безземельнаго батрака, такъ какъ предусмотренное проектомъ надѣленіе рабочихъ клочками дворовой земли не заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Въ основѣ проекта, по мнѣнію автора хроники, лежитъ та же «панщина-барщина», образецъ которой очерченъ корреспондентомъ «Одесск. Листка» (1889 года, № 189) изъ летичевскаго уѣзда. Правильное разрѣшеніе проблемы авторъ видитъ въ соединеніи труда и земли въ однѣхъ рукахъ. Далѣе на основаніи сообщенія газеты «Крымъ» (№ 84—1889 года) авторъ разсказываетъ о присвоеніи евреями крестьянскихъ земель на законномъ основаніи въ днѣпровскомъ, мелитопольскомъ и бердянскомъ уѣздахъ. Оказать помощь законнымъ владѣльцамъ-крестьянамъ лежитъ, по мнѣнію автора, на обязанности земства.

М. Г—ъ. Міусскіе хохлы на границѣ Китая (№ 10, стр. 60—65). Рѣчь идетъ о переселенческомъ движеніи изъ бывшаго міусскаго (нынѣ таганрогскаго) округа на Амуръ. Замѣтка составлена на основаніи писемъ переселенцевъ и сообщаетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ условіяхъ, при которыхъ переселенцы доставляются на мѣсто. Страннымъ кажется обычное употребленіе въ «Сѣв. Вѣстникѣ» термина «хохолъ» вмѣсто «малороссъ»: на югѣ великороссы именуются «кацапами», но писатели вполнѣ раціонально избѣгаютъ вносить въ литературный обиходъ подобнаго рода бранчивые эпитеты.

Изъ провинціальной печати (№ 10, стр. 66—83). Здѣсь выясняются причины волненій среди сельскихъ рабочихъ на ст. лозово-севаст. жел. дор. Курманъ-Кемельчи и Джанкой, обманутыхъ въ своихъ надеждахъ на заработки; авторъ признаетъ необходимость регулированія передвиженій рабочихъ на югъ въ страдную пору и доказываетъ негодность предложеннаго для этого г. Баталинымъ проекта, разсчитаннаго на огражденіе интересовъ работодателей, и большую практичность проектовъ екатеринославскаго, одесскаго и таврическаго губ. земства, гдѣ интересамъ рабочихъ удѣлено надлежащее вниманіе.

Ѳ. Ѳ.—Куряне. Дорожныя замѣтки (№ 12, стр. 189—214). Въ легкихъ беллетристическихъ наброскахъ авторъ, между прочимъ, знакомитъ съ нѣкоторыми интересными чертами поземельнаго устройства и быта малорусской дер. Арбузово на р. Донцѣ въ курской губерніи, даетъ нѣсколько рельефныхъ данныхъ для сравнительной характеристики мало-и великорусскаго населенія этой губерніи.

Изъ провинціальной печати (№ 12, стр. 101—116). На основаніи газетныхъ извѣстій о дворянскихъ собраніяхъ конца 1889 года авторъ отмѣчаетъ выдающіяся теченія дворянской мысли въ екатеринославской, харьковской, полтавской и черниговской губерніяхъ, насколько она отразилась въ преніяхъ и многочисленныхъ проектахъ дворянскихъ собраній.

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены рецензіи на слѣд. книги, имѣющія отношеніе къ югу Россіи: 1) Ф. А. Щербина. Кубанское козачье войско (№ 9, стр. 108—111). 2) Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія, составленный учительницами харьковской частной женской воскресной школы (№ 9, стр. 113—115).

Труды Кіевской Духовной Академіи. 1889, № 9—12. № 9. «Разборъ вѣроученія русскихъ штундистовъ». Д. Протасова (стр. 79—124).

Извѣстія церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной академіи за мѣс. іюнь и іюль 1889 г. *Н. Петрова* (145—151). Перечисляются всѣ пожертвованія въ видѣ книгъ, рукописей и вещей, имѣющихъ археологическое значеніе, поступившія въ музей общества.

№ 10. Тѣ же «Извѣстія» за августъ мѣсяцъ (303—306).

№ 11. «Торжество пятидесятилѣтія возсоединенія уніатовъ съ православною церковью 8-го іюня 1889 г. въ г. Вильнѣ и др. мѣстахъ западной Россіи-Польши». 1889 г. стр. 1—355. По поводу выхода въ свѣтъ книги съ этимъ заглавіемъ, г. М. высказываетъ нѣсколько мыслей о значеніи совершившагося факта (стр. 448—450).

Извѣстія церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи за сентябрь (стр. 451—455).

№ 12. «Спутники и ученики св. ап. Андрея». Ив. И. Малышевскаго

(стр. 545—567). Авторъ слѣдитъ за развитіемъ преданій о проповѣднической дѣятельности св. апостола Андрея и его учениковъ и приходитъ къ выводу, что всѣ эти сказанія достаточно подкрѣпляютъ начальное и общее церковное преданіе о проповѣди св. апостола въ Скиѳіи.

«Извѣстія церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи», за октябрь 1889 г. (588—594). Указатель статей, помѣщенныхъ въ «Трудахъ кіевской духовной академіи за 1889 г. №№ 1—12).

Экономическій Журналъ, 1889 г. № 4—12. *Л. В. Маке—овъ. Арендная сдача надѣльной земли* (№ 4, стр. 26—41). На основаніи статистическихъ данныхъ по воронежской губерніи авторъ характеризуетъ экономическій упадокъ пригородныхъ слободъ, расположенныхъ вокругъ Воронежа, выражающійся въ сдачѣ земель въ долгосрочную аренду по низкимъ цѣнамъ крупнымъ съемщикамъ-капиталистамъ или же мѣстнымъ кулакамъ-торговцамъ. Возможность выкупа надѣловъ и продажи ихъ грозитъ, по мнѣнію автора, крестьянамъ обезземеленіемъ не только de facto, какъ нынѣ, но и de jure.

Земское хозяйство (№ 4, стр. 87—100). Въ этомъ обзорѣ 25-лѣтней полезной дѣятельности земства авторъ касается и земствъ харьковскаго, херсонскаго, полтавскаго, екатеринославскаго, таврическаго и черниговскаго.

Профессіональное образованіе (№ 4, стр. 114—121). Въ этой статьѣ находимъ краткое описаніе гнѣдинскаго ремесленнаго училища, основаннаго въ с. Александровкѣ (александр. у. екатерин. губ.) при содѣйствіи общества улучшенія народнаго труда, по программѣ бар. Н. А. Корфа. Цѣль училища—подготовка столяровъ, кузнецовъ и слесарей, содержится оно главнымъ образомъ на средства земства; въ 1888 г. было 80 учениковъ.

А. С. Въ чертѣ еврейской осѣдлости (экономическія изслѣдованія). VIII. Кіевъ и его раіонъ (№ 5—6, стр. 51—81). Авторъ, не указывая своихъ источниковъ, группируетъ случайныя статистическія и нѣк. др. данныя о населеніи, ростѣ и культурномъ значеніи Кіева, о торговлѣ и участіи въ ней евреевъ, о кредитѣ, промышленности и ремеслахъ, о бытѣ еврейскаго населенія и въ заключеніе вкратцѣ характеризуетъ положеніе евреевъ въ кіевской губ.

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщена подробная рецензія на книгу В. Н. Никитина *Евреи—земледѣльцы*, изд. *въ 1887 г.* (№ 4, стр. 127—135).

Юридическій Вѣстникъ, 1889 г. № 2—12. *Некрологъ Николая Александровича Терешкевича* (№ 2, стр. 374), ум. 24 декабря 1889 г. въ Севастополѣ. Покойный съ 1881 г. завѣдывалъ стат. бюро полтавскаго губернскаго земства; подъ его руководствомъ изслѣдовано 13 и издано описаніе 8 уѣздовъ. Въ 1886 г. Т—чу присуждена географическимъ обществомъ большая золотая медаль за статист. его труды.

И. Рева. Законъ, жизнь и обычное право (№ 5, стр. 98—120).

Рядомъ данныхъ, извлеченныхъ изъ дѣлъ л—скаго волостнаго суда, липов. у. кіевской губ., авторъ доказываетъ противорѣчіе, существующее между порядками подворнаго крестьянскаго землевладѣнія и нормами закона, имѣвшаго цѣлью предотвратить раздробленность крестьянскихъ надѣловъ. При невыработанности прочнаго обычая въ порядкахъ подворнаго владѣнія, волостные суды постановляютъ произвольныя рѣшенія, и фактическое дробленіе земли возрастаетъ, по мнѣнію автора.

Ип. Богдановъ. Учрежденіе совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ (№ 6—7, стр. 352—360). Подробнымъ и тщательнымъ анализомъ подлежащихъ узаконеній авторъ доказываетъ, что не существуетъ *законныхъ* препятствій для учрежденія совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ въ округахъ кіевской и виленской судебныхъ палатъ.

Н. Карышевъ. Статистическій обзоръ распространенія главнѣйшихъ отраслей обрабатывающей промышленности въ Россіи (№ 9, стр. 38—68). Въ своемъ изложеніи авторъ касается также и южно-русскаго промышленнаго района и отмѣчаетъ, между прочимъ, низкій уровень технической подготовки у представителей мѣстной индустріи.

И. Лучицкій. Крестьянское землевладѣніе въ суражскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи, въ 1767 и 1888 гг. (№ 12, стр. 599—620). На основаніи подробнаго сличенія данныхъ румянцевской описи 1767 г. (сгруппированныхъ въ трудѣ Е. С. Филимонова: «Румянц. генер. опись суражскаго уѣзда 1767 г.» Вятка, 1888 г.) съ результатами современнаго статистическаго изслѣдованія, авторъ, въ противоположность извѣстнымъ обобщеніямъ черниговскаго земскаго статистика г. Червинскаго для лѣвобережной Украины, приходитъ къ слѣдующимъ главнымъ выводамъ для суражскаго уѣзда, видимое возрастаніе размѣра крестьянскаго землевладѣнія въ XIX в. происходило насчетъ общинныхъ земель и поэтому не доказываетъ само по себѣ роста экономическаго благосостоянія крестьянъ; земельное обезпеченіе козаковъ уменьшилось почти въ 5 разъ на протяженіи изучаемаго періода времени; расширеніе запашекъ не сопровождалось параллельнымъ улучшеніемъ земельнаго обезпеченія, такъ какъ размѣръ надѣла на каждый дворъ уменьшился; только монастырскіе, впосл. государств. крестьяне представляютъ исключеніе въ этомъ отношеніи; хотя число безземельныхъ уменьшилось, но крайности отъ этого не сгладились, такъ какъ размѣры крупнаго землевладѣнія возросли болѣе чѣмъ въ полтора раза; процессъ земельнаго «равненія» не имѣлъ мѣста въ сураж. у.,—а, наоборотъ, наблюдается явленіе какъ разъ противоположное; сличеніе данныхъ о живомъ инвентарѣ хозяйства приводитъ автора къ подобному же выводу. Въ концѣ статьи указаны нѣкоторыя погрѣшности въ работѣ г. Филимонова.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи: 1) *И. Сушновъ*, Обзоръ статистическихъ данныхъ по смертности въ гор. Одессѣ и заболѣваемости заразными болѣзнями за 1887 г. (№ 3, стр. 325—328, рец. *Г. П.*). 2) *Г. А. Джаншіевъ*, С. И. Зарудный и судебная-реформа (№ 6 и 7, стр. 424—426).

Книги, вышедшія въ концѣ 1889 и въ началѣ 1890 г., касающіяся ю. Россіи.

Айналовъ Д. и Рѣдинъ Е. Кіево-Софійскій соборъ. Изслѣдованіе древней мозаичной и фресковой живописи. Съ 14 рисунками. Спб. 1889 г. 8 д., 2 ненум.+156+1 ненум. стр.

Акты, издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Т. XVI. Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. Вильно. 1889 г., 4 л., CXLII+704 стр.

Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при Мин. Внутр. Дѣлъ *П. Н. Батюшковымъ* (Съ 1 хромолитографіей, 99 гравюрами и картой). Спб. 1890 г., 8 д., XXIV+376+182 стр.

Веселовскій А. Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха XI—XVII ст. Вып. 5-й. Спб. 1889 г., 8 д., 376+106 стр.

Доливо Е. Сборникъ южно-русскихъ узоровъ. Изд. 2 е. Кіевъ. 1890. 2 д., 20 листовъ.

Записки Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей. Т. 15-й. Съ XI литографированными и фототипическими таблицами монетъ, надписей и рисунковъ и съ рисунками въ текстѣ. Изданіе ко дню 50-тилѣтняго юбилея общества 14 ноября 1889 г. Одесса 1889, 4 д., 884+III стр.

Карповъ Г. Въ защиту Богдана Хмельницкаго. Москва 1890, 8 долю, 104 стр.

Котляревскій И. П. Наталка-Полтавка. Украинская опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Изданіе 11-е книгопрод. Гомолинскаго. Кіевъ. 1889 г., 16 д., 63 стран.

Луцкевичъ А. Памятная книжка кіевскаго учебнаго округа. Часть V: полтавская губернія (съ приложеніемъ карты учебн. заведеній М. Н. Пр. полтавской губ.). Кіевъ. 1889 г., 8 д., 209+XXVI стр.

Миклуха-Маклай М. Н. Геологическія изслѣдованія новоградволынскаго и житомирскаго уѣздовъ волынской губерніи. Съ 2 таблицами и геологическою картою. Спб. 1889 г., 8 д., 91+1 ненум. стр.

М—чъ, графъ. Описаніе черниговскихъ соборовъ Спасо-Преображенскаго и Борисоглѣбскаго, съ видомъ соборовъ. Черниговъ. 1889, 8 д., 26 стр.

Памятники древней письменности и искусства. LXXXI. Слово Даніила Заточника. Съ предисловіемъ и примѣчаніями *Шляпкина*. Спб. 1889 г., 8 д., 41+84+II стр.

Петровскій Д. Справочная книга по г. Харькову (и календарь на 1890 г.), Хбрьковъ. 1889 г., 8 д. 244+IX стр.+2 карты и 1 планъ.

Рева И. Кіевскій областной съѣздъ 1890 года. Кіевъ 1889 г., 8 д., 27 стран.

Святловскій Е. Къ статистикѣ населенія черниговской губерніи. Черниговъ. 1890 г. 8 д., 18 стр.

Сучиленко Н. Украинскій Кобзарь. Малороссійскія пѣсни знаменитыхъ писателей: Шевченко, Котляревскаго и пр. Москва. 1889 г., 16 д., 104+IV стран.

Эварницкій Д. Публичныя лекціи по археологіи Россіи. Спб. 1890 г., 8 д., 74 стр.

Дозволены къ представленію слѣдующія драматическія піесы на малорусскомъ языкѣ:

1) «Зайды-голова». Драма въ пяти дѣйствіяхъ. *М. Л. Кропивницкаго.*

2) «Щаслывая доля». Малорос. комычна оперетка въ трехъ діяхъ скомпонувавъ *Н. В. Квитко-Павловскій.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Условія подписки на 1890 годъ.

(одиннадцатый годъ изданія).

	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и перес. во всѣ мѣста Россіи .	12 р.	6 р.	3 р. —	1 р.
За границу.	14 „	7 „	3 „ 50 к.—	

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается

Журналъ выходитъ подъ тою же редакціей, при томъ же составѣ сотрудниковъ и въ прежнемъ объемѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала:—Леонтьевскій пер., 21. **Въ С.-Петербургѣ:** въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°. Невскій просп., домъ Армянской церкви.

1—1 Редакторъ-издатель *В. М. Лавровъ.*

Вышла первая (январьская) книжка новаго литературно-политическаго журнала

Русское Обозрѣніе.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Стихотворенія: 1) „Любовью ль сердце разгорится“; 2) Осень. К. Р.—II. В. П. Боткинъ, И. С. Тургеневъ и графъ Л. Н. Толстой. Изъ

воспоминаній А. А. Фета—III. Фантазія. Стихотвореніе. Я. П. Полонскаго.—IV. Живая загадка. Повѣсть. Гл. I—VII. К. Орловскаго—V. Божья воля. Разсказъ Кота Мурлыки.—VI. Пессимизмъ и педагогика. Э. Гартмана (переводъ съ рукописи Вл. С. Соловьева). — VII. Бабушкина внучка. Повѣсть. Глава I — VII. М. В. Крестовской. — VIII. У сирійскихъ христіанъ. А. И. Воейкова. — IX. Сафо у „зеленыхъ ключей". Повѣсть. Гл. I—III. Бретъ-Гарта (переводъ съ рукописи Ѳ. Д.)—X. Переломъ въ русской деревнѣ. Гл. I—V. К. Ѳ. Головина.—XI. Письма изъ Парижа. Письмо I. (Спеціальная корреспонденція). Г. Вельшингера.—XII. Письма изъ Лондона. Письмо I. (Спеціальная корреспонденція) В. Стэда.—XIII. Театральная хроника. С. Васильева.—XIV. Музыкальное обозрѣніе. Н. Д. Кашкина—XV. Современная лѣтопись. Отношеніе печати къ государственной жизни.—Политика и международное право.—Необходимость реформы мѣстнаго управленія—Иностранныя государства въ минувшемъ году.—XVI. Текущіе учебные вопросы. Н. М. Горбова.—XVII. Экономическое обозрѣніе. Л. Н. Воронова.—XVIII. Критика и библіографія. 1) Русское естествознаніе въ 1889 году. Н. Ю. Зографа. 2) Свое слово, философско-литературный сборникъ А. А. Козлова 1888—1889. П. И. Астафьева. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	на годъ.	на полгода.
Безъ доставки и пересылки.	15 р. 50 к.	8 р. — к.
Съ доставкою въ Москвѣ.	16 „ — „	8 р. 50 к.
Съ пересылкой иногороднымъ.	17 „ — „	9 „ — „

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Тверской бульваръ домъ Зыкова, № 46, въ книжныхъ магазинахъ Новаго Времени, въ конторѣ Н. Печковской и у извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Для подписывающихся въ конторѣ журнала допускается разсрочка.

Редакторъ *кн. Д. Цертелевъ.*
1—1 Издатель *Н. Боборыкинъ.*

(Г. VI) ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1890** Г. (Г. VI)

„НОВЬ"

иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній.

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ТОЛСТЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Новь" выходитъ два раза въ мѣсяцъ, каждаго 1 и 15 числа, книжками большаго 8-ми-дольнаго формата. Въ журналѣ помѣщаются романы, повѣсти, стихотворенія, историческія монографіи, путевые очерки, статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, критика, политическое обозрѣніе, фельетонъ, и пр. и пр.—съ массою изящныхъ рисунковъ иллюстрирующихъ текстъ. Въ особомъ же отдѣлѣ журнала (Мозаика) помѣщаются статьи прикладнаго, справочнаго характера по

всѣмъ отраслямъ практической дѣятельности, также съ иллюстраціями. Въ видѣ приложенія къ журналу, дается въ годъ болѣе 500 отдѣльныхъ художественныхъ гравюръ-картинъ.

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки 12 р. 50 к., съ доставкою и пересылкою 14 р.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ НАЧИНАЕТСЯ 1 НОЯБРЯ.

Подписка принимается исключительно въ книжныхъ магазинахъ товарищества М. О. Вольфъ СПБ., Гостинный дворъ, №№ 17 и 18. МОСКВА Петровка д. № 5.

1—1 Редакторъ-издатель *А. М. Вольфъ*.

Объ изданіи въ **1890 году** ежемѣсячнаго журнала

„СЕМЕЙНАЯ БИБЛІОТЕКА."

НА ГОДЪ 2 р., 1/2 ГОДА 1 р.

Редакціей „Пантеона Литературы" предпринято, съ 1 января 1890 г., изданіе новаго **общедоступнаго какъ по цѣнѣ, такъ и по содержанію** ежемѣсячнаго журнала.

„Семейная Библіотека" будетъ заключать въ себѣ: избранные романы, повѣсти, разсказы, собранія стихотвореній извѣстныхъ писателей, драматическія произведенія, путешествія и пр.

Въ каждомъ томикѣ будетъ помѣщено цѣлое произведеніе; болѣе обширныя произведенія займутъ нѣсколько послѣдовательныхъ томиковъ.

Назначеніе **„Семейной Библіотеки"**—доставить самой небогатой семьѣ возможность, за ничтожную плату, имѣть библіотеку избранныхъ авторовъ, чтеніе которыхъ по содержанію своему было бы для всѣхъ доступно и интересно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	на годъ	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ дост. и перес.	2 р.	1 р.	25 к.

Подписка принимается: въ редакціи „Семейной Библіотеки" въ С.-Петербургѣ, Захарьевская ул., д. № 19. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 5%

№ 9 2 - 3 Редакторъ-издатель *А. Чудиновъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1890** ГОДЪ.

(Третій годъ изданія).

„ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ".

ежемѣсячный историко-литературный журналъ.

Въ предстоящемъ году „Пантеонъ Литературы" будетъ издаваться по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ.

Въ числѣ произведеній, предназначенныхъ къ помѣщенію въ первыхъ книжкахъ журнала, назовемъ слѣд.: 1) **Полное собраніе сочиненій Василія Петровича Боткина,** автора „Писемъ объ Испаніи“ и пр., 2) **Поэмы Оссіана,** перев. съ примѣч. и предисловіемъ Е. В. Баѳбановой, 3) **Письма темныхъ людей,** перев. А. И. Кирпичникова, 4) **Чосеръ, Контерберійскіе разсказы,** перев. М. И. Кудряшева, 5) **Аріосто, Неистовый Роландъ,** поэма, перев. С. Ф. Уварова, 6) **Л. Н. Майкова,** Матеріалы для біографіи Вал. Н. Майкова, 7) **М. Гюйо,** Современная эстетика, и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	на годъ.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ дост. и перес.	8 р.	5 р.	1 р.
Съ перес. за границу	10 р.	—	—

Выписывающіе „Пантеонъ Литературы“ за 1888 и 1889 гг. уплачиваютъ: за всѣ три года—20 р., за два года—15 р. Разсрочка платежа—по соглашенію.

Подписка принимается: въ редакціи журнала „Пантеонъ Литературы“ въ Спб., Захарьевская, д. 19, а также въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 5%.

№ 10 2–3. Редакторъ-издатель *А. Чудиновъ.*

ОТРЫТА ПОДПИСКА

НА

новый журналъ для акушерокъ, фельдшерицъ и фельдшеровъ.

АКУШЕРКА

На годъ **3** рубля
На 6 мѣс. **2** рубля.
На 3 мѣс. **1** рубль.

Изданіе посвящается акушерству, женскимъ, дѣтскимъ и общимъ болѣзнямъ и вообще всѣмъ отраслямъ медицины, входящимъ въ кругъ дѣятельности **АКУШЕРОКЪ, ФЕЛЬДШЕРИЦЪ и ФЕЛЬДШЕРОВЪ.** Журналъ будетъ выходить съ 1-го Января 1890 года, дважды въ мѣсяцъ.

Редакція заручилась сотрудничествомъ: гг. преподавателей и врачей С.-Петербургскаго (надеждинскаго) и московскаго родовспомогательныхъ заведеній и повивальнаго института въ С.-Петербургѣ, а также другихъ врачей спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ медицины.

Подписка принимается:

Въ Брянскѣ (орловской губ.) въ Редакціи журнала „Акушерка“.
Въ Спб. въ книжномъ магазинѣ К. Риккеръ Невскій просп. № 14.
Въ Москвѣ въ книжн. магазинѣ А. Лангъ, Кузнецкій мостъ.

№ 11 2–3. Редакторъ-издатель *Амброжевичъ*

БИБЛІОГРАФЪ

1890. **ВѢСТНИКЪ** **Годъ VI.**

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ и ИСКУССТВА.

Журналъ библіографическій, критическій и историческій.

Выходитъ ежемѣсячно.

Ученымъ Комитет. М-ства Народн. Просв. РЕКОМЕНДОВАНЪ для основныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ ОДОБРЕНЪ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ. — По распоряженію Военно-Ученаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжно-торговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отд. 2-й (справочный). Полная библіографическая лѣтопись: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) Rossica; 4) правительственныя распоряженія; 5) объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

И. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, П. В. Быковъ, Е. А. Бѣловъ, проф. П. В. Владиміровъ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, проф. Е. Е. Замысловскій, проф. В. С. Иконниковъ, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, Л. Н. Майковъ, В. И. Межовъ, А. Е. Молчановъ, Н. Н. Оглоблинъ, С. Ѳ. Платоновъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, С. М. Середонинъ, С. Л. Степановъ. Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес въ Россіи **5** *р., за границу* **6** *р.*

отдѣльно нумеръ 50 к., съ перес. 60 к.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: страница—8 р.; ¾ стран.—6 р. 50 к., ½ стран.—4 р. 50 к. ¼ стран.—2 р. 50 к.; ⅛ стран,—1. р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени"—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.— Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Забалканскій (Обуховскій) просп., домъ № 7, кв. 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полные комплекты „Библіографа“ за 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 гг. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1, 2 и 3. Ц. по 60 коп. 2) Библіографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 коп. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библіографич. указатель произведеній А. Н. Сѣрова. II. Библіографич. указатель литературы о А. Н. Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 руб. за вып. 4) Библіограф. списокъ литерат. трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина. Сост. И. А. Козеко. Ц. 75 коп.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

№ 8 2—2. Редакторъ **Н. М. Лисовскій.**

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета
НА 1890 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются

I въ **отдѣлѣ наукъ:** ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II Въ отдѣлѣ **критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III **Университетская лѣтопись:** извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV **Приложенія:** университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб. съ пересылкою Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

Дозволено цензур. Кіевъ, 28-го Февраля 1890 г.

27) *Когда ломитъ кости*, дегтю доброго, часноку змѣшати з горѣлкою и грѣти на огнѣ, и тимъ мазати.

28) *Куколь-зьля* у водѣ албо у винѣ варити, пити на-дще, *урину* вигонит и глисти в животѣ морит.

29) *Павутина* з бѣлкомъ яйця кровъ з рани текучую оставляеть.

30) *От поносу* стерти кореня любисткового и того соку випить чарку — весма ползуеть.

31) Итемъ: соку з листя конопляного надавит(и) и выпит(и) чарку.

32) *От вонѣтовъ*: з сѣмя конопляного издѣлат(и) молока и випит(и) кубокъ, заразъ перестанеть

NB 33) *Ежели* (у кого) *з рота воняетъ* и чорние (s. вм. и годние) зуби, дубини еднолѣтокъ паростокъ нарѣзати вершковъ и в горшку затушковат(ь) и оттопит(ь) горазда, и тоею юшкою ротъ полоскат(ь) разовъ нѣсколко.

34) *От кашлю* роменъ-зеля варить или оттопить и пить на-дще весма ползуеть.

35) *От глистов* руту варить или оттопит(ь) и пить на-дще весма ползуеть.

(Приписано другимъ небрежнымъ почеркомъ): *Ежели человѣкъ уворвецъя* или порушиця чимъ, должно заячого лайна бобковъ 3 ростерти и випит(и) в чимъ небудь; переста(ти) може(ть).

36) *На опухъ* зашибенои руки или ноги: вощинами теплими окладати весма полезно.

37) Зѣля копитень помочит(и) оцтомъ, обложит(и) болную голову, перестане(ть) болѣт(и).

38) Ежели кому катерно..(?) задавит(ь), взят(и) хлѣба ржаного, свѣжо с печи винятого, теплого, полит(и) водкою, приложит(и) на чоло и виски; будеть свободенъ.

39) *Ежели кого собака скажена укуситъ*, заразъ палит(и) рака рѣчнаго, издѣлат(и) прошокъ, дати болному того прошку хочай мало в чомъ ни есть випит(и); будеть здоровъ.

40) *Ежели* у кого здѣлаеться, что *урина запрется*, стерти брушгину и випит(и) в чемъ ни есть; всеконечно свободится.

41) Итомъ: мишачое лайно в чемъ нибудь випит(и), ползу приносить.

42) *От кашлю:* зварит(и) буквици у водѣ, укинути малую часть галуну, пит(и) тепло в день по нѣсколко разъ,—ползу великую приносить.

NB 43) *Ежели болить у грудяхъ и жолудокъ нетравить*, взят(ь) корения—петрушки, полину—кореня, оттопит(ь) в сировци и пит(ь) еже часто (s.) на-дще и в день по нѣсколко разъ; ползу великую приносить.

(Приписано друг. почерк.): *ежели болять зуби*, около каменя надрапать моху и тимъ попарить зуби, перестануть.

44) *На тожъ* (т. е. № 43). Кореня дерева гостѣр (?) жостеръ? [1]), кореня глодовое, корѣня терновое, корѣня шепшиновое, дерева ясенини з вершка гѣлку, все по ровной части оттопит(и) в сировцѣ и пит(и) такожъ, какъ висше сего.

45) *От жовтяниць:* достат(и) зѣля цмѣну, варит(и) у козиномъ молоки долго, тѣмъ митись, голову и все тѣло, и напитись, какъ би ложокъ три; всеконечне свободится.

46) *На проносъ:* розбит(и) носокъ у яйця курячого, вложит(и) у него грудочку галуну, испекти, изисти; всеконечне свободится.

47) *Ежели тѣло гниеть и негоится*: крейда, крохмаль и медъ—патока; сие три состави змѣшат(и), издѣлат(и) пластиръ, прикладати; весма ползуеть.

48) Варит(и) и пит(и) и кушати вареную и сирую петрушку—урину весма легко вигонить и камень крушить.

49) *От кашлю*: часникъ варит(и) у водѣ, покамист половина википить, и тую воду по кубочку лѣтепло пит(и), и ежели прикро, то сахаромъ подсолодит(и).

50) *Итемъ*: витиснути с редки сокъ, придат(и) меду, скѣлко надобно и потрѣбно будеть, патоки, имберу бѣлого, и въ едно измѣшат(и), по ложечки едной заживати, толкожъ при томъ заразъ ничего холодъ ного непит(и).

[1]) Не разобрано.

NB 51) *От лому костей*: горѣлку простую з соллю змѣшат(и), пригрѣт(и) на огнѣ, умочити платъ, часто класт(и) на болное мѣсто.

52) *Итемъ*: накопат(и) у гнои червяковъ краснихъ, посипат(и) соллю, то с (о)нихъ червяковъ будетъ вода, якою водою мазат(и) болное мѣсто.

53) *От огнику*: сметану, толко би не очень кислую смѣшати з сажею и мазати; згоить.

NB 54) *Когда ноги болятъ и пухнутъ*, умочити платъ у росолъ огурковий и часто прикладат(и) на болное место.

55) *Ежели у кого кровъ идетъ з носа* и неперестаетъ, накурит(и) шерстю свиною; перестанетъ.

56) *Ежели у кого антоновъ огонь*, и заразъ убить собаку или щеня, роспорот(и) и тепло прикладат(и), где есть язва, и тое здѣлати до нѣсколко разъ; всеконечне згоить.

NB 57) *От фебри*: с полину видавить соку чарку, с калиновихъ ягодъ соку одну, все тое смѣшать и випить, какъ станетъ фебра приходить.

58) *От коросты*: взять малую часть пороху, синого каменя, оливи, оцту крѣпкого, цыбулѣ бѣлой или красной присмажить и тричи мазать, и сорочки нескидать три днѣ; всеконечне згоить.

NB 59) *От пухлетини ядеръ*: взять мякишъ булки, налить свѣжого коровего молока, чтобъ горазда смочить и варить на легкомъ огнѣ, чтобъ сталъ какъ би густой кисѣль; потомъ прибавить шафрану какъ би на конецъ от ножа, столкожъ и камфоры приложъ тонкими (?) платками; около ядеръ прикладивать тепло, какъ можно стерпѣть, а когда простигнетъ, снявъ, прибавить молока, пригрѣть, опять приложить.

60) Горчица лѣчить болѣзнь зубную: жовать ее, когда зуби болять, перестануть.

NB 61) *От сонячницъ*: взять мяти свѣжой и видавить з ней сокъ или стерти сухой мяти и дать випить у соровцѣ; перестанетъ.

62) *Ежели опечетъ тѣло*, зварить яйце, здѣлать олѣекъ из жолтка, мазать болное мѣсто; конечне згоить.

NB 63) *От боль очей*: взять двѣ горсти гороховой соломи, поварить в полквартн чистой води рѣчной, потомъ процедить сквозь платокъ, и поутру и вечеромъ теплимъ глаза промивать.

NB 64) *Чтобъ гусень непортила капусти*: насипать води в дегтяную бочку илы мазницу, и тою водою кропить капусту.

65) *Ежели черви* будуть в *ушахъ*, взять свѣжого несолоного сала или сира, приложить, вилѣзуть.

67) (s.) *Ежели в ушахъ пищитъ* или *звинитъ*, здѣлат(и) чопикъ с редки, намочить в горѣлки доброй, вложить в ухо.

68) *От глухоти* сокъ с редкы пущать в ухо теплой.

69) *Итемъ*: цибулю видолбат(и), насипат(и) водки, спекти, сокъ съ нея видавит(и) и тепло каплями пущать у вухо.

70) *Итемъ*: оцотъ варить и с него пару чрезъ лѣекъ пускат(и) в ухо, или полину горсть сварить в молоцѣ и пару пускать чрезъ лѣекъ, или влить; листовъ свѣжого табаку стерти и вложить в ухо

71) *От катару*, ежели кому носъ заболить, нарѣзать кружалками свѣжего буряка, прикладать до чола, висковъ и носа и на потилице; весма полезно.

72) *На кашелъ и тяжесть в костяхъ* варить кашу ячную рѣдко, процидить и придать меду-патоки с потребу, тепло, какъ можно, заживат(и).

73) *Ежели с уха течетъ*, надобно олѣекъ мидаловий в ухо пущать.

74) *Ежели пищитъ, шумитъ в ушахъ*, взять хлѣбъ житной горячий, розрѣзать, полить водкою крѣпкою, пару пускать в ухо и прикладать до ушей.

75) *От лому костей*: пиво, соль, мило согрѣть крѣпко, умочить платъ, положить на болное мѣсто; тѣмже пивомъ поливать весма полезно.

76) Лелѣи бѣлой намочить в горѣлки, дать пить три раза тому, кто страждать (s.) *от падучои* болѣзни; перестанеть и болше небудеть никогда.

— *Тулъпани* какь отцвѣтутся, викопати(и), привялит(и) и заховат(и), августа первихъ чиселъ посадит(и) в землю; будуть по веснѣ весма хороши и противо прежнихъ несравнено отмѣнни.

77) *От кашлю и колотя в грудяхъ* взять яблуко солодкое, вичистить осередокъ, вложить в него ладонъ чистой бѣлой и малую часть сѣрки, обязать бумагою и вложить въ горячой попелъ, и какъ упечется дать болному рано и у вечеру, и тепло пить вареную шевълѣю; свободится.

78) *Отъ кашлю*, согрѣть пива с маевимъ масломъ и пить тепло ежечасто (s.) весма полезно.

79) *Отъ катару* — варить молоко коровиное, вложить в него толченого ладану и бросить горячое желѣзо, и закутать голову, держать надъ парою, покамистъ будеть потъ, весма полезно; и между тѣмъ держать ноги в теплой водѣ, ради поту.

80) Когда отъ катару болить *ухо*, или опухнеть *щека*, или болять *зуби*, взять пива, вложить в него хмелю доволно, замазавши варить горазда, снявъ с огня, вложить горячое желѣзо или камень и закутать голову, держать над парою, пока потъ болшій; ложась в постелю, ставить ноги в теплую воду раза два или три: всеконечно свободится.

NB. 81) Ежели *в боку* или где ни есть болить, взять синей бомаги, поколоть иголою (s.) весма много, умоча у водку, посипать толченимъ ладономъ или мастином (s), приложить на болное мѣсто, неотнимать, пока само неотподеть; будеть полза велика.

83) (s.) *Ежели поносъ великій*, взять от яйця курячого жовътокъ сирій, малую часть оцту и перцу, змѣшать и випить; весма полезно.

84) *Итемъ:* хлѣба житного спалить на уголь, стерти мѣлко, сколкожъ и сѣрки стерти, змѣшат(ь) и випит(ь); весма полезно.

NB. 85) *На залози и жовни*: взят(ь) пригорщъ пшеницѣ, вложит(ь) в новои молой горщокъ, накрить покришкою, залѣпить глиною, поставить на огнѣ и смажить; снят(ь) с огня, прохолодить, стерти на порохъ, придать мишачихъ лаенъ, стертихъ на порохъ, смѣшать с оливою, прикладать; весма полезно.

NB. 86) *На слабой жолодокъ и колку*, от вѣтру здѣлавшуюсь, наидуй зѣля венедикта в мартѣ мц̄ѣ молодое; збирать, покришить, взять щипту, вложить в малій горщичокъ, придать помаринчивой (=помаранчовой) водки, варить у водѣ, процѣдить и каждаго утра пить по немножку на силу, что слабой жолудокъ и от многихъ болѣзней зашищаетъ.

87) *Болѣзнь очей* угашаетъ тоежъ зѣлля ка(р)дусъ венедикти: уварить у водѣ и тѣмъ ежечасто (s.) промиват(ь) болние очи.

(припис. другимъ почерк.) *Ежели горло опухнет(ъ)*, роменъ-зѣля варит(ь) и тимъ парить горло; весма полезно и опробовано.

NB. 88) Итемъ. *Раны всякые гоить*; варить зѣлля cardu(u)s venedнѣи (s. = benedictus) у винѣ, илы. за неимѣныемъ, у пивѣ, и прикладать до рани еже часто—весма полезно, а особливо пить оное ползуетъ на камень, и пѣсокъ вигонить, фебру разних родовъ отгонить, а найлутше есть вещъ отъ всѣхъ почти болѣзней употреблять означенное caydus (s.) venedcѣй (s.)—зѣлля, варить у водѣ и во мѣсто чаю ежеденно пить.

89) *На рани*—ужовая шкура, перве отволожить оною слиною на-дще, а послѣ прикладать; весма полезно [1]).

NB. 90) На думность (? v. дутность?) взят(ь) рути зеленой, ядро орѣха волоского, столча вмѣстѣ, по малой часточки кусай и ковтай, дѣлай сие чрез нѣсколко дней; свободится.

91) *На лишаи:* кашу варить с пшона, на которой будет(ь) пѣна бѣлая; оною мазать часто, згоить.

92) *Ежели болить сердце*, взять селѣтри чистой, весма мѣлко терти, немножко придать маленко конъфори стертой мѣлкожъ, дать болному випить в цинамоновой или рожевой водки; перестанеть.

---

[1]) На отдѣльномъ листкѣ другимъ почеркомъ. От скаженои собаки линовище гадючое з слиною розмягчит(ь), положить на тое мѣсто.

93) *От странду́рію*[1])—взять горѣлки и толченого яловцю, змѣшать и випить.

94) *Урину весма вигонить:* взят(ь) листу или кори вербовой, варить в казанѣ. издѣлать ванну, в которои би болной скупался, перестанеть. Довѣреная. А буди зѣмою, накопать кореня вербового, намочить в горѣлки, дать болному пить до нѣсколко разъ: заразъ урину поженеть.

95). *Итемъ.* Воду холодную во устахъ держать урину вигонить.

96) *На боль во устахъ:* взять горѣлки простой, вложить в нея мила, порѣзавши, всипать соли, приварить, намазать платъ, прикладать.

Тоже справляеть горѣлка простая с каньфорою: мазать платъ и прикладать.

97) *На боль в составахъ* сиръ свѣжый ростерть з сметаною и посолить болю (соллю?), прикладать на болное мѣсто.

98) *Итемъ,* зварить кашу пшоняную у молоки негусто, вложить в ту кашу мила часть и соли, положить на платъ и прикладать на болное мѣсто; весма полезно.

NB. 99. *Итемъ.* Весма статечна есть вещъ подчасъ такихъ болѣзней уживать, чтобъ били поти, зѣлля caydus uenediui (carduus benedict.: варить его и пить тепло, а особливо на ночъ, ложась спать, закутать себе, чтоб горазда спотѣть; весма полезно.

100) *Ежели у дѣтей немогуть* скоро *зубки прорѣзатись,* взять меду чистого и масла несолоного, змѣшать и натирать дитинѣ ясна.

101) *Ежели кровъ идеть з рани* и перестать неможеть, взять губки, что ростеть на полѣ бѣлая болшая, а какъ устарѣется, то жолтовата, тоею губкою заложить рану, перестанеть ити кровъ.

102) *Итемъ.* Копервасъ спалить, чтобъ билъ червоный, стерти, засипать рану; заразъ кровъ итит(ь) перестанеть.

103) *На рани разния* весма изрядная *масть;* взять оливи пол фунта, мила доброго три лота, блейвесу и минѣи по фунту; змѣ-

[1]) στραγγουρία, жженіе въ мочевомъ каналѣ.

шай мило з оливою и поставъ на огнѣ, чтоб мило в оливѣ ростопилось, в тѣ пори ростерть блеивесъ и минѣю мѣлко, всипать в оливу и смажить, пока станеть мало густѣть; всипать оной составъ на холодную воду; буде(ш) имѣть масть преизрядную, на всякие рани полезную.

104) *Итемъ масть на рани* застарѣлие и свѣжые: взять оливи еденъ фунтъ, glеисти весма мѣлко тертой лотовъ десять, gришпану в оцтѣ роспущеного лотъ еденъ; усмажить перве оливу з клейтою густо, посля вложить gришпанъ и присмажить; будеть (= шь) имѣть масть весма здраву и уже досвѣдчону.

NB. 105) *Прошокъ на уразы* весма доброй: взять мумѣи, истерти, зъмѣшать (пропускъ?) и дать випить страждущимъ.

106) *На гризь*: взять води с под точила у коваля, придать к тому купервасу и силмоняку толченихъ понемного и приварить, мазать платъ и прикладать, а особливо на ночъ.

107) *Ежели гадюка укусить*, заразъ над ранкою завязать, чтоб далѣе опухъ нейшолъ, а перво ту рану облить власною уриною уязвленого; при томъ же дерева ясенини молодняку гѣлки порѣзать, истовкти, приложить на болное мѣсто, — вещъ апробована,—а послѣ того жъ дерева зварить у водѣ и пить болящему.

108) *На жовтяницъ*: мило в молоки вареное заживат(ь), а особливо черви красние земляние зшушит(ь) стерти и дат(и) болному малесенко у водѣ випит(и), полезно.

109) Взять селѣтри толченой, *на боль зубовъ*, сколко потрѣбно, вложить оную на новой черепочокъ, поставить на огнѣ; якъ станеть по крайкахъ ростават, заразъ кидать на росталную селѣтру по немножку толченую сѣрку, изънѣмать с огня, отлупивать, какъ захолодаеть, росталое и держать при (s.) случай; а какъ стануть болѣть зуби, то взят(ь) топленую з сѣркою селѣтру, стерти, завязат(ь) в платочокъ, издѣлать узлечекъ, положить на болние зуби и держать; много будеть ити макрота и боль заразъ перестанеть. Вещъ апробована.

110) *На тожъ*: муки пшеничноѣ жменю, перцу толченого лотъ, соли с щипту, оцту крѣпкого сколко потрѣбно змѣшать, из-

дѣлать паляничку и приложить до щоки, где болить зубъ; перестанеть.

111) *Ежели кровъ з носа течетъ* и неперестаеть, взять водки чарку, галуну какъ би неподстакъ (?) толченого мѣлко, змѣшать, дать випить; устанеть.

112) *На боль голови* и заразость (?): взять оцту крѣпкого, всипъ соли или сенѣтри, камфори з сахаремъ утертои, мазать платъ прикладать до голови, висковъ и шіи—вещъ добра.

113) *От фебри:* взять вина, согрѣть кубочокъ, всипать соли щипту, перцу, змѣшать, дать передъ парозимомъ (s.).

114) *Итемъ*: взять медового оцту, или другого, всипъ оливи ложку, соли щипту, согрѣть, дать перед парозимомъ.

115) *Итемъ:* взять горѣлки доброй чарку болшую, всипать оливи ложку, змѣшать, дать перед парозизмомъ.

NB. 116) *Ежели опухнет(ъ) мошна,* попелъ дубовой варить в оцту и чрезъ платъ окладать.

117) *Итемъ*: накопать кореня аеру, что близъ рѣкъ ростеть, усушить. стерти з оцтомъ, приварить, прикладать на болное мѣсто.

118) *От болѣзни зубной* губку или платокъ умочить в крѣпкой оцотъ, вложи в ухо с той сторони, где болить зубъ.

119) *Итемъ*: наскромадить терновой кори, варить у водѣ, придать мало оцту, теплимъ полоскать часто зуби.

120) *На кашель*: надавить соку з редки, придать немножко меду присного и трохи инберу, змѣшать, уживать по малой части.

121) *На жолтяницю:* варить в оцтѣ розмаринъ, снять с огня, над тою парою держать болному лице разовъ до нѣсколко.

122) *На глисти:* взять оливи и меду прѣсного равние части, змѣшать, дать на-дще зажить, естъ вещъ статечная.

123) *От колки*: взять водки двѣ чарки, а третую чарку оцту крѣпкого, дать випить—вещъ апробована.

124) *На пухлину:* намочи в горѣлки камфори, и пить надще в день и ложась спать.

125) *Ежели тѣло спарит*(ъ) ли опечет(ъ), кизикъ (кизякъ) товарячой з соломою прикладать.

126) *Итемъ:* оливу з бѣлкомъ яйця горазда змѣшать, избить, тимъ мазать часто чрезъ день.

127) *Итемъ:* качанъ капустяной облупить, столкти, прикладать часто—весма полезно.

NB. 128) *На кашель з кровью*—синюе маковое листя варить у водѣ и пит(ь) тепло—полезно.

129) *От пухлини:* накопать кореня вербового, настругать з него кори, придать толченого яровця (= яловцю), зварить в пивѣ и пить раза по четирѣ в день по кубочку; чрезъ урину вигонит(ь) опухъ.

130) *На кашель с кровю*: взять води чистой кварту, придать купервасу чверть лота, галуну пол чвертки лота, стерти вмѣстѣ, змѣшать из водою, варить четверть часа, снять с огня; якъ устоится, слить с верха, дать пить болному; заразъ перестанеть.

131) *Дѣти чтоб в постель невсцикались, неловили риби:* росъпалить сталь, гасить в молоки козиномъ или овечомъ, давать пить дѣтямъ.

132) *Ежели кровъ идеть з носа* и неперестаеть, взять цибулѣ три или болше, покришить дробно, вложить в черепокъ, присмажить на огнѣ, положить на платъ и приложить на подошви; вещъ апробована.

133. *На болние очи и бѣлмо* масть весма изрядная: какъ курка перестанеть водит(ь) курчатъ и станеть нестись, взять первое яйце, в ономъ здѣлать дѣрку, випустить жовтокъ, а бѣлокъ оставить, до которого впустить оливи, змѣшать, заткнуть дѣрку деревянимъ чопикомъ и залѣпить в хлѣбъ, всадить в пѣчъ; какъ упечется, винять хлѣбъ, и с оного яйця, в которомъ будеть масть золотомъ неоцѣненая по ея добротѣ, тою мастю мазать очи; бѣлмо безъ сумнѣнія угоить.

134. *Итемъ*: взят(ь) инберу толченого лотъ, квѣту мушкатевого толченого лотъ, варит(ь) каждое в маленькихъ горщичкахъ у водѣ доволно, процѣдить, чтоб било той води четвертая доля кварти, придат(ь) до нея канфори (и-сахаромъ мѣлко терти) лотъ, змѣшат(ь), и держать про случай; впускать оную водку в очи

кропѣлями еже часто (s.); над ее лутшого лѣкарства на болние очи бит(ь) неможе.

135. *Итемъ:* полинь зелений з бѣлкомъ яйця стерти или сточи, положит(ь) на платъ и приложит(ь) на очи на ночъ.

136. *Итемъ, ежели от болю одного ока*, у кого одно око болить, взять листокъ буквицѣ, помазат(ь) медомъ яримъ, приложить над око на ночъ: перестанеть.

137. Взят(ь) рожевой води двѣ ложки, ладану грудочку, положит(ь) на вѣделки, палит(ь) оной на свѣчки восковой и гасит(ь) в показаной водѣ разовъ до тридцяти, процѣдит(ь), в толъ (?) покорму женского доставъ, змѣшат(ь) ложечку, пускат(ь) в очи, а паче натират(ь) вии весма полезно.

138. *Когда язичокъ спадет(ъ)*, стерть гоздиковъ, змѣшат(ь) з медомъ, в чарочки розогрѣть и перомъ помазат(ь) разовъ сколко, весма полезно.

139. *Когда болитъ горло*, соли столчи неочень мѣлко, упряжи на сковородѣ, положи в платъ, тепло приложит(ь) до горла; весма полезно.

140. *Когда голова болитъ или кашель*, нагрѣт(ь) води з сѣномъ, налить в посудъ такой, чтоб ноги по колѣна у водѣ били; будеть потъ весма великой; напитись чаю чашокъ три, лягши укритись, будеть еще потъ превеликий; свободится отъ кашлю, тожъ болю голови.

141. *Ежели катаръ носъ здавитъ*, взят(ь) шевлѣи, положит(ь) на жаръ и тотъ димъ пускат(ь) в носъ весма полезно.

142. *От болю зубовъ*: накопат(ь) вишневого кореня, накришит(ь) не в болъ шой горщокъ, налит(ь) водою, замазат(ь) и сварит(ь); тою водою полоскат(ь) ротъ; перестанеть.

143. *От поносу кривавого:* взять калѣи (?), минѣи, червоного каменя, раковихъ очокъ, растворить водкою, давать болному випить; свободится.

144. *Ежели голова болитъ или шумитъ в ушахъ*, сварит(ь) сѣмя, снят(ь) с огня, вложит(ь) горячой камен(ь), накрит(ь)

голову, держат(ь) надъ парою; будет(ь) болшой потъ и макрота з носа и рота; свободится.

(Приписано другимъ почеркомъ):

До скота, ежели падежъ, должно уюновъ живихъ достать и давать всякой скотинѣ по одному уюну.

145. Взять салсопараллѣ едну мѣру, води перевареной семъ мѣръ и намочит(ь) тое салсопаралѣ в показаной водѣ, даби чрезъ ночъ мокло, поутру варить, чтобъ третая доля википѣла, смотря прилѣжно, даби незбѣгало, отцѣдивши, сховать на холодъ, толко наблюдать, чтобъ немогло замерзнуть, и принѣмать оного декокту рано и вечеръ три чашки чайнихъ горячого, а после приему окутать себе в постелѣ на часъ места; на оставшиесь же виварки злить перевареной води и варит(ь) с полчаса, и тое пить теплое, мѣсто ординарного пития; дѣлать же такъ чрезъ сорокъ дней, и между тѣмъ оберѣгатся кислихъ, солонихъ и сировизни в пищу впотребляемихъ вещей.

146. Взят(ь) коровячого калу свѣжого, вложит(ь) в новой горщокъ, налит(ь) оцтомъ, чтоб било какъ кисель, варит(ь) крѣпко, приложить на болние ноги тепло, какъ можно стерпѣть, пластромъ неболшимъ; какъ раза три,—весма конечне свободится.

147. Жабъ двѣ зсушить, а жаби били б тѣ, что подъ хатами в призбахъ, истерти мѣлко, до (s.) горчици бѣлой жменю, рути жменю и перцу жменю, насипать в горщокъ горѣлкою простою, мѣрою кубковъ десять, и в гарячую пѣчъ поставит(ь), чтобъ упрѣло, а с печи винявшы, вихолодить и тѣмъ кубкомъ скотъ заливат(ь), а тое лѣкарство на десять штукъ скотинъ.

148. *На болъ голови:* чорнобилю кореня накопать и оттопить у трохъ гарячихъ печахъ у соровцѣ молодому, и тимъ голову змить; вещъ апробованна.

149. *На вигубление мишей:* постанови огня в начиняхъ якихъ, на тотъ огонь класть лупини и шкурку з цибулѣ, чтоб курѣло, всегда прикладивая; когда сие разъ албо два или три здѣлаешъ, всѣ виздихають; есть досвѣдчоное.

NB. 150. *На блощицъ:* взять насѣнний огурокъ, добре поспѣлий, положить его в кутку, чтоб согнилъ по волѣ, вибравшы з него сокъ, в которий умочивая пѣрце, шморовать шпаруни и дѣрки; болѣе онихъ незабачишъ.

151. *От отравы члвка:* на веснѣ, скоро из землѣ снѣгъ сойдеть, какъ сищешъ муравю, оной набери в глек со всѣмъ и насипъ горѣлкою либо сировцемъ новимъ заткнуть добре глекъ, и какъ помокне горазда и в ономъ муравя помрутъ, процѣдит(ь) и держат(ь) в пляшки добре закупероват(ь) и болящому дават(ь) три раза на-дще пить; и здоровому члвку оное пить не вредно, но добре.

152. *На блохи:* варит(ь) у водѣ кмѣнъ красний, тою водою кропит(ь) по хатѣ.

(Приписка тѣмъ же почеркомъ, что подъ №№ 35, 43, 87, 144).

Старои берези кора лѣчит(ь) болѣзнь и установляе слабой жолудокъ, а кору тую товкти и прошокъ зробит(ь) и з горѣлкою випить; перестане.

153. Кр. Говорит(ь) должно на всякихъ воротахъ, в якии скот ходит(ь), поки скотъ перегнать; тоже от падежа:

„Селю (?) сей домъ новий и засилаю силную воду за девяносто верстъ. На воротяхъ огнь силний, а в загородѣ теренъ да шепшина. Когда злая тварь тую силную воду перепливе, а на воротяхъ той силний огнь перейде, и в загородѣ теренъ да шепшину пожре, тогда до моего скоту приступит(ь)“, и плунут(и) 3.

155. *От глистовъ надобно зделат(ь):* у маленкому горщичку оттопит(ь) цитвару и плястеръ зделат(ь), на груди прикладат(ь) дитинѣ.

156. *Такожъ:* цитвару фунтъ или болше в маленкому ленбику, насипавши самою простою сивухою, перегнат(ь) и дат(ь) болному напиця; заразъ свободиця.

Да к тому жъ олѣкъ цитваровои, полинной и мятковой (?), мазат(ь) около пупка и . . . (?) или на сахарѣ посипавши дат(ь).

Когда запоръ водний (?) в человѣцѣ, то блощиць стовкти и випить в чимъ не есть.

(3-мъ почеркомъ).

От падежной болѣзни рай-дерева насѣння.

Ежели на руки или ноги рана, то его листя потребно.

№ IV.

Записки о лѣкарствахъ на разные болѣзны.

(№№ 1—26 и 31—34 — выбраны изъ тетради № III; №№ 27, 35—8 изъ тетр. № I; №№ 39—41—изъ тетради № II; за тѣмъ):

42. *Зѣля бедренецъ* есть полезное исты его от всякой болѣзни и от болѣ грудей ползуеть.

43. *О волосѣ болячки.* Когда здѣлаетця болячка волосова а хощется еи улѣчити, то взять днѣпрову черепаху, не ту, что естъ ходячая, но которая в скалки неимѣетъ ходу, но толко животное с одной води имѣетъ тело; еи взять (?), изнять з неи шкалярущу (зачеркнуто и написано „шкору"), стовкти въ мощиру и ту терть, прикладать до неи. 2. Тое же делать, когда человѣкъ хоръ, розгоритця, то до горячого тѣла прикладать, и вигонить огонь.

3. Когда у кого бываетъ волосъ на руцѣ, возми смоли чорнои да калу гусиного и меду прѣсного, истопи въ мѣстѣ, намажъ на сукняной (у.—ный?) платъ и прикладай на рану; вигонить волосъ из рани.

44. *О гаратцѣ.* Аще в кого горячка, то прикладать на пупъ и вездѣ навука: помагаеть.

45. *О глистахъ разныхъ.* Взять зѣля кропиви, уварить добре з оцтомъ добрим, немного посолывшы и пить на-дще.

46. *О гризѣ.* Когда у кого желудкова гризь илы кости болять, то накопавши корѣння кропивного и спаливши смешать з оц-

томъ и приложить до утроби, то оздоровѣетъ: и утробу тверду мягчить.

47. *Дягилевое кореня* гризти часто—апетитъ даетъ до ястия и питя, и когда блюеть, то перестанет.

48. *Ужува шкура*, когда гадюка вкусит, то размочи(ть), и столочь ею, приложи, оздоровѣеть.

49. *О дикомъ мясѣ.* Спалить гадину [1]) и купервасу и прикладать до рани. 2. Моркви сирои прикладать до рани.

50. *О заворотѣ головы.* Зѣля роменъ спарить, пить и ноги парить. 2. Чернобѣль ув оцтѣ крѣпкомъ уварить и голову теплимъ мить. 3. Насѣня кропивное з оцтомъ от(?)толкши, на чело прикладать.

51. *О запертѣ водно(го) проходу.* Осики моложав(ои) в водѣ сварити и пит, особливожъ тимъ листомъ, аще в кого опухъ ест, окладат(ь). 2. Озми хо... (?) столчи сухо и мяко и пий з водою. 3. Сорочого мозку з горѣлкою з маковое зерно випи(ть), того жъ часу поидет (?).

52. *О кашлѣ* вѣдушномъ (?). Взявъ калачиков белих и в водѣ оттопи(ть) добре с медомъ, спаривши, пит(ь), весма оздоровѣетъ, и персамъ помогаеть.

53. *О кропивѣ.* Кропива такую силу содержить: ежелы на животѣ тяжко, то наварить ею з вином и пить на-дще. 2. Такоже у кого под пупомъ естъ гризь у лонѣ, то надлежить сѣмя стовк ти и до рани класти. 3. Ежелы на какомъ человѣку желчь виидет на лице, то ею з вином пить, и будетъ чистъ и здоровъ.

54. *О ловлении звѣра.* Козиную и селезневу кровъ и орехову кору столкти вместо все, подвязать себѣ под пахву, когда хочешь звѣрь ловить.

55. Когда хочеш рыбу ловить, петухову селезневу кровъ и орехову кору вместѣ тожъ столочъ, подвязать себѣ под пахву.

56. *От жовтяницъ*: С яблука з середини винять качанъ, шапран(у) положить, испекти и исти раза 3.

[1]) Галуну?

57. *Пекелний огонь* потушить: коровячий калъ, соль белая вино волоское варить и приложить, послѣ галуном посипать, в (?) гнилое.

58. *О болѣзны головной.* Взять ржаного хлеба, искриши его мелко, на круто солы и кмѣну с канфорою тутже положи и наприской гораздо крѣпким уксусомъ, намочи сальфету, привяжи къ головѣ.

59. Балсамъ сулфурисъ деребентина... 3 каплѣ принимать от странgулѣи.

60. Балсамъ сулфурисъ анѣзатъ от грудей.

61. С тютюномъ хотя разомъ дней 5 или болше ходить.

Плястеръ: 5 цыбуль с пекти, скришить дробно да мила доброго положить часть и свиного смалцю не солоного истерти и класти на пузиръ, когда от тютюну незагоитця. Вишъ писаний тютюнъ и плястеръ на пузиръ, когда въ кого гемороиди виходять пузирамы и оние пузири треснувши немогли бъ гоитця.

(На отдѣльномъ листкѣ, другимъ почеркомъ).

Полиню утовкты тепло свѣжого и поварившы с водою, и ту воду пускаты в ушы, и тогда черви уморить (?).

Аще кому шумъ в уши приходит .... (кропиви?) хлухои парити, ук сусъ в уши многажди пускати, и тако черви умѣрают.

С корени свеклы сокъ вижаты и в уши по капелки пускаты.

(На отдѣльномъ листкѣ, другимъ почеркомъ).

Алкермесъ чайную ложечку по утру принимать и запить вином стаканчикъ или чаемъ, а принимать чрезъ два днѣ или 3 днѣ.

Кровочистительнихъ капель два лота по 30 капель в чаи чрезъ 3 дни принимать.

Александрійского листа ... (и пр. мало разборчиво) ...

Когда цвѣтъ неидетъ в жени, взять калу лошачого лошачка и с маслом розвести и смажить и тепл(ой) калъ класти около чреслъ, а пить шафранъ с чаем или с вином.

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Кампинскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Гринцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. Л. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тепинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. и. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Ист. Общ. Н. Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За пер. прилагается 25 к. Кн. 3 ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины".

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и мировоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго, рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1890 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.